

Eur.

914

d

БИБЛІОТЕКА
Михайла Івановича
СЕМЕВСКАГО.

Приобрѣтена:.....

Отдѣлъ:.....

№

3843

Библиотека основана 11 іюня 1855 г.

Lichstein

Бир.

914 d

D/6
83

Aug. 4

VIII
57

9444/12

ЗАПИСКИ

О ПОХОДѢ ВЪ ВЕНГРІЮ.

3 A H C K M

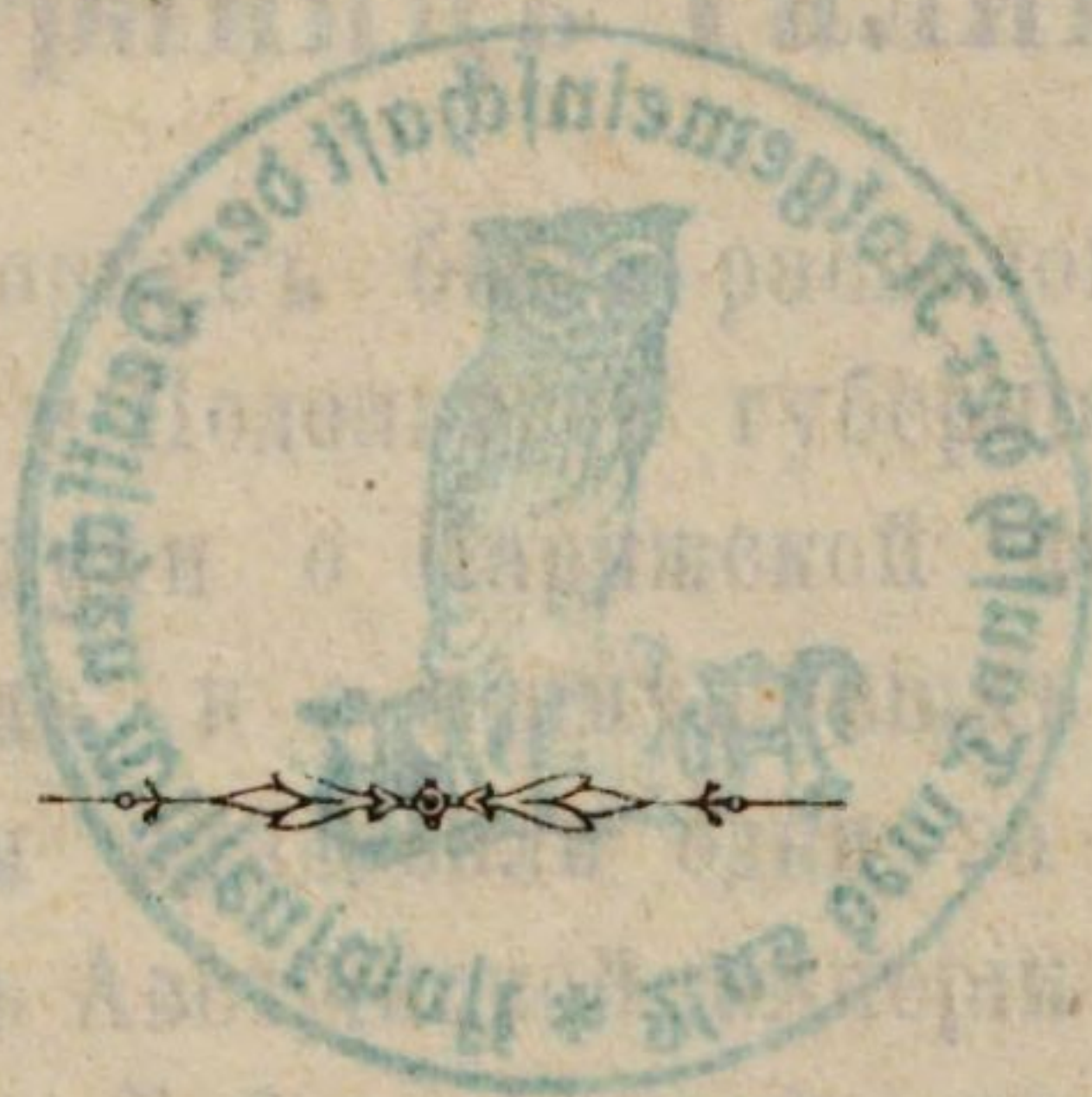
0 NOXODT B P BEHIBIO.

с
ЗАПИСКИ
О ПОХОДѢ ВЪ ВЕНГРІЮ

вѢ 1849 году,

М. Д. Лихутина.

МОСКВА.

Типографія А. И. Мамонтова и К^о, Леонтьевскій переулокъ, № 3.

1875.

Г. н. 5176

ЗАПИСКИ

О ПОХОДѢ ВЪ БЕЛЛІЮ

В. Д. ПУШКИНЪ

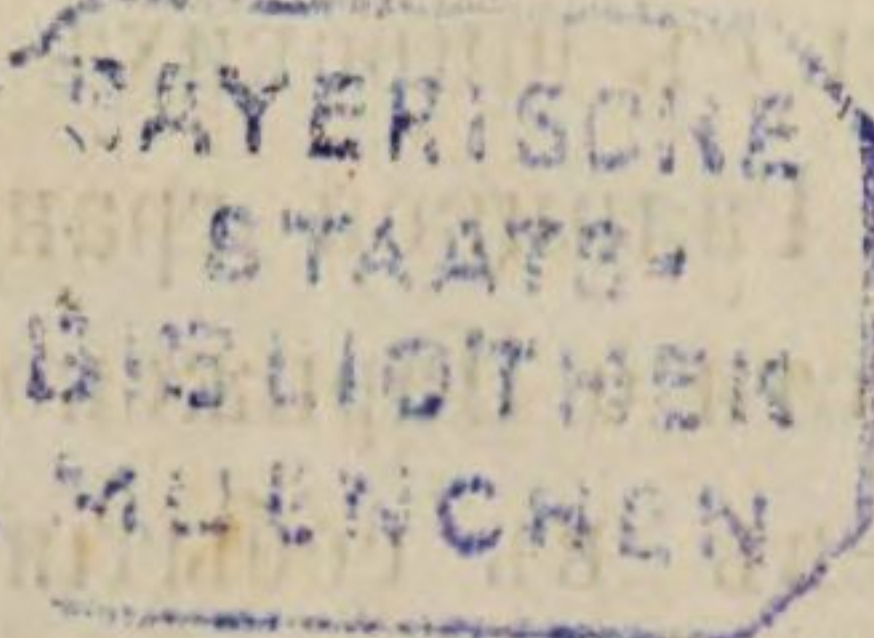

МОСКВА

Трудовъ А. И. Мавроука въ 1875 году, изданы въ 1875 году, № 1.

1875

ЗАПИСКИ О ПОХОДѢ ВЪ ВЕНГРІЮ

ВЪ 1849 ГОДУ *).

I.

На границѣ Галиціи.

4 пѣхотный корпусъ былъ расположенъ въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ, когда распространились слухи о Парижской февральской революціи 1848 года и о возмущеніяхъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Беспорядки слѣдовали одни за другими почти во всѣхъ частяхъ Австрійской имперіи и перешли наконецъ въ Галицію. Войска 4-го пѣхотнаго корпуса были приведены въ военное положеніе, въ апрѣлѣ 1848

---

*) Записки эти писаны первоначально тотчасъ послѣ Венгерской войны, въ 1850 году, офицеромъ, служившимъ въ войскахъ 4-го пѣхотнаго корпуса, заключаютъ въ себѣ личныя наблюденія и впечатлѣнія очевидца, не повѣренныя и не измѣненныя по другимъ свѣдѣніямъ и документамъ, и относятся преимущественно къ дѣйствіямъ 4-го пѣхотнаго корпуса.

года тронулись съ широкихъ квартиръ и расположились тѣснѣе вдоль Галицкой границы.

Первыя вѣсти о Парижской революціи и объ участіи самихъ Нѣмцевъ въ событіяхъ Берлина и Вѣны произвели вездѣ какой-то трепеть и ожиданіе чего-то новаго, необыкновеннаго—разлива новыхъ идей. Но волненія Поляковъ въ Познани и Галиціи, участіе польскихъ генераловъ въ возстаніи Венгріи противъ австрійскаго правительства, т. е. поддержка ими Венгровъ противъ Славянъ, и особое оживленіе, замѣчавшееся между русскими Поляками,—мало-по-малу разъясняли смыслъ событій и показывали, что для насъ дѣло идетъ о рѣшеніи старыхъ задачъ и о предупрежденіи старыхъ польскихъ попытокъ. Одновременно съ революціями 1848 года появилась на свѣтъ, или сдѣлалась болѣе распространенною, идея о правахъ каждой отдѣльной народности на самостоятельное существованіе, какъ независимаго государства. Поляки примѣнили эту идею къ себѣ, безъ уступокъ своихъ прежнихъ правъ и границъ 1772 года.

Сдѣлалось извѣстно, что много эмиссаровъ отправлено различными польскими обществами изъ Лондона и Парижа для распространенія въ нашихъ западныхъ губерніяхъ волненія, охватившаго Европу. О появленіи ихъ имѣлись уже точныя свѣдѣнія. Между прочимъ, рассказывали, что какой-то панъ, переодѣтый въ мужика, продѣлывалъ въ корчмахъ передъ толпой крестьянъ притчу съ зернами. Онъ разложилъ на столѣ, кругами, нѣсколько зеренъ и, показывая на среднее зерно, говорилъ: „вотъ это—царь, это кругомъ—министры, кругомъ ихъ—генералы. Много ли ихъ?... А вотъ это—

вы, закончилъ онъ, засыпая царя, министровъ и генераловъ полною пригоршнею зеренъ. — Гдѣ теперь министры и генералы? "... Крестьяне улыбались. Они желали бы засыпать польскихъ пановъ. Нѣсколькихъ эмиссаровъ поймали. Но у насъ все оставалось спокойно.

Въ Галиціи Поляки стали собираться въ скопища и обучаться строю. Явились предводители, изъ числа которыхъ упоминалось чаще другихъ имя генерала Дверницкаго. Потомъ пошли слухи о намѣреніи Поляковъ вторгнуться въ наши предѣлы и возмутить западныя губерніи. Какъ ни нелѣпо могло казаться въ послѣдствіи такое предпріятіе и какъ ни незначительно въ нашихъ западныхъ губерніяхъ польское населеніе, но у насъ слухамъ вѣрили и опасались, что вторженіе можетъ надѣлать намъ много хлопотъ при общемъ тревожномъ настроеніи и при извѣстной восторженности Поляковъ. Весь 1848 годъ прошелъ для войскъ въ небольшихъ и напрасныхъ тревогахъ. Простой православный народъ, крѣпостные польскихъ пановъ — боялись нападенія и о малѣйшемъ слухѣ сообщали войскамъ; войска охотно вѣрили имъ, потому что желали поскорѣе военныхъ дѣйствій. Вотъ одинъ болѣе знакомый мнѣ случай тревоги по слуху, надѣлавшій наибольшаго шума.

Священникъ одного пограничнаго селенія далъ знать командиру расположеннаго по близости Донскаго казачьяго полка, что получены вѣрныя свѣдѣнія чрезъ галицкихъ крестьянъ о намѣреніи Поляковъ перейти границу недалеко селенія Щастновки, въ мѣстѣ, называемомъ Зеленая-Поляна, и оттуда идти на г. Староконстантиновъ, близъ котораго, будто бы, по какимъ-то старин-

нымъ предсказаніямъ, они должны разбить Русскихъ. Говорили, что Дверницкій съ своимъ войскомъ стоитъ уже не далеко. Изъ корпуснаго штаба, стоявшаго въ гор. Дубно, послали меня для разясненія этихъ свѣдѣній. Я отправился въ м. Теофиполь къ командиру казачьяго полка. Онъ, какъ и всѣ, вѣрилъ слуху и уже приготовился встрѣтить непріятеля. Изъ Теофиполя я поѣхалъ на границу. Изъ разспросовъ мужиковъ было видно, что слухи о нападеніи и ожиданія скорого исполненія ихъ были у насъ общи. Таможенный чиновникъ, жившій въ отдѣльномъ домѣ на самой границѣ, тоже вѣрилъ имъ. Отъ него я отправился, въ сопровожденіи объѣздчика таможенной стражи, по пограничной чертѣ къ тому селенію, въ которомъ жилъ священникъ. Была уже ночь, безлунная и безоблачная; кругомъ лежала широкая равнина: это была Зеленая-Поляна. Пріѣхавъ въ селеніе, я отправился къ священнику. Въ его домѣ горѣлъ еще огонь. Я вошелъ въ кухню; три женщины мыли бѣлье. На мнѣ была шинель. Не разглядѣвъ, что я русскій военный, женщины приняли меня за Поляка, вообразили, что вторженіе уже началось, что я пріѣхалъ за священникомъ, и бросились въ сосѣднюю комнату; тамъ засуетились. Разбуженный и напуганный священникъ вскочилъ съ постели и бросился отворять окно, чтобы спастись въ поле. Я поторопился объяснить, кто я и за чѣмъ пріѣхалъ. Священникъ ожидалъ перехода Дверницкаго черезъ границу въ эту самую ночь, и потому-то мой пріѣздъ всѣхъ такъ встревожилъ. Онъ до такой степени былъ увѣренъ въ нападеніи Поляковъ, что отправилъ жену и дѣтей къ родственнику, верстъ за 40 отъ границы.

— Граница отсюда не болѣе 200 сажень, говорилъ онъ.—Если они перейдутъ, я первый попадусь въ ихъ руки, и меня повѣсятъ.

Послали за полѣсовщикомъ, который ежедневно видѣлся съ Галичанами сосѣднихъ деревень, за однимъ мужикомъ-контрабандистомъ, бывшимъ наканунѣ въ Галиціи въ г. Торнополѣ, и за другими. Контрабандистъ видѣлъ въ этомъ городѣ шайки вольницы, въ числѣ 2—3 тысячъ человѣкъ, но молва увеличивала число ихъ до 40 тысячъ. Они каждый день шумѣли на городской площади, бродили по кабакамъ, пьянствовали и громко хвастали, что скоро пойдутъ на Москву; но большая часть ихъ не были вовсе вооружены. Изъ всѣхъ разсказовъ собравшихся къ священнику нѣсколькихъ крестьянъ было видно, что галицкіе крестьяне усердно слѣдили за дѣйствіями своихъ пановъ и шляхты и о всемъ сообщали нашимъ крестьянамъ, а эти спѣшили о слышанномъ и видѣнномъ доводить до свѣдѣнія нашихъ войскъ разными путями. Галицкіе крестьяне были наши передовые посты; но, изъ излишняго усердія и опасеній, многое преувеличивали. Въ настоящемъ случаѣ не было никакихъ точныхъ свѣдѣній; да и нельзя было предполагать, чтобы неорганизованная и невооруженная толпа гуляющей шляхты могла что-нибудь сдѣлать. На слѣдующій день, рано утромъ, я отправился опять на Зеленую-Поляну. Это было обширное, ровное поле, засѣянное хлѣбомъ, безводное и безлѣсное; не было никакого естественнаго препятствія для перехода черезъ границу, и это вѣроятно послужило причиною, что молва избрала Зеленую-Поляну для движенія въ наши предѣлы воображаемой арміи; но здѣсь

не проходила ни одна дорога и правильно устроенному войску было бы трудно слѣдовать.

Возвращаясь въ Дубно, я проѣзжалъ чрезъ мѣстечко Вишневецъ, принадлежавшее прежде кн. Вишневецкому, а теперь гр. Мнишку. Въ окрестностяхъ квартировалъ уланскій полкъ. Нѣсколько эскадроновъ собрались уже въ мѣстечкѣ и стояли готовыми на случай появленія непріятеля.

Въ м. Вишневецѣ, въ обширномъ палацѣ гр. Мнишка есть подлинныя старинныя портреты Лжедмитрія и Марины. Лжедмитрій сухощавъ, смуглъ, лицо простое, круглое, съ большими скулами, нѣсколько калмыцкаго очерка, что можетъ отчасти указывать на его рожденіе въ Россіи. Марина очень бѣла, блѣдна, но далеко не такая красавица, какъ пишутъ въ романахъ. Тутъ же висятъ картины, изображающія въѣздъ самозванца и Марины въ Москву, ихъ коронацію, бракъ и проч., русскихъ бояръ въ бѣлыхъ парчевыхъ одѣяніяхъ, стрѣльцовъ, народъ и кремлевскіе соборы.

Возвратившись въ корпусный штабъ, въ г. Дубно, я нашелъ тамъ новыя и еще болѣе тревожныя слухи, исходившіе, повидимому, изъ польскихъ источниковъ. Говорили, что нападеніе на границу уже сдѣлано, что между нашими отрядами и польскими войсками произошла жаркая схватка, что Русскіе разбиты, между уланами много убитыхъ и раненыхъ, такіе-то именно начальники и офицеры убиты, и проч. Слухи эти до такой степени казались вѣроятными, что многія части войскъ сосредоточились и нѣкоторыя даже выступили на соединеніе съ другими.

Въ первой половинѣ 1848 года австрійскія дѣла въ

Галиціи были въ самомъ дурномъ положеніи. Пренія власти существовали, но были безсильны или напуганы. Войскъ было немного, да и тѣ расположены были небольшими частями въ главныхъ городахъ для охраны правительственныхъ лицъ и учреждений. Поляки дѣлали что хотѣли; надеждамъ ихъ не было границъ, и возстановленіе старой Польши казалось близкимъ.

Во второй половинѣ 1848 года сдѣлался замѣтенъ, собственно въ Галиціи, поворотъ дѣлъ въ пользу Австрійцевъ. Австрійское правительство обратилось, попрежнему, къ помощи галицкихъ Русиновъ и нашло въ нихъ поддержку. Изъ крестьянъ было сформировано ополченіе (ландштурмъ), вооруженное косами и ружьями; польскія шайки разогнаны; бунтъ въ Львовѣ (Лембергѣ) усмиренъ; польскіе предводители бѣжали въ Венгрію, гдѣ, по близости Галицкой границы, на южной сторонѣ Карпатовъ, продолжали формировать свое ополченіе изъ Поляковъ, сходящихся со всѣхъ сторонъ старой Польши. Надо полагать, что во второй половинѣ 1848 года и у нашего правительства установился болѣе спокойный взглядъ на произшествія въ Галиціи, и оно ожидало отъ нихъ вовсе не тѣхъ послѣдствій, какихъ ожидало вначалѣ, потому что въ войскахъ было получено распоряженіе, чтобъ изъ Галиціи черезъ границу пропускать въ наши предѣлы спасающихся Поляковъ только въ случаѣ рѣзни, т. е. ожидали не возмущенія для возстановленія Польши, а повторенія рѣзни 1846 года.

У насъ, въ Россіи, по крайней мѣрѣ въ мѣстахъ пограничныхъ Галиціи, не было никакихъ безпорядковъ.

Войска, за исключеніемъ небольшихъ ложныхъ тревогъ, стояли спокойно на своихъ квартирахъ.

Наши офицеры ѣздили иногда на границу, гдѣ устраивались свиданія съ австрійскими офицерами. Бывали также охоты съ облавами, для которыхъ Волынская губернія представляетъ большія удобства, парадные обѣды, вечера и даже балы. Офицеры ухаживали за Польшами, чему обыкновенно патріотизмъ не мѣшаетъ. Польскіе помѣщики не выказывали намъ открытой непріязни; нѣкоторые даже знакомились съ нами, но вели себя вообще сдержанно и холодно. Отъ нѣкоторыхъ пановъ можно было услышать мнѣніе, что ихъ пугали идеи социалистовъ и коммунистовъ, — мнѣніе служившее иногда тщеславнымъ намекомъ, что безъ этого они не остались бы спокойны, а чаще — общимъ пугаломъ, прикрывавшимъ дѣйствительныя опасенія возможности и у насъ того же, что случилось двумя годами прежде въ Галиціи, гдѣ уже разъяснилось, что вопросъ идетъ не о какихъ-нибудь общихъ непонятныхъ у насъ идеяхъ, а просто о польскомъ владѣніи и господствѣ. Идеи о правахъ національностей оказались у насъ неудобопримѣнимыми для самихъ Поляковъ; неискусный чародѣй самъ испугался вызваннаго имъ духа; русскія имѣнія были цѣннѣе и вѣрнѣе сомнительной самостоятельности польскаго государства. Вѣроятно также, что на полное спокойствіе у насъ имѣла вліяніе извѣстная строгость русскаго правительства; въ случаѣ бунта Варшавы, по примѣру Парижа, Берлина и Вѣны, можно было ожидать, что городъ этотъ, не шутя, былъ бы обращенъ въ груды развалинъ. Для старой Польши оставалась только внѣш-

няя помощь, надежда на которую уже загоралась въ заревѣ пожара, охватившаго Венгрію.

Генераль Бемъ, руководившій въ Трансильваніи мятежомъ Секлеровъ, или какъ ихъ называютъ также Венгро-Секлеровъ, потомковъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ) Печенѣговъ, племени родственнаго Мадьярамъ, или собственно Венграмъ, — успѣлъ поставить, командовавшаго тамъ австрійскими войсками, генерала Пухнера въ такое отчаянное положеніе, что Пухнеръ долженъ былъ заключить съ нимъ перемиріе. Пользуясь этимъ, Бемъ въ декабрѣ 1848 года появился на другомъ концѣ Трансильваніи, перешелъ въ Буковину, оттѣснилъ бывшіе здѣсь австрійскіе отряды, занялъ г. Быстрицу и угрожалъ Галиціи. 30 декабря главнокомандующій австрійскими войсками въ Галиціи, генераль Гаммерштейнъ, увѣдомилъ командира нашего 4-го пѣхотнаго корпуса, генераль-отъ-инфантеріи Чеодаева, что австрійскія войска въ Трансильваніи разбиты Бемомъ, который съ значительными силами идетъ уже на г. Черновицъ, что онъ, Гаммерштейнъ, отправилъ противъ него форсированнымъ маршемъ, всѣ войска, которыя могъ имѣть свободными въ своемъ распоряженіи, и спрашивалъ, можетъ ли онъ надѣяться, въ случаѣ надобности, на дружественную помощь войскъ 4-го пѣхотнаго корпуса.

Въ 4-мъ корпусѣ были тотчасъ сдѣланы предварительныя распоряженія — быть готовыми къ выступленію, а вопросъ генерала Гаммерштейна отправленъ къ главнокомандующему дѣйствующею арміею, фельдмаршалу князю Паскевичу въ Варшаву. Вскорѣ изъ главнаго штаба нашей арміи получено распоряженіе о сформированіи, на случай дѣйствій, близъ г. Каменца Подольскаго особаго

отряда, котораго назначеніе состояло—защищать пространство нашей границы противъ этого города, такъ какъ Буковина прилежить къ Подольской губерніи. Другой отрядъ предполагалось сосредоточить около Дубно, въ числѣ 20 тыс., для дѣйствій въ Галиціи по направленію отъ м. Радзивилова. Отряды эти могли переходить границу противъ мятежниковъ, въ случаѣ еслибъ они приблизились къ нашимъ предѣламъ на два перехода.

Двинутыя генераломъ Гаммерштейномъ противъ Бема войска оттѣснили его передовые отряды. Въ то же время австрійскія войска, подъ командою генерала Варадинера, вступили въ Трансильванію со стороны Венгріи. Эти нѣсколько успѣшныя, повидимому, дѣйствія Австрійцевъ были причиною ложныхъ извѣстій, переданныхъ намъ австрійскими властями, что Бемъ разбитъ фельдмаршалъ-лейтенантомъ Варадинеромъ при с. Радауцѣ и бѣжалъ куда-то, а его скопища перешли въ Молдавію, и что онъ можетъ-быть скрывается въ Галиціи; даже сдѣланы были распоряженія ловить его, а укрывателей грозили предавать военному суду и строжайше наказывать. Формированіе нашихъ вышеупомянутыхъ отрядовъ было отмѣнено.

Оказалось однако же, что Бемъ не разбитъ и не бѣжалъ, а дѣйствовалъ искусно, пользуясь ошибками Австрійцевъ. Оставивъ незначительныя силы въ Буковинѣ противъ Галиціи, онъ въ январѣ 1849 года перешелъ опять на югъ Трансильваніи, разбилъ австрійскія войска у Штольцберга и занялъ г. Кронштадтъ. Мятежъ въ Трансильваніи разгорался; жители вооружались поголовно. Во второй половинѣ января генералъ Пухнеръ и города Германштадтъ и Кронштадтъ,

жители которыхъ были нѣмецкаго племени и оставались вѣрными австрійскому правительству, обратились къ русскому военному начальнику въ Молдавіи съ просьбой о помощи. Два отряда нашихъ войскъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Энгельгардта и полковника Скарятина, немедленно двинулись въ Трансильванію и заняли эти города, а 23 января вмѣстѣ съ генераломъ Пухнеромъ атаковали отрядъ мятежниковъ впереди Германштадта и разбили его. Кронштадтъ и Германштадтъ были на время спасены.

Въ половинѣ февраля Бемъ снова появился на сѣверѣ Трансильваніи, разбилъ при Быстрицѣ австрійскія войска, состоявшія подъ начальствомъ полковника Урбана, потомъ въ концѣ февраля обратился на югъ Трансильваніи противъ генерала Пухнера, воспользовался его движеніемъ, которымъ онъ разъединялся съ русскимъ отрядомъ полковника Скарятина и отдалялся отъ Германштадта, быстро двинулся къ этому городу, встрѣтилъ передъ нимъ оставшійся здѣсь отрядъ полковника Скарятина, атаковалъ его и, послѣ упорнаго боя, принудилъ къ отступленію. Генераль Пухнеръ поспѣшилъ на помощь къ Германштадту; но было уже поздно, — онъ успѣлъ только соединиться съ отрядомъ Скарятина и отступить вмѣстѣ съ нимъ. Пораженіе Русскихъ имѣло большое вліяніе на духъ Австрійцевъ: въ ночь съ 2 на 3 марта большая часть отряда Пухнера разбѣжалась и многіе изъ его солдатъ вступили въ ряды мятежниковъ; самъ Пухнеръ, съ нимъ нѣсколько австрійскихъ генераловъ и до 1,200 рядовыхъ, вмѣстѣ съ отрядомъ полковника Скарятина, отступили въ Валахію.

Остальные войска Пухнера, разбросанныя въ Трансильваніи подъ начальствомъ генерала Каліани, отступили въ совершенномъ безпорядкѣ, преслѣдуемые Бемомъ, къ Кронштадту, къ отряду генераль-майора Энгельгардта. Такъ какъ не было никакой надежды на успѣхъ, то генераль Энгельгардтъ, вмѣстѣ съ Австрійцами генерала Каліани, оставилъ этотъ городъ и 8-го марта отступилъ также въ Валахію. Мятежники торжествовали; Трансильванія была ими совершенно очищена. Вмѣшательство наше на первый разъ было неудачно.

Въ Галиціи ожидали, что Бемъ перенесетъ туда военныя дѣйствія. Русскія войска, расположенныя въ Бессарабіи и Молдавіи, приготовились уже, при такомъ движеніи Бема, перейти границу и дѣйствовать ему во флангъ и на сообщенія. Но этого не случилось. Состояніе Галиціи было другое, чѣмъ Трансильваніи. Низшій классъ южной половины Галиціи, Русины (такіе же Русскіе, какъ жители Волынской губерніи), послѣ произшествій 1846 года были преданы австрійскому правительству и смотрѣли на Бема какъ на союзника своихъ пановъ, Поляковъ; войдя въ эту область, Бемъ встрѣтилъ бы больше враговъ, чѣмъ друзей. При одномъ извѣстіи о намѣреніи его вторгнуться туда, русинскій патріотъ Шелихъ собралъ до 20 тысячъ вооруженныхъ крестьянъ. Были даже свѣдѣнія, что галицкіе Поляки сами просили Бема не входить въ Галицію, изъ опасенія, что при первомъ его шагѣ они будутъ вырѣзаны, по недавнему примѣру 1846 года.

На главномъ театрѣ войны, въ Венгріи, австрійскія войска испытывали постоянныя неудачи. Австрійскій

отрядъ генерала Шлика, наступавшій со стороны Галиціи, отъ Кашау къ Токаю, въ концѣ января встрѣтился, у м. Тарчаля, съ корпусомъ венгерскихъ войскъ Мессароса, атаковалъ его, былъ отбитъ и отступилъ съ значительнымъ урономъ. Другой австрійскій отрядъ генерала Барко былъ разбитъ у г. Мункача. Наконецъ распространились слухи о пораженіи Венгерцами, при Капольно и Гатванѣ, главной австрійской арміи фельд-маршала кн. Виндишгреца, наступавшей съ противоположной стороны Галиціи, съ юга, отъ Дуная на Миш-больцъ.

15 апрѣля курьеръ привезъ въ Дубно изъ Варшавы распоряженіе: въ случаѣ требованія командующаго австрійскими войсками въ Галиціи, генерала Гаммерштейна, помощи русскихъ войскъ, — двинуть въ эту область части 4-го пѣхотнаго корпуса двумя отрядами, по-одиночкѣ, или оба вмѣстѣ, смотря по надобности: одинъ отрядъ, изъ пѣхотной дивизіи и бригады кавалеріи, — чрезъ Радзивиловъ, а другой, въ такомъ же составѣ, — на г. Тарнополь. При выступленіи обоихъ отрядовъ, корпусный штабъ долженъ былъ также перейти въ Галицію. Мы приготовились къ выступленію; но прошла недѣля, а генералъ Гаммерштейнъ, ко всеобщему нашему сожалѣнію, не требовалъ помощи.

Наконецъ 22 апрѣля другой курьеръ привезъ распоряженіе о выступленіи всего корпуса въ австрійскіе предѣлы для дѣйствій противъ венгерскихъ мятежниковъ. Условій не назначалось; распоряженія были положительныя; рѣшительный шагъ дѣлался; долго ожидаемая война начиналась.

Войска 4-го пѣхотнаго корпуса переходили границу въ

трехъ пунктахъ и направлялись: 12-я пѣхотная (генераль-лейтенанта Бушена) и 4-я легкая кавалерійская (генераль-лейтенанта Засса) дивизіи, 4-й саперный и 4-й стрѣлковый баталіоны и Донской казачій № 51 полкъ — чрезъ Радзивиловъ на Злочовъ и Львовъ (Лембергъ), 11-я пѣхотная дивизія (ген.-лейтенанта Бѣлогужева) — чрезъ Волочискъ на Тарнополь и Лембергъ и 1-я бригада 10-й пѣхотной дивизіи (генераль-лейтенанта Дебанъ-Скоротецкаго) — чрезъ Гусятинъ также на Злочовъ и Львовъ. Передовыя части этихъ колоннъ переходили границу: въ Радзивиловъ 26 апрѣля, въ Волочискъ и Гусятинъ 1 мая. — 2-я бригада 10-й пѣхотной дивизіи оставалась въ отрядѣ генераль-лейтенанта Гротенгельма, который назначался для отдѣльныхъ дѣйствій въ Буковинѣ.

Вслѣдъ за этимъ, въ Дубно прибыли австрійскіе комиссары и офицеры, назначенные для сопровожденія и распоряженій по продовольствію нашихъ войскъ. Австрійскій мундиръ былъ въ Россіи рѣдкостью; толпа народа сбѣжалась смотрѣть и всюду слѣдовала за Австрійцами. Тогда же пріѣхали чиновники министерства иностранныхъ дѣлъ, назначенные для дипломатической переписки.

Войска тронулись. Корпусный командиръ съ своимъ штабомъ (начальникъ штаба — полковникъ Веселитскій) долженъ былъ выѣхать изъ Дубно 29 апрѣля и слѣдовать въ Львовъ усиленными переходами.

Я получилъ приказаніе отправиться въ Галицію впередъ, чтобъ осмотрѣть дороги, по которымъ войска должны были слѣдовать, собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о краѣ, передать колоннамъ нѣкоторыя распо-

ряженія и возвратиться въ Львовъ въ опредѣленный срокъ, если позволить время, вдоль границы Венгріи. Въ Радзивиловѣ находились уже передовыя части войскъ. Трактиры были наполнены офицерами. Минута была радостная. Русское войско любитъ войну; шампанское лилось; всѣ были веселы, въ восторгѣ. Изъ Радзивилова я выѣхалъ, когда уже стемнѣло; формальности таможни исполнены; застава отворена — и русская тройка помчалась въ Европу. Дорога отъ Радзивилова въ Броды идетъ лѣсомъ; разстояніе между ними не болѣе 10 верстъ; чрезъ полчаса я былъ уже въ Бродахъ.

II.

Галиція.—Карпаты.—Граница Венгріи.

Городъ Броды—австрійскій портофранко, учрежденный, по вліянію Англичанъ, со времени Вѣнскаго конгресса (какъ рассказывали жители Бродъ). Всѣ товары тамъ необыкновенно дешевы, и потому изъ Бродъ вывозятъ большое количество контрабанды въ Галицію и особенно въ Россію; собственно въ Галиціи товары не много дешевле, чѣмъ у насъ. Городъ довольно великъ, хорошо выстроенъ и наполненъ жидами, этими общими врагами торговыхъ запрещеній, почитателями теоріи свободной торговли и главными контрабандистами. Я не успѣлъ войти въ гостинницу, какъ явилось болѣе десятка факторовъ, мѣняль и разнощиковъ съ разными товарами; всѣ предлагали свои услуги. Я размѣнялъ наши полуимперіалы на австрійскіе банкноты. Евреи были очень рады золоту, котораго, по ихъ словамъ, давно уже не видно въ Австріи. Въ Бродахъ,

кажется, нѣтъ ни одной христіанской церкви, за то есть большая синагога, которая, по увѣренію бродскихъ Евреевъ, первая въ мірѣ; въ Россіи дѣйствительно я не видалъ лучшей.

Отъ Бродъ начинается шоссе. Австрійская почта, несмотря на хорошія шоссированныя дороги, возила тише нашей, — лошади были тощи, иногда клячи; за то вездѣ исправность, порядокъ и на станціяхъ чистота, почти роскошь сравнительно съ нашими.

Въ г. Тарнополь я пріѣхалъ наканунѣ прихода 11-й пѣхотной дивизіи, которой я привезъ распоряженіе о направленіи ея отъ Лемберга на Пржемысль. Пользуясь свободнымъ временемъ, я осмотрѣлъ городъ. Онъ лучше Бродъ и въ Россіи могъ бы стать наряду съ первыми губернскими городами: улицы широкія, дома въ нѣсколько этажей, костелы великолѣпны; отели, кондитерскія, кофейни, магазины — бросаются въ глаза чистотою и богатствомъ. Въ Тарнополь живутъ въ своихъ палацкахъ многіе польскіе помѣщики. Около полудня въ городѣ сдѣлалось необыкновенное движеніе: народъ бѣжалъ навстрѣчу приближавшимся русскимъ войскамъ; выѣхали также и австрійскія военныя власти. Наши колонны, при громѣ музыки, прошли церемоніальнымъ маршемъ по главной площади города, окруженные густыми толпами народа, который смотрѣлъ на нихъ съ любопытствомъ и молча. Когда прошли послѣднія части войска, комендантъ, старый австрійскій генералъ, пригласилъ нашихъ генераловъ и бывшую при нихъ свиту на завтракъ, что впослѣдствіи повторялось во всѣхъ городахъ, гдѣ были военныя австрійскія власти.

У тарнопольскаго коменданта, кромѣ его семейства, собралось еще нѣсколько почетныхъ жителей, между прочимъ польскій графъ, жившій въ своемъ имѣніи возлѣ самаго города, его дочь, молоденькая, хорошенькая блондинка, и еще нѣсколько дѣвицъ Полекъ—всѣ красавицы. За завтракомъ графъ рассказывалъ, что въ какой-то галицкой газетѣ было напечатано, будто до 200 нашихъ молодыхъ офицеровъ дали другъ другу слово жениться непременно на Галичанкахъ, увѣрялъ, что это восхищаетъ юныхъ жительницъ Галиціи, и спрашивалъ, правда ли это.

При входѣ русскихъ войскъ въ города Галиціи, жители сначала боялись, что солдаты будутъ грабить, и запирали лавки; но потомъ, видя въ нашихъ войскахъ строгій порядокъ, успокоились и лавокъ болѣе не запирали. Торговцы были даже очень довольны вступленіемъ нашихъ войскъ,—торговля оживилась, появилась звонкая монета. Въ Австріи ходили только бумажныя деньги, не пользовавшіяся довѣріемъ и неудобныя въ обращеніи; за неимѣніемъ размѣнной мелкой монеты, банкноты въ одинъ гульденъ разрывали на четыре и даже на восемь частей. Изъ Тарнополя я отправился далѣе на встрѣчу 10-й пѣхотной дивизіи, которая изъ м. Трембовли получила другое направленіе.

Исполнивъ данныя мнѣ порученія къ войскамъ, я поворотилъ нѣсколько къ Венгерской границѣ и потомъ опять на Львовъ, дѣлая, гдѣ можно по почтовымъ дорогамъ, небольшія уклоненія въ сторону; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ заходилъ къ крестьянамъ и въ корчмы, разговаривалъ и спрашивалъ мужиковъ и пановъ, съ которыми случалось встрѣчаться, и нѣсколько по-

знакомился съ краемъ, очень походящимъ на нашу Волынскую губернію: тѣ же паны и тѣ же хлопы, но отношенія между ними другія. Вообще Галиція показала намъ, Русскимъ, несравненно богаче, устроеннѣе и красивѣе нашихъ сосѣднихъ губерній: мѣстечки и города обстроены хорошо, улицы вымощены; страна изрѣзана шоссе; въ деревняхъ избы просторныя, чистыя, всѣ выбѣленныя; крестьяне одѣты чище и видимо зажиточнѣе, чѣмъ у насъ. Все это производило странное впечатлѣніе и невольно являлся вопросъ, отчего у насъ хуже.

Въ Галиціи очень мало встрѣчалось солдатъ, да и тѣ были рекруты; наборъ ихъ шелъ неуспѣшно. Въ солдаты всегда шли неохотно, а при тогдашнихъ обстоятельствахъ всякій рекрутъ находилъ возможность укрываться отъ преслѣдованій полиціи, — помѣщики и даже чиновники изъ Поляковъ покровительствовали имъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ одной сцены этого рода. Выѣзжая изъ какого-то мѣстечка въ почтовой коляскѣ, я былъ остановленъ полицейскимъ солдатомъ; оказалось, что кучеръ, который везъ меня, долженъ былъ идти въ солдаты, но въ продолженіе цѣлаго года находилъ возможность отдѣлываться отъ полиціи, проживая у нея на глазахъ. Вѣроятно, присутствіе русскаго офицера придало смѣлость вѣрному слугѣ австрійскаго правительства исполнить наконецъ свой долгъ. Между кучеромъ и полицейскимъ солдатомъ завязалась почти драка; на помощь первому сбѣжалось много людей, которые всѣ говорили по-польски; солдата толкали и били, но онъ крѣпко вцѣпился въ кучера и не хотѣлъ его выпустить. Наконецъ прибѣжалъ какой-то чиновникъ,

котораго легко отличить здѣсь по особенной форменной фуражкѣ съ золотымъ шнуромъ; онъ сталъ кричать на солдата и приказывалъ пустить кучера; солдатъ не слушался, но его наконецъ оторвали съ необыкновенными усиліями; кучеръ вскочилъ на козла и мы уѣхали.

Возлѣ нѣкоторыхъ деревень виднѣлись, на возвышенныхъ мѣстахъ, что-то въ родѣ столбовъ: это были насмоленные снопы соломы, возлѣ которыхъ дежурили одинъ или два часовыхъ изъ мужиковъ ландштурма—поголовнаго ополченія. По мнѣнію Поляковъ, на ландштурмъ нельзя было много надѣяться. Они насмѣшливо рассказывали, что въ одномъ селеніи караульные мужики ушли въ корчму и кто-то для шутки зажегъ насмоленную солому; жители, которые по этому сигналу должны были вооружиться и собраться въ условленномъ мѣстѣ, убѣжали въ сосѣдній лѣсъ и возвратились въ селеніе только тогда, когда убѣдились, что нѣтъ никакой опасности. Случалось, что шайки Венгерцевъ, прорывавшіяся черезъ границу въ Галицію, будто бы жгли нѣкоторыя селенія и сѣкли мужиковъ, попадавшихъ имъ въ руки, за то, что они вооружаются,—и жители не дѣлали ни малѣйшаго сопротивленія. Ландштурмъ однакожь видимо не нравился Полякамъ; вооруженные крестьяне были прежде всего опасны имъ.

Напряженное состояніе и раздраженіе замѣчалось на каждомъ шагу между различными племенами и сословіями Галиціи. Поляки были печальны. Простой народъ, Русняки, встрѣчали русскихъ военныхъ привѣтливо, радовались нашему приходу и громогласно высказывали надежды на скорое усмиреніе Мадыаровъ; удовольствіе сіяло на ихъ лицахъ. Когда я подходилъ къ толпѣ

мужиковъ на улицѣ, или входилъ въ корчму, передо мной всѣ снимали шапки. Если приближался панъ, мужики тотчасъ надѣвали шапки и задорно подбочивались. На вопросъ мой, отчего они выказываютъ такое неуваженіе къ панамъ, они отвѣчали, что эти.... уже не паны имъ и не стоятъ никакого уваженія. Если въ разговорѣ упоминалось объ австрійскомъ императорѣ, то крестьяне снимали шапки и говорили о немъ съ преданностію, съ благоговѣніемъ, — австрійское правительство умѣло привязать къ себѣ простой народъ Галиціи разными мѣрами въ его пользу.

Между австрійскими военными и польскимъ дворянствомъ существовала самая жаркая непріязнь, судя по рассказамъ тѣхъ и другихъ. Австрійская армія наполнена офицерами и солдатами разныхъ націй; въ Галиціи встрѣчались почти одни чужеземцы, Италіанцы, Нѣмцы, Венгерцы, оставшіеся вѣрными правительству, Евреи, Сербы, Кроаты, Чехи и др.; австрійское правительство, говорятъ, всегда слѣдовало правилу — держать въ каждой области войска, набранныя въ области другой народности. Военные видѣли себя въ чужой землѣ, не имѣли ничего общаго съ жителями края и, при общемъ раздраженіи и борьбѣ политическихъ мнѣній, позволяли себѣ, въ сношеніяхъ съ Поляками, рѣзко выказывать притязанія и замашки завоевателей. Съ своей стороны Поляки платили военнымъ холоднымъ равнодушіемъ, прикрывая свою глухую ненависть аристократическою надменностью и обращаясь съ офицеромъ какъ съ плебеемъ. Всякая встрѣча между ними готова была разгорѣться въ ссору; самолюбіе военного доходило до запальчивости, а уклончивость Поляка — до презрѣнія.

Въ одномъ мѣстѣ я ѣхалъ въ дилижансѣ. Рядомъ со мной сидѣлъ Полякъ, помѣщикъ, среднихъ лѣтъ, по видимому богатый. Въ какомъ-то мѣстечкѣ мы остановились прямо у трактира, чтобы поужинать. Въ трактирѣ было нѣсколько австрійскихъ офицеровъ. За ужиномъ мой спутникъ сидѣлъ за однимъ со мною столомъ. Австрійскіе офицеры смотрѣли на него задорно. Я продолжалъ съ нимъ разговаривать и поподчивалъ его виномъ. Увидѣвъ это, австрійскіе офицеры остолбенѣли отъ удивленія. Когда Полякъ вышелъ, всѣ они съ особенною живостью обратились ко мнѣ и стали увѣрять, что мой спутникъ вѣдь Полякъ и не стоить вѣжливаго обращенія.

И между Поляками были люди преданные австрійскому правительству, но вообще положеніе ихъ было тяжелое и опасное. Здѣсь нельзя было не убѣдиться, что мы имѣли слишкомъ преувеличенныя опасенія вторженія польскихъ шаекъ въ Волынскую губернію.

Одинъ польскій помѣщикъ, молодой человѣкъ, говорилъ мнѣ: „Можемъ ли мы не ненавидѣть австрійское правительство? Въ 1846 году нашъ домъ былъ разграбленъ и сожженъ; отецъ мой убитъ; моя молодая жена, красавица, которую я обожалъ, была изнасилована хлопками всей нашей деревни!“ Говоря это спустя три года послѣ происшествія, онъ сжималъ кулаки и, блѣдный, дрожалъ отъ негодованія. И вслѣдъ за этимъ я опять слышалъ благословенія простаго народа австрійскому же правительству и рассказы о подобныхъ же дѣйствіяхъ, въ былыя времена, польскихъ пановъ. Кому было взвѣшивать и оцѣнивать массу слезъ и крови, проливаемыхъ въ подобныхъ столкновеніяхъ враж-

дующими сторонами?!... Судьба идетъ тяжелыми, каменными стопами и равнодушно давить свои жертвы, случайно ли, или для какой-то отдаленной цѣли, а мы, военные, орудіе этой судьбы, невольно проникнутые ея равнодушіемъ, идемъ впередъ вмѣстѣ съ нею, увлекаемые слѣпымъ порывомъ битвъ и разрушенія, и слушаемъ спокойно стоны и ликованія, раздающіяся по сторонамъ.

Впрочемъ, по общему отзыву самихъ крестьянъ, благосостояніе большинства народонаселенія Галиціи, т. е. крестьянъ, увеличилось. Крестьяне въ 1849 году не хотѣли работать на помѣщиковъ даже по найму, и оставшаяся во владѣніи послѣднихъ половина земли, въ большей части имѣній, была не обработана и не приносила владѣльцамъ никакого дохода. Не знаю, долго ли оставался и сохранился ли такой порядокъ вещей.

Видя расположеніе къ намъ, Русскимъ, здѣшняго простаго народа, Русняковъ, я спрашивалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, желали ли бы они присоединиться къ Россіи. — „Э, нѣтъ, ни за что!“ отвѣчали они. — Отчего? — „У насъ лучше. У васъ дана большая воля панамъ и исправникамъ“. Я слышалъ отъ нашихъ, бывшихъ въ Турціи, что даже турецкіе Славяне, любя насъ и желая намъ успѣха, боялись быть присоединенными къ Россіи, ссылаясь также на пановъ и исправниковъ.

На одной станціи, гдѣ я велѣлъ подать себѣ обѣдать, цѣлая толпа народа, большею частію польскіе шляхтичи, собралась въ моей комнатѣ и назойливо смотрѣла на меня, розиня ротъ. На вопросъ мой о причинѣ любопытства ихъ, они разсудили или съумѣли отвѣчать, что слышали, будто Русскіе ѣдятъ чрезвычай-

но много, и притомъ, прибавили изъ любезности, что они съ удивленіемъ видятъ, что я ѣмъ такъ, какъ и другіе люди. На войнѣ часто случается не ѣсть цѣлые сутки; проголодавшійся русскій военный могъ безвинно поддержать одно изъ нелѣпыхъ мнѣній, распускаемыхъ о насъ Поляками же, какъ объ Эскимосахъ.

Въ Львовѣ русскія войска входили также церемониальнымъ маршемъ. Генераль Гаммерштейнъ съ огромною свитой выѣхалъ къ намъ навстрѣчу. Всѣмъ въ особенности хотѣлось видѣть казаковъ, и многіе—большіе и мальчишки, когда я проходилъ по улицамъ Львова, останавливали меня и спрашивали, когда войдутъ казаки. Ихъ квартиры, прибывшіе впередъ и остановившіеся на площади, въ ожиданіи размѣщенія по квартирамъ, были окружены густою толпой, въ которой виднѣлись дамы въ великолѣпныхъ коляскахъ.

Львовъ (Лембергъ) выходитъ изъ разряда обыкновенныхъ городовъ и принадлежитъ къ числу столицъ, какъ главный городъ Галиціи. Многіе находили, что онъ красивѣе Варшавы. Въ его магазинахъ можно было видѣть предметы самой изысканной роскоши и искусствъ. Въ особенности хороша площадь, на которой находится ратуша, большое четырехугольное зданіе съ высокою башней, въ это время полуразрушенная, сгорѣвшая; остовъ закоптѣлыхъ стѣнъ стоялъ среди окружающаго ее великолѣпія. Въ Львовѣ въ 1848 году, какъ я упоминалъ выше, былъ бунтъ, въ которомъ принимали участіе, будто бы, одни студенты. Въ кварталахъ, гдѣ находится университетъ, были устроены баррикады; студенты приготовились защищаться, но ихъ не атаковали,—войска удалились на ближайшую къ городу высо-

ту и съ нея бомбардировали тѣ части города, въ которыхъ сосредоточивалось возмущеніе. Университетъ, ближайшіе кварталы и ратуша были сожжены, а нѣкоторые дома совершенно разрушены. Во время прибытія нашего сюда, многія улицы были еще завалены кучами кирпича и мусора. Театръ въ Лембергѣ довольно великъ и хорошъ; на немъ играли по очереди польская и нѣмецкая труппы; онъ былъ полонъ русскими офицерами.

Продовольствіе нашихъ войскъ, въ предѣлахъ Австріи, австрійское правительство приняло на свой счетъ. Въ Галиціи на каждомъ ночлегѣ продовольственные предметы были заготовлены по числу проходившихъ войскъ. Кромѣ того, для главныхъ силъ, которыя должны вступить въ Венгрію, заготовлялись склады муки, сухарей, крупъ, вина, соли, овса, сѣна и рогатый скотъ въ галицкихъ городахъ: Дукло, Бросно и Ясло, лежащихъ близъ Венгерской границы, въ количествѣ на 20 дней для людей и на 12 дней для лошадей. Граница на пространствѣ противъ этихъ городовъ охранялась только тремя австрійскими баталіонами.

Получили свѣдѣнія, что командующій венгерскими войсками близъ Галицкой границы, генералъ Дембинскій, имѣетъ намѣреніе раззорить собираемые запасы провіанта, и вслѣдъ затѣмъ, что нападеніе уже сдѣлано. Оказалось, что пока слухъ былъ ложный; но опасность была очевидна, — Дембинскій легко могъ это сдѣлать. Поэтому, изъ числа вступившихъ впереди другихъ въ Галицію нашихъ войскъ, были направлены въ Дукло, для охраненія магазиновъ, усиленными переходами, а пѣхота частію на подводахъ, — со стороны царства Польскаго отъ 3-го пѣхотнаго корпуса два баталіона пѣхотнаго

Герцога Велингтона полка и отъ 4-го пѣхотнаго корпуса три сотни Донскаго казачьяго № 51 полка и конная батарея. На другой день прибытія моего въ Львовъ, я получилъ предписаніе отправиться немедленно въ Дукло, собрать точныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ, о мѣрахъ необходимыхъ къ оборонѣ Дукло, въ которомъ находились важнѣйшіе магазины, осмотрѣть Венгерскую границу, дороги въ Карпатахъ и проч. и оставаться при австрійскихъ, а потомъ при направленныхъ туда, означенныхъ выше, русскихъ войскахъ.

Я выѣхалъ изъ Львова 2 или 3 мая на курьерскихъ. По мѣрѣ приближенія къ границѣ и Карпатамъ, страна становилась постепенно возвышеннѣе и, повидимому, бѣднѣе; населеніе было рѣже; кругомъ виднѣлось много лѣсовъ. Горный житель одѣтъ хуже; его домъ устроенъ не такъ хорошо и не такъ чисто, какъ на равнинахъ. Въ Галиціи не много фабрикъ; главное богатство большинства населенія составляетъ хлѣбопашество, и жители горъ, имѣя менѣе удобной земли, повидимому, бѣднѣе жителей равнины. Издали хребетъ Карпатовъ стоитъ рѣзкимъ уступомъ, какъ стѣна, надъ лежащей у подошвы его, къ сѣверу, равниною, кажущеюся впрочемъ равниною только издали; въ сущности, она состоитъ изъ волнообразныхъ высотъ, отходящихъ отъ главнаго хребта и постепенно понижающихся.

Въ Дукло я пріѣхалъ ночью. Ямщикъ, который везъ меня, не ручался, что городъ еще не занятъ Венгерцами. Ихъ ожидали, говорилъ онъ, съ часу на часъ. Ночь была темная; не видно въ двухъ шагахъ. Мы подъѣхали къ какому-то заѣзжему дому. Всѣ уже спали; насилу достучались. Вышла женщина съ фонаремъ и недовѣр-

чиво осмотрѣла меня. Во всемъ домѣ была одна свободная комната; я влѣзъ туда по полуразвалившейся лѣстницѣ; комната находилась въ совершенномъ запустѣніи; ни одного стула; только кровать, и та безъ соломы. Я пріѣхалъ одинъ и на-легкѣ, потому что, обязанный прибыть въ Дукло какъ можно скорѣе, не могъ взять и дожидаться своихъ людей и вещей, которыхъ не видѣлъ съ самаго выѣзда изъ Дубно.

Первымъ моимъ вопросомъ было: что слышно о Венгерцахъ.

— Говорятъ, что скоро будутъ, отвѣчала женщина. Значить, ихъ еще нѣтъ.

— Далеко ли живетъ начальникъ здѣшнихъ войскъ? спросилъ я.

— Капитанъ?—Недалеко.

— Проводи меня къ нему, или позови кого-нибудь, чтобы проводилъ.

— Капитанъ, вѣрно, не спитъ. Всѣ офицеры остаются цѣлыя ночи вмѣстѣ, не далеко отсюда, въ кондитерской.

Я собрался идти къ капитану; но онъ узналъ уже о моемъ пріѣздѣ и тотчасъ явился въ полной формѣ. Это былъ человекъ около 30 лѣтъ, Нѣмецъ, уроженецъ эрцъ-герцогства Австрійскаго. Онъ не находилъ словъ выразить свою радость моему пріѣзду. „Когда узнаютъ въ городѣ, говорилъ онъ,—что сюда пріѣхалъ уже русскій офицеръ, мы будемъ спокойны. Я тотчасъ дамъ знать о вашемъ пріѣздѣ ротамъ на границу“.—Его еще болѣе обрадовало извѣстіе, что скоро придутъ русскія войска. Онъ просилъ меня перейти къ нему на квартиру, и я съ удовольствіемъ

воспользовался приглашеніемъ. Онъ жилъ въ лучшемъ домѣ, на главной городской площади. У его комнаты стояли два мужика ландштурма, вооруженные косами. Почти вслѣдъ за нами вошли къ нему нѣсколько бывшихъ въ Дукло австрійскихъ офицеровъ. Они тотчасъ посвятили меня во всѣ подробности настоящаго положенія дѣлъ.

Въ самомъ городѣ квартировала одна рота. На границѣ находились: двѣ роты въ 15 верстахъ отъ Дукло, за с. Барвинекъ, на перевалѣ черезъ Карпаты, по прямой и кратчайшей отъ этого города дорогѣ въ Венгрію, и двѣ роты за дер. Грабъ, на другомъ перевалѣ, отстоящемъ къ западу отъ перваго около 20 верстъ, на дорогѣ, идущей въ Венгрію отъ м. Змигорода. Въ промежуткѣ не было никакихъ войскъ. Слѣдовательно, было только пять ротъ, а не три баталіона. Роты эти состояли изъ рекрутъ и, по общему убѣжденію офицеровъ, не могли удержать даже малѣйшаго натиска непріятеля; ожидали, что, при нападеніи, они разбѣгутся въ ближайшіе лѣса и только постараются добратся по-одиночкѣ до Дукло или другаго мѣста, чтобъ уйти благополучно и не попасть въ ряды венгерскихъ войскъ. Въ Дукло всѣ жили въ безпрестанномъ страхѣ и ожиданіи нападенія. Австрійскіе передовые посты видѣли венгерскія войска, двигавшіяся въ предѣлахъ Венгріи, у южной подошвы горъ.

Въ особенности прошедшая ночь была проведена тревожно. Прогуливаясь наканунѣ по городу, капитанъ замѣтилъ, что десятскій ходилъ по домамъ и дѣлалъ какія-то распоряженія. Онъ спросилъ у жителей, что это значитъ; ему отвѣчали, что отводятъ квартиры

войскамъ; на каждый домъ назначалось по 20 и по 40 человѣкъ. Капитанъ подозвалъ десятскаго и спросилъ его, для какихъ войскъ отводить онъ квартиры. Десятскій смѣшался, не хотѣлъ отвѣчать, но когда ему погрозили, то признался, что квартиры назначались для Венгерцевъ. На вопросъ, отъ кого онъ получилъ такое приказаніе, десятскій также не хотѣлъ отвѣчать, но потомъ объявилъ, что получилъ приказаніе отъ войта, т. е. начальника города. Послали за войтомъ, но тотъ отрекался отъ всего и клялся, что ничего не знаетъ. Десятскаго посадили подъ арестъ, а войту повѣрили, такъ какъ онъ былъ до сихъ поръ, повидимому, преданъ правительству.

Большинство жителей Дукло, какъ вообще всѣхъ мѣстечекъ и городовъ польскихъ провинцій, здѣсь и у насъ въ западныхъ губерніяхъ, состояло изъ Поляковъ, сочувствовавшихъ Венгерцамъ и враждебныхъ австрійскому правительству, и имъ нельзя было вѣрить. Можно было подозрѣвать, что Поляки нарочно распускали слухи, тревожившіе ненавистныхъ имъ Австрійцевъ.

Дѣлать было нечего. Надо было, по крайней мѣрѣ, воспользоваться остаткомъ ночи и выспаться. На постахъ въ Барвинекѣ и Грабѣ находилось по нѣскольку мужиковъ верхами, которые должны были тотчасъ давать знать о нападеніи;—насъ все-таки не захватили бы въ постеляхъ.

Общій упадокъ духа и разстройство австрійскихъ войскъ въ это время были всѣмъ извѣстны. Познакомившись впослѣдствіи, въ продолженіе Венгерской войны, нѣсколько короче съ нѣкоторыми австрійскими офицерами, я спрашивалъ ихъ и старался разъяс-

нить, какимъ образомъ австрійская армія, извѣстная своею стойкостью и храбростью, дошла до такого упадка, что ея солдаты терпятъ постоянныя пораженія отъ неустроенныхъ венгерскихъ войскъ и бѣгутъ передъ ополченцами. — Смыслъ объясненій былъ слѣдующій. Главная причина дурнаго нравственнаго состоянія войска заключалась въ неудовольствіи самихъ войскъ. Князь Виндишгрецъ и большинство генераловъ, происходившихъ изъ австрійской аристократіи, обращались съ подчиненными имъ простыми офицерами надмѣнно, презрительно, какъ съ плебеями, и, при тогдашнемъ общемъ либеральномъ направленіи, возбуждали въ нихъ негодованіе и ненависть. Особенно дурно отзывались о кн. Виндишгрецѣ. Большинство арміи, состоящее изъ Славянъ, Италіанцевъ, Венгерцевъ и др., было недовольно преимуществами, отдаваемыми Нѣмцамъ, а Нѣмцы изъ простыхъ — преимуществами, отдаваемыми аристократіи. Во всемъ и вездѣ существовали фаворитизмъ, отличія не по заслугамъ, а по родству, связямъ и частнымъ видамъ. Самая громкая военная репутація въ Австріи сомнительна, не внушала довѣрія, почти навѣрное-ложная, потому что составлена искусственно — покровительствомъ, доставленіемъ легкихъ случаевъ отличиться, лживымъ прославленіемъ, и пріобрѣталась если не важными, ни къ чему неспособными господами, то людьми низкаго характера, льстецами и угодниками. Впрочемъ, о дурномъ состояніи Австріи въ Меттерниховскую эпоху было писано не мало. Все это гнило въ спокойное, мирное время и развалилось при первомъ государственномъ потрясеніи; въ болѣзненное тѣло упала искра — и произошелъ хаосъ. Большинство

офицеровъ были недовольны, а отъ нихъ требовали, чтобъ они шли умирать, неизвѣстно для чего, для прославленія какого-нибудь вѣнскаго барона. Они вовсе не хотѣли этого и откровенно сознавались, что при встрѣчѣ съ непріятелемъ, при сильномъ огнѣ, прятались за баталіоны, а при сильномъ натискѣ бѣжали. Безъ сомнѣнія, къ этимъ объясненіямъ, вызваннымъ отчасти самолюбіемъ, изыскивавшимъ причины оправдать свои пораженія, надо присоединить неожиданное разстройство арміи отъ измѣны венгерскихъ полковъ. Во всякомъ случаѣ, они важнѣе дурнаго вооруженія, стратегическихъ и другихъ объясненій. При этомъ австрійскіе Славяне могли утѣшать себя мыслию, что, значить, въ германскихъ завоеваніяхъ нѣтъ глубокой премудрости, а въ германизациі нѣтъ крайней опасности, что Нѣмцы не предохранили себя отъ растлѣнія, зародышъ котораго таится въ каждомъ преувеличенномъ правѣ и ничѣмъ не ограниченномъ эгоизмѣ.

Дукло—небольшой городокъ, лежащій на послѣднихъ уступахъ главнаго хребта Карпатовъ. Надъ нимъ возвышается, влѣво къ востоку, крутая ступень горъ, покрытая лѣсомъ и видимая издалека, когда подъѣзжаешь къ Дукло съ сѣвера, а вправо—болѣе низкая гряда, засѣянная хлѣбомъ отъ подошвы до вершины.

Городъ принадлежалъ, какъ помѣщику, польскому графу М., прежде очень богатому человѣку, владѣльцу 9 тысячъ душъ, а теперь, послѣ событій 1846 года, обѣднѣвшему совершенно. Оставшаяся за нимъ половина земли была, какъ вездѣ, не засѣяна. Старинный большой палацъ былъ въ 1846 году ограбленъ и въ это время (1849 г.) находился еще въ раззоренномъ

видѣ, безъ оконъ, дверей, печей, мебели, а въ нѣкоторыхъ комнатахъ даже безъ половъ и потолковъ. Графъ и его семейство жили въ небольшомъ, немного исправленномъ, флигелѣ. Жена графа, родомъ изъ царства Польскаго, имѣла много родныхъ въ Гродненской и Виленской губерніяхъ. Самъ графъ часто ѣздилъ въ Варшаву и другія мѣста нашихъ западныхъ губерній. Русскіе были имъ хорошо знакомы, и они не чуждались насъ. Впрочемъ, въ это время польскимъ помещикамъ было гораздо лучше въ Россіи, и симпатіи ихъ лежали болѣе къ намъ, чѣмъ къ Австрійцамъ. — Графиня собиралась уѣхать подалѣе отъ театра войны, и дѣйствительно вскорѣ уѣхала. При домѣ находились обширный садъ и паркъ, остатокъ прежняго великолѣпія, съ широкими прудами, на которыхъ плавали еще лебеди, и съ длинными тѣнистыми аллеями. Въ саду было тихо и уединенно; сюда не доходилъ еще отдаленный гулъ сраженій и движенія русскихъ полковъ, подъ которыми дрожали уже равнины Галиціи.

На другой день я, вмѣстѣ съ капитаномъ, отправился въ Карпаты по дорогѣ на деревню Барвинекъ. Превосходное шоссе, постепенно подымаясь, идетъ прямо на югъ въ Венгрію, поперекъ Карпатовъ, широкою долиной, въ глубинѣ которой течетъ, по каменистому дну, пѣнящійся горный потокъ Яселка. Карпаты около Дукло ниже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и путь отъ этого города удобнѣе для вторженія въ Венгрію. Каменистыхъ скалъ нѣтъ; вершины круглыя, покрытыя большею частію лѣсомъ, а мѣстами лугами и пашнею. Долина, по которой идетъ шоссе, вездѣ широка, открыта и засѣяна хлѣбомъ, за исключеніемъ

одного мѣста, недалеко отъ Дукло, гдѣ горы, покрытыя лѣсомъ, сближаются и образуютъ довольно узкое дефиле. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Австрійцы перерыли шоссе рвами и устроили за ними небольшіе завалы, которые непріятель могъ очень легко обойти съ обѣихъ сторонъ. Два моста чрезъ небольшіе горные ручьи были разобраны также напрасно, — ручьи можно было перейти, не замочивши ногъ. Въ деревнѣ Барвинекъ, отстоящей отъ границы на 1½ версты, крайніе дома, обращенные къ сторонѣ Венгріи, были приведены въ оборонительное положеніе: въ стѣнахъ прорублены бойницы. Граница проходитъ по высшей чертѣ хребта. Со стороны Галиціи къ ней прилегаетъ небольшое поле, окруженное лѣсомъ, а со стороны Венгріи — сплошной лѣсъ. По обѣимъ сторонамъ шоссе мѣстность довольно ровная, овраговъ нѣтъ. Въ отдаленіи, справа и слѣва, стоятъ высокія горы.

На самой границѣ, поперекъ шоссе, была устроена засѣка изъ бревенъ, засыпанныхъ землею; за засѣкою стояли двѣ роты, бивуакомъ, въ шалашахъ, устроенныхъ изъ хвороста. Пріѣздъ русскаго офицера привелъ Австрійцевъ въ восторгъ. Всѣ сбѣжались и окружили меня; офицеры жали мнѣ руки; солдаты кричали „ура“ и бросали вверхъ шапки. Со всѣхъ сторонъ я слышалъ восклицанія: „какое счастье! Русскій офицеръ! Русскіе идутъ!“

На эту засѣку, два дня назадъ, Венгерцы сдѣлали нападеніе. 12 гусаръ дерзко подскакали къ ней, смѣялись и ругались. Австрійцы сдѣлали по нимъ залпъ, всѣ вдругъ; но, какъ они рассказывали сами, цѣлили очень высоко и не убили ни одного человѣка.

Венгерцы ускакали, остановились въ корчмѣ, недалеко отъ границы, и пропьянствовали тамъ цѣлую ночь. Отъ засѣвки я проѣхалъ небольшое разстояніе по шоссе въ Венгерскую землю, зашелъ въ эту самую корчму и спрашивалъ, нѣтъ ли чего новаго, не слышно ли о Венгерцахъ; въ корчмѣ ничего не знали, или не хотѣли сказать. Сплошной лѣсъ скрывалъ окрестности; глубина южной долины не была видна; виднѣлись только однообразныя возвышенности по другую ея сторону.

Въ это время, близъ самой границы, въ лѣсахъ Венгріи слышалась страшная стукотня топоровъ. Галичане, пользуясь военнымъ временемъ и безпорядкомъ, рубили сосѣдніе лѣса и каждый день вывозили въ Галицію большое число бревенъ. Эта незаконная порубка, не останавливаемая Венгерцами, внушала стоявшимъ здѣсь австрійскимъ ротамъ нѣкоторую увѣренность въ своей безопасности, показывая, что Венгерцамъ много дѣла у себя дома и некогда позаботиться о своемъ лѣсѣ.

Въ слѣдующіе дни я осматривалъ другой главный путь, ведущій черезъ Карпаты отъ мѣстечка Змигородъ, и нѣкоторыя проселочныя дороги въ горахъ. Змигородъ, довольно большое мѣстечко, находится на равнинѣ, у подошвы хребта, въ 12 верстахъ на западъ отъ Дукло. Отъ него дорога до деревни Граба, на протяженіи около 20 верстъ, проходитъ поперекъ Карпатовъ, почти параллельно Дуклинскому шоссе, узкимъ ущельемъ, образуемымъ горами болѣе высокими и крутыми, чѣмъ ущелье Дукло. На этомъ пути устроено шоссе и когда-то содержалась почта; но дорога во многихъ мѣстахъ пересѣкается горными потоками,

которые во время половодья размывали шоссе и сносили мосты; поэтому дорога эта брошена, шоссе не поддерживается, мостовъ нѣтъ; во многихъ мѣстахъ надо переѣзжать въ бродъ. Впрочемъ, для движенія войскъ въ это время года не было никакихъ препятствій; шоссе сохранилось и могло быть легко исправлено. Здѣсь мнѣ въ первый разъ случилось въѣхать въ массу облака, которое лежало на горной покатости; издали оно было замѣтно, но, въѣхавъ въ его густоту, видѣлся только туманъ и чувствовались холодъ и сырость.

Грабовскій постъ былъ расположенъ на шоссе, въ трехъ верстахъ за деревнею Грабъ, на самомъ перевалѣ, въ предѣлахъ Венгріи, на открытомъ мѣстѣ, и не былъ защищенъ засѣкою. Роты стояли бивуакомъ въ шалашахъ изъ хвороста. Отъ поста шоссе въ Венгрію спускается, по длинной покатости, въ открытую и глубокую, какъ пропасть, долину, лежащую у южной подошвы хребта вдоль границы, желтѣвшую полями хлѣба и наполненную множествомъ едва виднѣвшихся отдѣльныхъ хуторовъ и деревень, дома которыхъ казались черными точками. Солнце было уже близко къ закату; долина тонула въ полусвѣтѣ и отъ этого казалась еще глубже. Противъ самаго перевала, на днѣ долины, лежало м. Зборо, а надъ нимъ чернѣлись развалины большого замка. Великолѣпный видъ открывался на огромное пространство. За долиною возвышались горы, освѣщенные вершины которыхъ подымались однѣ за другими, и самыя отдаленныя казались волнами синихъ облаковъ, лежащихъ на горизонтѣ.

Наканунъ моего пріѣзда на Грабовскій постъ, Вен-

герцы сдѣлали и на него нападеніе; 60 гусаръ подѣхали близко, но были встрѣчены выстрѣлами, потеряли, какъ говорили Австрійцы, нѣсколько человѣкъ ранеными и ускакали. Четыре дня назадъ, съ этого поста видѣли отрядъ венгерской пѣхоты, до 2 тысячъ человѣкъ, шедшій по долину со стороны Барвинекскаго перевала и скрывшійся въ м. Зборо и въ ущельѣ, которое идетъ отсюда на югъ, на города Бартфельдъ и Кашау.

Во время этихъ разъѣздовъ, въ одномъ мѣстѣ на проселочной дорогѣ бѣгущіе крестьяне встрѣтили меня издали криками:

— Гарда идетъ! Гарда идетъ!—Здѣсь Славяне называли гардою венгерское войско; названіе происходило вѣроятно отъ слова—національная гвардія, которую формировали въ Венгріи.

— Гдѣ? откуда? спрашиваю я.

— Гарда грабитъ русняцкія селенія. Всѣ жители разбѣжались по лѣсамъ.

— Вы видѣли Венгерцевъ?

— Нѣтъ. Къ намъ прибѣжали мужики изъ Граба.

— Много Венгерцевъ?

— Говорятъ, 50 тысячъ.

— А австрійскіе солдаты на Грабовскомъ посту?

— Ихъ всѣхъ взяли въ плѣнъ.

Я имѣлъ уже довольно вѣрныя свѣдѣнія о венгерскихъ военныхъ силахъ близъ границъ Галиціи. Пятидесяти тысячъ не могло быть; но что Венгерцы сдѣлали нападеніе и захватили въ плѣнъ Австрійцевъ, это казалось возможнымъ. Однакоже тревога вышла ложная. Венгерцы дѣйствительно разграбили и сожгли одно рус-

няцкое селеніе, но только въ самой Венгріи, а не въ Галиціи. До 200 гусарь пришли въ это селеніе для набора рекрутъ, но когда войтъ и жители отказались исполнить ихъ требованіе, то дома наиболѣе строптивыхъ зажгли, пожаръ увеличился, и по всѣмъ окрестностямъ распространилась молва, что Венгерцы идутъ, жгутъ и грабятъ; молва перешла въ Галицію и произвела сначала предположеніе, а потомъ убѣжденіе, что австрійскихъ солдатъ взяли въ плѣнъ.

Въ первый же день моего пріѣзда въ Дукло я послалъ за нѣкоторыми венгерскими Русняками, которые были извѣстны австрійскимъ офицерамъ, какъ люди преданные австрійскому правительству и имѣвшіе, по своимъ занятіямъ, довольно вѣрныя свѣдѣнія о всемъ, что дѣлалось въ странѣ. На другой день ко мнѣ явилось нѣсколько человѣкъ, изъ числа которыхъ одинъ былъ недавно въ г. Бартфельдѣ и видѣлъ самъ все, что тамъ дѣлалось. Изъ показаній ихъ было видно, что, по сосѣдству съ Галиціей, въ венгерскихъ Карпатахъ находилось до 2 тысячъ старыхъ солдатъ, расположенныхъ небольшими частями въ разныхъ мѣстахъ и занимавшихся вербовкою и обученіемъ рекрутъ, которыхъ вмѣстѣ съ охотниками было до 4 или 5 тысячъ; ихъ формировали въ роты и баталіоны. Всѣми этими войсками командовалъ генералъ Дембинскій, жившій въ Бартфельдѣ; при немъ находилось 9 орудій. Охотники состояли преимущественно изъ Поляковъ, приходившихъ изъ Галиціи, Познани, царства Польскаго и изъ нашихъ западныхъ губерній, а рекруты—изъ Русняковъ, которыхъ набирали насильно. Говорили, что Дембинскій ожидаетъ прибытія изъ глубины Венгріи

значительныхъ подкрѣпленій; но ожиданія его не исполнялись. Безъ сомнѣнія, онъ съ бывшими въ его распоряженіи войсками могъ бы, до прибытія русскихъ войскъ, сдѣлать нападеніе на Дукло и уничтожить хлѣбные запасы; но время было упущено. Въ Галиціи нѣкоторые объясняли бездѣйствіе Дембинскаго тѣмъ, что само венгерское правительство запрещало ему дѣлать нападеніе на Галицію, изъ опасенія, что безпорядки въ ней, рѣзня и проч. могли привлечь вниманіе Россіи и заставить ее вмѣшаться въ дѣла Австріи. Рассказывали, что Дембинскій въ это время потерялъ даже довѣріе венгерскаго правительства именно за то, что хотѣлъ перенести войну въ Галицію. Все это были ничего не значившіе слухи, которыхъ на войнѣ бываетъ множество. Сущность дѣла состояла въ томъ, что корпусъ Дембинскаго былъ совершенно ничтоженъ, почти не существовалъ, не заслуживалъ названія корпуса и не могъ оказать ни малѣйшаго сопротивленія вторженію русской арміи.

Во время разъѣздовъ въ Карпатахъ я познакомился нѣсколько съ славянскимъ племенемъ, Русняками, живущими въ горахъ, частію по сѣверному склону ихъ, въ Галиціи, и большею частію по южному склону, въ Венгріи, до самыхъ равнинъ ея. Родственное сходство съ нами замѣтно во всемъ. Послѣ трехъ дней пребыванія въ Карпатахъ я могъ объясняться съ ними довольно свободно, и они понимали меня.

Одѣяніе Русиновъ состоитъ изъ бѣлой рубашки и портовъ, какъ у нашихъ Бѣлоруссовъ; особенность и украшеніе одѣянія составляетъ широкій, толстый кожаный поясъ съ мѣдными бляхами, закрывающій

весь животъ. Нѣкоторые носятъ бурки, заимствованныя ими у Венгерцевъ. Ходятъ большею частію босикомъ, особенно лѣтомъ; обувь состоитъ изъ куска толстой кожи—не сшитой, а стягиваемой ремнемъ кругомъ ступни. Ихъ дома снаружи не выбѣлены, сколочены изъ толстыхъ бревенъ, какъ въ Россіи, и обыкновенно большихъ размѣровъ; подъ одною кровлей устроены и раздѣлены стѣнами—жилая комната, иногда двѣ, кладовая, амбаръ, конюшня и проч. Въ нѣкоторыхъ избахъ комнаты внутри выбѣлены, въ большей же части черныя, и есть даже курныя избы съ тараками; полъ глиняный. Одежда женщинъ также похожа на нашу западныхъ губерній. Женщины не красивы. Вообще нигдѣ я не встрѣчалъ столько, какъ здѣсь, больныхъ, горбатыхъ, хромыхъ и другихъ разныхъ калѣкъ; народъ видимо бѣдный, забитый, загнанный. По причинѣ пересѣченной оврагами мѣстности, селенія, лежащія не на шоссе, построены неправильно; улицъ нѣтъ; отъ каждаго дома идетъ къ дорогѣ отдѣльная тропинка.

Въ это время положеніе венгерскихъ Славянъ было, по ихъ рассказамъ, очень тяжелое. Венгерцы били и грабили ихъ, брали деньги, лошадей, воловъ, хлѣбъ, забирали въ рекруты всѣхъ, кто попадался, отъ 15 до 40 лѣтъ, остальное же населеніе заставляли работать земляныя укрѣпленія, строившіяся въ разныхъ мѣстахъ для обороны края отъ Русскихъ; не щадили даже церквей, изъ которыхъ выбирали золото, серебро и другія болѣе цѣнныя украшенія. По случаю чрезвычайныхъ обстоятельствъ, само венгерское правительство принимало крайнія, крутыя мѣры; исполнители,

Мадьяры, по привычкѣ не уважать Славянъ, безъ сомнѣнія, позволяли себѣ преувеличивать эти мѣры и дѣлали злоупотребленія и беззаконія, за которыми, въ это тревожное время, трудно было услѣдить. Славяне, несмотря на свое смиреніе и привычку къ давнишнему мадьярскому игу, въ настоящее время чувствовали излишнюю его тяжесть, роптали и, по мѣрѣ силъ, уклонялись отъ притѣсненій, на что представлялась нѣкоторая возможность; но о какомъ-либо открытомъ сопротивленіи карпатскихъ Славянъ Мадьярамъ не было слышно. Славяне эти ждали нашего прихода, какъ спасенія; это говорили всѣ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть сношенія. Многіе изъ нихъ перебѣгали въ Галицію, являлись къ начальникамъ австрійскихъ и русскихъ войскъ и оставались здѣсь до перемѣны обстоятельствъ; въ-тихомолку ловили Поляковъ, которые шли изъ Галиціи для поступленія въ венгерскія войска, и сдавали ихъ Австрійцамъ и намъ.

Одинъ разъ они привели мальчика около 14 лѣтъ, на видъ ребенка, родомъ изъ Пржемысла, убѣжавшаго изъ гимназіи и пробиравшагося черезъ горы. Онъ имѣлъ рѣшительное намѣреніе сдѣлаться венгерскимъ солдатомъ и говорилъ откровенно, съ фанатизмомъ: — Пока буду живъ, останусь врагомъ австрійскаго правительства!

На вопросъ, за что онъ не любитъ такъ австрійское правительство, онъ отвѣчалъ: „Въ 1846 году крестьяне убили моего отца и дядю, и я остался сиротой“.

Въ Галиціи въ это время ходили о Дукло, по-прежнему, самые тревожные слухи. Въ Львовѣ подтвержда-

лось извѣстіе, что городъ этотъ сожженъ; въ штабѣ 4-го пѣх. корпуса получили донесеніе, что я взять въ плѣнъ, въ одну изъ поѣздокъ моихъ въ горы. Ближайшія войска торопились и приближались къ городу, какъ на полѣ битвы, со всѣми военными предосторожностями. Около 6 мая прибыли, направленные впередъ для охраны Дуклинскихъ магазиновъ, два баталіона Веллингтонова полка, подъ командою полковаго командира полковника Игнатьева, а черезъ два дня послѣ нихъ — конная батарея полковника Хрулева и три сотни Донскаго № 51 полка съ полковымъ командиромъ подполковникомъ Желтоножкинымъ. Полковникъ Игнатьевъ, какъ старшій, принялъ команду надъ собравшимся отрядомъ.

Двѣ сотни казаковъ были тотчасъ поставлены на границѣ вмѣстѣ съ австрійскими ротами, одна на Барвинекскомъ, а другая на Грабовскомъ перевалахъ; отсюда они наблюдали дороги, ведущія изъ Венгріи. Остальная войска, т. е. два баталіона, батарея и сотня казаковъ, расположились въ Дукло, частію на бивуакахъ и частію сосредоточенно на квартирахъ въ ближайшихъ къ бивуаку домахъ. Хотя Австрійцамъ хотѣлось, чтобы мы раздробились, стали вмѣстѣ съ ними на горномъ перевалѣ и тѣмъ заткнули бы, по ихъ старинной системѣ, горные проходы, не избранное нами сосредоточенное положеніе было тѣмъ выгоднѣе, что мы, не зная еще, скоро ли придутъ наши остальные войска, и дѣйствуя какъ отдѣльный отрядъ, могли встрѣтить Венгерцевъ въ совокупномъ составѣ, по какой бы дорогѣ они ни пошли, и принять на себя отступающія съ перевала передовыя войска. Цѣль наша была — защита

Дуклинскихъ провіантскихъ магазиновъ. Казалось, было выгодно и Австрійцевъ свести съ перевала и сосредоточить въ Дукло, вмѣстѣ съ нашими войсками, что и было имъ предложено; но они имѣли положительное предписаніе отъ своего начальства—стоять на перевалѣ; ихъ оставили тамъ, потому что съ прибытіемъ русскихъ войскъ не предвидѣлось уже большой опасности.

Появленіе казаковъ на границѣ Венгріи, по рассказамъ Русняковъ, произвело въ этой странѣ сильное впечатлѣніе. Со времени 1812 года казаки пріобрѣли въ Европѣ громкую извѣстность, и казацкая пика наводила страхъ. А главное—появленіе ихъ указывало на окончательное вмѣшательство Россіи въ австрійскія дѣла. Сами казаки были довольны своимъ положеніемъ: въ ихъ власти находились превосходныя пастбища и передъ ними лежала непріятельская страна, обѣщавшая поживу. Въ день прибытія ихъ на границу, одинъ урядникъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „Можно ли, ваше благородіе, пошершить тамъ?“ Онъ глазами указывалъ на Венгрію. Слово „шершить“ мнѣ не было еще знакомо. Изъ объясненій казаковъ было видно, что оно вошло у нихъ въ употребленіе со времени войнъ 1812—14 годовъ и вѣроятно происходило отъ французскаго *chercher*. Скромничая, казаки объясняли его словами: „сѣздить за овсомъ“, но настоящій смыслъ его былъ просто—пограбить.

Командиръ конной батареи, полковникъ Хрулевъ, человѣкъ дѣятельный, предприимчивый и славолубивый, просилъ полковника Игнатьева о назначеніи его начальникомъ передовыхъ постовъ, т. е. находившихся

на границѣ казаковъ и Австрійцевъ. „Мнѣ здѣсь нечего дѣлать, говорилъ полковникъ Хрулевъ, — а я люблю ѣздить верхомъ и могу спать сидя въ сѣдлѣ. На границѣ можетъ что-нибудь случиться скорѣе, чѣмъ здѣсь въ Дукло, и я могу быть тамъ полезнѣе, чѣмъ здѣсь.“ — Хотя не было никакого распоряженія о подчиненіи намъ Австрійцевъ, но общая власть надъ находившимися на границѣ разными частями войскъ, особенно подчиненіе Австрійцевъ русскому начальству, были полезны; поэтому полковникъ Хрулевъ былъ назначенъ начальникомъ передовыхъ войскъ. Онъ умѣлъ этимъ воспользоваться и обратить на себя вниманіе. Отсюда, съ этого назначенія, начинается дальнѣйшая его извѣстность. Впослѣдствіи, съ прибытіемъ войскъ и новыхъ высшихъ властей, при докладѣ прибывшему начальнику о расположеніи войскъ, между прочимъ, упоминалось, что передовыми постами командуетъ батарейный командиръ полковникъ Хрулевъ. На несообразность командованія передовою цѣпью батарейнымъ командиромъ обращалось мало вниманія, тѣмъ болѣе, что полковникъ Хрулевъ успѣлъ уже заявить о своей дѣятельности, — предыдущія распоряженія обыкновенно утверждались. Съ увеличеніемъ на передовой линіи войскъ, съ прибытіемъ даже регулярной кавалеріи, полковникъ Хрулевъ продолжалъ оставаться начальникомъ передовыхъ постовъ и такимъ двинулся въ Венгрію впереди русской арміи.

12 мая прибыла въ Дукло 2-я бригада 4-й легкой кавалерійской дивизіи. По распоряженію, полученному ею прямо изъ главнаго штаба арміи, она слѣдовала форсированнымъ маршемъ, безъ дневокъ и продолжитель-

ныхъ ночлеговъ, и такъ какъ были убѣждены, что Дукло находится уже во власти непріятеля, то должна была подходить къ городу со всѣми военными предосторожностями, выслать впередъ разъѣзды и проч. Прибывшія войска были очень рады, найдя насъ живыми и здоровыми. 17 мая прибыла 1-я бригада 12-й пѣхотной дивизіи, назначенная состоять, вмѣстѣ съ находившимися уже здѣсь казаками и кавалерійскою бригадою, въ авангардѣ 4-го пѣхотнаго корпуса. Всѣ эти войска стали близъ Дукло. Тогда же пріѣхалъ генераль-адъютантъ Анрепъ, назначенный командовать авангардомъ арміи. Къ 22 мая собрались къ границѣ остальные части 4-го пѣхотнаго корпуса и расположились между г. Дукло и г. Стрымъ. Баталіоны Велингтонова полка возвратились къ 3-му пѣхотному корпусу. Въ Дукло закипѣла сильная дѣятельность: Австрійцы подвозили муку; русскіе солдаты устраивали печи, пекли хлѣбъ и сушили сухари.

Наши казаки, расположенные на границѣ, дѣлали наѣзды на Венгерскую землю для собиранія свѣдѣній и для фуражировокъ.

16 мая начальникъ Грабовскаго поста, узнавъ о приближеніи разъѣзда венгерскихъ гусаръ, выслалъ противъ нихъ 50 казаковъ. Гусары замѣтили казаковъ и обратились въ бѣгство. Казаки погнались за ними и преслѣдовали около 4 верстъ. Лошади четырехъ Венгерцевъ выбились изъ силъ и стали; гусары хотѣли защищаться, но, окруженные со всѣхъ сторонъ, сдались и были приведены въ Дукло. Всѣ они были молодые люди, хорошо одѣты и вооружены и имѣли лошадей рослыхъ и сытыхъ.

18 мая полковникъ Хрулевъ, составивъ отрядъ изъ 120 казаковъ, 80 человѣкъ австрійской пѣхоты и одного орудія, форсированнымъ маршемъ перешелъ къ Стропко, значительному мѣстечку Венгрии, отстоящему на 20 верстъ отъ границы. Казаки подъѣхали къ мѣстечку скрыто, проскакали черезъ него во весь карьеръ и заняли противоположный выходъ, чтобы никто не могъ спастись. Въ Стропко, какъ и вездѣ, собирали рекрутъ и разные запасы. Комиссаръ, присланный Кошутомъ, распоряжался деспотически. Жители, Русняки, обрадовались приходу Русскихъ, указали жилище комиссара и нѣкоторыхъ обывателей, Мадьяровъ, наиболѣе жаркихъ приверженцевъ новаго правительства. Многіе изъ нихъ успѣли спрятаться и спастись. Комиссаръ, имѣвшій чинъ полковника національной гвардіи, его писарь, аптекаръ, состоявшій въ чинѣ капитана національной гвардіи, и Еврей, поставщикъ провіанта, — были взяты въ ихъ домахъ. Захватили также находившіяся на почтѣ письма, всѣ бумаги комиссара, въ складѣ нѣсколько ружей, пистолетовъ и сабель, овесъ и проч. Жители съ ругательствами провожали комиссара и просили держать его покрѣпче. Полковникъ Хрулевъ въ тотъ же день воротился къ границѣ. Комиссаръ былъ молодой человѣкъ, хорошей венгерской фамиліи и недавно женатый. Онъ старался казаться равнодушнымъ. „Что же дѣлать! говорилъ онъ. — Это урокъ. Впередъ буду осторожнѣе“. Аптекаръ оправдывался и увѣрялъ, что онъ не принималъ никакого участія въ политическихъ дѣлахъ. Ихъ передали австрійскимъ властямъ. Впослѣдствіи мы узнали, что, вслѣдъ за уходомъ казаковъ, въ Стропко прибыли 40 человѣкъ венгерской пѣ-

хоты для наказанія жителей. Русняки разбѣжались. Солдаты стали на площади, стрѣляли во всѣ стороны, разграбили нѣсколько домовъ и ушли.

Для дѣйствія противъ венгерскихъ мятежниковъ сначала предполагалось двинуть въ Венгрію, подъ командою генераль-адъютанта графа Ридигера, только 3-й пѣхотный корпусъ, усиленный 12-ю пѣхотною и 4-ю легкою кавалерійскою дивизіями и тремя Донскими казачьими полками. Остальные части 4-го пѣх. корпуса, занимая Галицію, имѣли назначеніе охранять эту область, составлять резервъ войскъ, уходившихъ за Карпаты, и обезпечивать сообщеніе ихъ съ прочими частями нашей дѣйствующей арміи, остававшимися въ Россіи и царствѣ Польскомъ.

Но это предположеніе вскорѣ измѣнилось. Во второй половинѣ мая сдѣлалось извѣстно, что весь 4-й пѣхотный корпусъ назначался для дѣйствій въ Венгріи. Корпусный штабъ перешелъ изъ Пржемысла въ Дукло. Вскорѣ въ Дукло прибыла главная квартира арміи и начальникъ главнаго штаба генераль-адъютантъ князь Горчаковъ, и показалось много австрійскихъ офицеровъ и Венгерцевъ изъ дворянъ, оставшихся вѣрными австрійскому правительству и возвращавшихся въ отечество съ нашими войсками.

Ожидали прибытія главнокомандующаго арміей, но вдругъ, 1 іюня, получено приказаніе: главной квартирѣ и всѣмъ штабамъ переѣхать въ Змигородъ. Дукло мгновенно опустѣло. Еще большее оживленіе закипѣло въ Змигородѣ. Войска проходили чрезъ это мѣстечко непрерывно, направляясь по шоссе въ горы, къ сторонѣ д. Граба, и становились бивуакомъ близъ дороги.

Въ Змигородѣ появилось множество трактировъ, кофейнъ, кабаковъ, пивныхъ, закусочныхъ и другихъ разныхъ лавокъ, открытыхъ въ домахъ и палаткахъ, разбитыхъ въ садахъ и освѣщенныхъ ночью великолѣпною иллюминаціей фонарей; во многихъ трактирахъ и кофейняхъ музыка играла и днемъ и ночью.

При расположеніи войскъ бивуакомъ на тѣсномъ пространствѣ небольшихъ полянъ ущелья между Змигородомъ и Грабомъ, неизбѣжно топтались поля, засѣяныя хлѣбомъ. Когда я указывалъ мѣста нѣкоторымъ частямъ 4-го корпуса, крестьяне просили пощадить ихъ жатву и расположить войска на другихъ участкахъ, принадлежавшихъ Полякамъ, сочувствовавшимъ, по ихъ словамъ, Венгерцамъ, виновникамъ войны. По распоряженію русскаго начальства, потоптанный хлѣбъ былъ оцѣненъ и жителямъ тотчасъ же заплатили за него чистыми деньгами.

Вслѣдъ за переходомъ въ Змигородъ главнаго штаба арміи, туда пріѣхалъ главнокомандующій, фельдмаршалъ князь Паскевичъ, а потомъ нашъ Государь Императоръ.

Въ самый день прибытія въ Змигородъ Государя, полковникъ Хрулевъ, остававшійся начальникомъ передовыхъ постовъ и переселившійся съ Барвинекскаго на Грабовскій переваль, сдѣлавъ съ двумя эскадронами гусаръ и двумя сотнями казаковъ неожиданное нападеніе на передовую венгерскій постъ, состоявшій изъ гусаръ и расположенный у м. Зборо, истребилъ его почти весь и привелъ 40 плѣнныхъ, израненныхъ и изрубленныхъ, прямо на площадь, на которой нахо-

дился домъ, занимаемый Государемъ. О полковникѣ Хрулевѣ заговорила вся армія.

Между тѣмъ корпусъ Дембинскаго понемногу комплектовался. По болѣе сходнымъ показаніямъ, 15 мая въ Бартфельдѣ было уже 15 тысячъ человѣкъ съ 13 орудіями. Въ этомъ числѣ, какъ говорили, находился отрядъ какихъ-то циклосовъ, составленный изъ воровъ и разбойниковъ, подъ начальствомъ графа Вой, бывшаго разбойничьимъ атаманомъ подъ именемъ Шобри. Тогда же корпусъ Дембинскаго отступилъ къ Эперіесу. По переходѣ въ Змигородъ, я поступилъ въ войска 4-го пѣхотнаго корпуса, не видѣлся болѣе съ своими знакомыми венгерскими Русняками и не имѣлъ никакихъ особыхъ свѣдѣній. Вообще, не могу точно судить о вѣрности свѣдѣній о непріятелѣ, но полагаю, что цифры были постоянно невѣрны и преувеличенны. Поляки преувеличивали силы непріятеля намѣренно, чтобы запугать насъ; Славянамъ и Австрійцамъ Мадыяры казались могущественнѣе, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ; они смотрѣли на нихъ напуганными глазами, а у страха глаза велики. Преувеличенныя свѣдѣнія о величинѣ корпуса Дембинскаго и вообще о венгерскихъ силахъ могли однакожь имѣть вліяніе на наши дѣйствія. Были слухи, что Артуръ Гёргей, главнокомандующій венгерскою арміею, дѣйствовавшею на юго-западѣ Венгріи противъ австрійской арміи, приглашалъ Дембинскаго соединиться съ нимъ и дѣйствовать совокупно, сначала противъ Австрійцевъ, а потомъ, разбивъ ихъ, обратиться противъ Русскихъ, вторгавшихся съ сѣвера. Но корпусъ Дембинскаго оставался противъ насъ и усиливался, будто бы, неболь-

шими частями старыхъ войскъ, выславшимися изъ глубины Венгріи. Въ Эперіесъ прибыли 500 человекъ кавалеріи и 1.500 пѣхоты, въ Кашау 3 тысячи; другія войска стояли въ селахъ Демете, Тульчикъ, Лада, Капи, Себешъ и Лофальвъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продолжали строить земляныя укрѣпленія. Въ концѣ мая въ Эперіесъ находилось уже, будто бы, до 25 тысячъ съ 80 орудіями. Въ Кашау прибылъ одинъ изъ извѣстныхъ предводителей мятежниковъ—Кляпка. Считали, что въ Карпатахъ собрано противъ насъ всего до 53 тысячъ регулярнаго войска; но вѣроятно, что корпусъ Дембинскаго, ко времени начатія нами наступательныхъ дѣйствій, увеличился преимущественно рекрутами, набранными насильно изъ Славянъ, и далеко не достигалъ числа 53 тысячъ.

Еще болѣе грозные слухи ходили о Мадьярахъ, жившихъ на равнинахъ Венгріи. Говорили, что они возстали поголовно; земля, какъ выражались, стонетъ подъ огромнымъ количествомъ войска. Въ старыхъ полкахъ считали 150 тысячъ, во вновь набранныхъ столько же, въ ополченіи столько же. Духовенство проповѣдывало народную войну истребленія, призывало всѣхъ къ оружію. Кошутъ приказалъ молиться въ церквахъ объ избавленіи Венгріи отъ нашествія Русскихъ и поститься два дня въ недѣлю. Если эти слухи, какъ надо полагать, распускались Поляками въ надеждѣ напугать насъ, то этимъ Поляки оказали Венгерцамъ плохую услугу. Прежде предполагали двинуть въ Венгрію, какъ выше сказано, только четыре пѣхотныхъ и двѣ кавалерійскихъ дивизіи; по какимъ-либо соображеніямъ, это число было, очевидно, признано недо-

статочнымъ, и въ Венгрію двигалась почти 200 тысячная армія. Послѣдствія покажутъ, въ какой степени Мадьяры были расположены къ народной войнѣ и поголовному возстанію.

Передъ выступленіемъ въ Венгрію, главнокомандующій созвалъ къ себѣ генераловъ собранныхъ кругомъ Змигорода войскъ и сдѣлалъ имъ наставленіе для предстоявшихъ дѣйствій. Я не былъ при этомъ личнымъ свидѣтелемъ и не могу ручаться за полную достовѣрность происходившаго, но слышалъ отъ нѣсколькихъ генераловъ, что смыслъ наставленія выражался въ слѣдующихъ словахъ: „Дѣйствовать боевыми порядками. Боевые порядки и боевые порядки!“ Извѣстно, что въ то время въ Воинскомъ Уставѣ для дѣйствій войскъ существовали 4 боевыхъ и 1 резервный порядокъ. Изъ этихъ словъ можно бы заключить, что главнокомандующій не имѣлъ довѣрія къ своимъ подчиненнымъ генераламъ, совѣтуя имъ одно руководство — боевыми порядками; но въ сущности это было не такъ. Всѣ военные того времени помнятъ, что въ глубокой премудрости и великой пользѣ боевыхъ порядковъ были убѣждены всѣ; съ ними русская армія считалась непобѣдимою. Помнятъ также, что знаніе уставовъ выводило въ люди и что такимъ знаніемъ особенно славились нѣсколько человѣкъ, считавшихся за это очень способными людьми и предназначавшихся даже общественнымъ мнѣніемъ въ будущіе главнокомандующіе, хотя нѣкоторые изъ нихъ не бывали на войнѣ, а другіе не выказали на дѣлѣ никакихъ военныхъ достоинствъ. Безъ сомнѣнія, знаніе уставовъ необходимо для военнаго человѣка, но оно могло прикрывать иногда

совершенную неспособность, а придаваемая имъ излишняя важность, какъ всякая крайность, могла вводить начальство въ опасное заблужденіе. Слова фельд-маршала князя Паскевича, несомнѣнно замѣчательнаго полководца, показываютъ только, что ложныя или одностороннія мнѣнія могутъ быть общи, свойственны всѣмъ арміямъ и длиться многіе годы. Каждое время имѣетъ свои эпидемическія убѣжденія.

III.

Вступленіе въ Венгрію.—Бартфельдъ.—Эперіесъ.—Кашау.

Для вступленія въ Венгрію, по войскамъ были сдѣланы слѣдующія распоряженія.

Армія переходила Карпаты въ двухъ направленіяхъ: главная сила, подъ начальствомъ главнокомандующаго, фельдмаршала князя Паскевича, — отъ Змигорода и сосѣднихъ съ нимъ мѣстъ, откуда они наступали на Кашау, и войска генерала графа Ридигера — западнѣе главныхъ силъ, отъ Неймарка, откуда они должны идти на соединеніе съ первыми южными долинами горъ, очищая ихъ отъ мятежниковъ и дѣйствуя въ лѣвый флангъ или тылъ тѣхъ частей, которыя будутъ находиться противъ нашихъ главныхъ силъ.

Главные силы, имѣя общее направленіе на Бартфельдъ, вступали въ Венгрію четырьмя колоннами. Первая изъ нихъ, на правомъ флангѣ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Лабинцова, состояла изъ

5-й пѣхотной дивизіи, двухъ ротъ стрѣлковаго баталіона, двухъ ротъ саперъ и трехъ сотенъ Донскихъ казаковъ, — имѣла назначеніе идти отъ с. Гржибова (западнѣе Змигорода) черезъ с. Избы на г. Бартфельдъ и этимъ обходнымъ движеніемъ отрѣзать непріятеля, стоящаго впереди м. Зборо. Она должна была перейти горы 6 іюня, тѣснить непріятеля къ Бартфельду и, если не встрѣтитъ большаго сопротивленія, достигнуть этого города въ тотъ же или слѣдующій день; если же сопротивление будетъ сильно, то подвигаться медленно, такъ чтобы войска генерала Ридигера могли зайти непріятелю въ тылъ движеніемъ отъ Любло черезъ Полочно на Тарно, куда они могли придти 8 іюня. Въ Тарно войска генераловъ Ридигера и Лабинцова открывали между собою сообщеніе черезъ с. Обручно. — Вторая колонна, генераль-лейтенанта Купріянова, состоя изъ 4-й пѣх. дивизіи, двухъ ротъ саперъ, двухъ ротъ стрѣлковъ, 2-й бригады 2-й легкой кавалерійской дивизіи и трехъ сотенъ казаковъ, выступала изъ с. Горлицы (между Гржибовомъ и Змигородомъ) 5 іюня, 6-го переходила горы и, достигнувъ с. Смильно, соединялась съ третьей колонной и вмѣстѣ съ нею продолжала движеніе на Зборо. — Третья колонна, генераль-лейтенанта Бушена, 12-я пѣхотная дивизія, шесть ротъ саперъ, три сотни казаковъ, Донская батарея, австрійская ракетная батарея и Вознесенскій уланскій полкъ, выступала изъ Змигорода 5 іюня, 6-го должна атаковать горы, перейти ихъ, въ Смильно соединиться со второю колонной и продолжать движеніе на Зборо. При этой колоннѣ слѣдовалъ главнокомандующій и его штабъ. — Четвертая колонна, генераль-лейтенанта Бѣлогужева,

состояла изъ 2-й бригады 11-й пѣхотной дивизіи съ артиллеріею, роты саперъ, трехъ сотенъ казаковъ и двухъ орудій Донской батареи, имѣла назначеніе произвести демонстрацію, двигаясь по пути, идущему изъ Дукло на Барвинекъ и далѣе въ Венгрію, и охранять Дукло, гдѣ находились наши продовольственные запасы. Она 5 іюня должна перейти горы, сбить передовые непріятельскіе посты, распускать слухъ, что за нею идутъ главныя силы, и достигнуть до с. Коморника, откуда войти въ сношеніе вправо съ третьею колонной. Общій резервъ всѣхъ этихъ войскъ состоялъ подъ начальствомъ командира 4-го пѣхотнаго корпуса, генерала-отъ-инфантеріи Чеодаева, изъ двухъ полковъ 11-й пѣхотной дивизіи съ артиллеріею, одной роты саперъ, 1-й бригады 2-й легкой кавалерійской дивизіи, трехъ полковъ 4-й легкой кавалерійской дивизіи, Донскаго полка и шести орудій Донской батареи; при немъ же слѣдовала сводная иррегулярная бригада, состоящая изъ линейныхъ казаковъ, мусульманъ и Черкесовъ. Резервъ собрался 5 іюня у Змигорода и слѣдовалъ на одинъ переходъ позади третьей колонны.

Войска генерала графа Ридигера — 7 пѣхотная дивизія, пѣхотные Полтавскій и Елецкій и одинъ уланскій полки, 2-я бригада 3-й легкой кавалерійской дивизіи и два казачьи полка — должны были выступить изъ Неймарка 3 іюня, достигнуть Любло 5 или 6 іюня, открывать непріятеля по направленію къ Бартфельду и войти въ сообщеніе, какъ выше сказано, съ генералъ-лейтенантомъ Лабинцовымъ чрезъ с. Обручно. Еслибы непріятель удерживалъ въ горахъ главныя наши силы, то графу Ридигеру слѣдовало дѣйствовать

черезъ Тарно въ тылъ или во флангъ его; еслибы, достигнувъ Любло, онъ узналъ, что между Галиціей и Бартфельдомъ находятся слабые отряды непріятеля, то долженъ былъ идти чрезъ Лейтшау на Эперіесъ, куда могъ достигнуть не прежде 13 іюня.

Для охраненія Галиціи, какъ опоры нашихъ дѣйствій, назначались отряды: съ западной стороны—подъ начальствомъ генераль-адъютанта Граббе и съ восточной—подъ начальствомъ генерала-отъ-кавалеріи барона Остенъ-Сакена.

Отрядъ генераль-адъютанта Граббе составлялся изъ трехъ полковъ 6-й пѣхотной дивизіи и одного Донскаго казачьяго. Онъ переходилъ Карпаты 3 іюня, смѣнялъ отрядъ генераль-лейтенанта Засса (кавказскаго) у Альзо-Кубина 5 или 6 іюня и, оставаясь тамъ, заслонялъ западную Галицію. Генераль-адъютантъ Граббе долженъ былъ посылать партіи по р. Ваагъ, дѣлать по ея долинѣ экспедиціи для разогнанія скопищъ непріятеля, которыя могли образоваться въ тылу нашихъ дѣйствующихъ силъ,—словомъ, дѣйствуя сообразно съ обстоятельствами, имѣть въ виду охраненіе западной Галиціи. Кромѣ того, подъ начальство генерала Граббе поступали полкъ и батарея 6-й пѣх. дивизіи, находившіеся пока въ Краковѣ, и 1-я бригада 1-й легкой кавалерійской дивизіи съ батареей, находившіяся еще въ царствѣ Польскомъ. Отрядъ генераль-лейтенанта Засса, по смѣнѣ его отрядомъ генерала Граббе, присоединялся къ главнымъ силамъ графа Ридигера и дѣйствовалъ по его усмотрѣнію.

Въ распоряженіе генерала барона Остенъ-Сакена поступали—1-я бригада 10-й пѣх. дивизіи, три полка 2-й

уланской дивизіи и пять сотенъ Донскихъ казаковъ. Войска эти располагались въ окрестностяхъ г. Стрыя, чѣмъ они охраняли Волинь и Подолію и имѣли возможность дѣйствовать во флангъ непріятелю, еслибъ онъ прорвался въ восточную Галицію.

Отъ четвертой колонны, названной демонстраціонною, были оставлены въ Дукло два баталіона Камчатскаго егерскаго полка; другіе два баталіона того же полка съ четырьмя орудіями и 50 казаками, по переходѣ этой колонны черезъ границу, должны были остаться у южной подошвы горъ, въ м. Свидникахъ, откуда Дуклинское шоссе поворачиваетъ на м. Зборо, — для прикрытія нашихъ транспортовъ, направлявшихся къ арміи и слѣдовавшихъ по шоссе отъ Дукло на Барвинекъ, Свидники, Зборо, Бартфельдъ, Эперіесъ, Кашау и далѣе.

Изъ этихъ распоряженій видно, что главная идея избраннаго способа дѣйствій заключалась въ обходѣ непріятеля издали на всѣхъ путяхъ, что очевидно могло заставить его ускорять отступление и не могло способствовать намъ къ скорѣйшему настиженію и разбитію корпуса Дембинскаго отдѣльно, до соединенія его съ другими венгерскими корпусами.

Войска тронулись и вступили въ Венгрію согласно этой диспозиціи. Венгерцевъ и сопротивленія съ ихъ стороны нигдѣ не встрѣтили. 6 числа главная квартира перешла изъ Змигорода въ Шмильно, гдѣ ночевала. вмѣстѣ съ главною квартирою Государь Императоръ, верхомъ, доѣхалъ до Грабовскаго перевала, откуда видно было движеніе войскъ до Зборо, простился съ главнокомандующимъ, возвратился въ Змигородъ и уѣхалъ въ Варшаву.

Южная покатость Карпатовъ, обращенная къ Венгріи, въ мѣстѣ перехода войскъ у Граба, какъ я говорилъ выше, открыта. Дорога идетъ по склону, извиваясь. День былъ ясный и жаркій. Смотри снизу изъ Венгріи, зрѣлище было великолѣпное. Безконечная рѣка людей, блестя мѣдью и сталью, падала, текла съ высоты горъ, по изгибамъ покатостей, широкимъ русломъ и наводняла долину. Баталіоны, эскадроны и батареи шли одни за другими, какъ безчисленные волны; штыки сверкали, какъ гнѣвная ихъ пѣна. Безполезно говорить о духѣ войска. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали встрѣчи съ непріателемъ.

Русняки встрѣтили насъ съ довѣрчивостью. Толпы ихъ—мущины, женщины и дѣти—сбирались къ бивуакамъ войскъ, приносили все, чѣмъ могли угостить—куръ, яицъ, молока, масла—и нѣкоторые не хотѣли брать предлагаемую имъ плату. Мои старые друзья отыскали меня на первомъ ночлегѣ. Но здѣсь же, съ первыхъ дней похода, мы слышали жалобы, гореванья о потоптанныхъ поляхъ и скошенныхъ лугахъ. Доставленіемъ необходимаго войскамъ довольствія должны были распоряжаться австрійскіе чиновники, водворившіеся въ краѣ и вступавшіе въ управленіе имъ, по мѣрѣ занятія его нашими войсками; но понятно, что, при быстромъ движеніи впередъ и при многочисленности войска, не успѣвали ничего сдѣлать правильно, порядкомъ. По прибытіи на ночлегъ, войскамъ некогда было дожидаться указаній, гдѣ брать дрова и косить траву; да и помимо указаній надо было брать все, что поближе, подъ рукою. Войска часто становились бивуакомъ на поляхъ, засѣянныхъ хлѣбомъ; при самомъ

движеніи колоннъ по узкимъ дорогамъ, солдаты шли по сторонамъ ихъ, хлѣбнымъ полемъ, и тамъ, гдѣ прошла колонна, оставался широкій утоптаный слѣдъ. Отъ этого вся тяжесть потерь падала неизбѣжно на жителей селеній, лежавшихъ на дорогахъ, по которымъ шли войска. — Австрійскія власти обѣщали вознаграждать впослѣдствіи эти потери; но обѣщаніямъ мало вѣрили. Къ сожалѣнію, потери эти падали одинаково какъ на Славянъ, такъ и на Мадьяровъ, отчасти потому, что у насъ въ арміи имѣли очень неясныя понятія о Славянахъ Венгріи и объ отношеніяхъ ихъ къ Мадьярамъ. Великороссіянинъ съ перваго раза не понималъ здѣшняго славянскаго нарѣчія. Не было бы лишнимъ, еслибы предъ вступленіемъ въ Венгрію все это было объяснено войскамъ и приказано обращаться съ Славянами — какъ съ народомъ близкимъ намъ. Но этого трудно было ожидать. Не задолго передъ этимъ у насъ полагали, что и наши западныя губерніи заселены сплошь Поляками.

Дембинскій отступалъ быстро и нигдѣ не останавливался. Только по сторонамъ главнаго пути арміи встрѣчались небольшіе непріятельскіе отряды, которые вѣроятно не успѣли еще отступить, или которымъ можетъ-быть забыли отдать приказанія. Нельзя было ожидать, чтобы небольшіе отряды Венгерцевъ могли оставаться въ горахъ для дѣйствій въ тылу, на сообщеніяхъ нашей арміи; во враждебномъ имъ краѣ они могли быть истреблены.

Такъ, четвертая колонна видѣла небольшія отступавшія партіи. Перейдя 5 іюня границу, она расположилась въ Коморникѣ, откуда посланы были двѣ сотни

казаковъ въ с. Чертежно, гдѣ, по слухамъ, видѣли непріятеля. Не доѣзжая Чертежно, казаки были встрѣчены хлѣбомъ и солью Русняками, отъ которыхъ узнали, что въ селеніе это дѣйствительно пріѣзжали наканунѣ изъ Мезилаборжа 14 человекъ пѣхоты на подводахъ за фуражомъ и провіантомъ, но уже уѣхали обратно. 7 іюня полторы сотни казаковъ дошли до Стропко, видѣли венгерскій разѣздъ, который поспѣшно удалился, и расположились бивуакомъ не доходя мѣстечка. Ночью казакамъ дали знать, что къ Стропко приближается значительная партія непріятеля за провіантомъ; казаки вступили туда передъ разсвѣтомъ; непріятельская партія ушла. 9 іюня былъ посланъ къ Мезилаборжу одинъ баталіонъ Камчатскаго егерскаго полка съ 20 саперами и 50 казаками. Не доходя Мезилаборжа, баталіонъ встрѣтилъ Венгерцевъ въ числѣ около одной роты и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ хотѣлъ атаковать ихъ, но Венгерцы разбѣжались и скрылись въ ближайшихъ лѣсахъ. 9-го же іюня казацкій разѣздъ изъ 20 человекъ встрѣтилъ за с. Гаральдо 12 венгерскихъ гусаръ и преслѣдовалъ ихъ, пока не встрѣтилъ отряда изъ роты пѣхоты, эскадрона кавалеріи и одного орудія, продолжавшихъ поспѣшно отступать. Послѣ этого четвертая колонна не встрѣчала и не видѣла болѣе непріятеля на всемъ пути ея слѣдованія лѣвѣе главнаго пути движенія арміи, до самаго Токая, гдѣ 19 іюня она соединилась съ 4 пѣхотнымъ корпусомъ.

О случаяхъ подобныхъ встрѣчъ и преслѣдованія отдѣльных непріятельскихъ партій въ другихъ боковыхъ колоннахъ я не знаю, такъ какъ я состоялъ пер-

воначально при третьей, средней, колоннѣ, а потомъ, когда составъ колоннъ разстроился, при 12-й пѣхотной дивизіи. Но и тамъ не могло быть ничего особеннаго;—Венгерцы вездѣ спѣшили отступить.

Бартфельдъ заняли безъ сопротивленія. 8 іюня вторая колонна стала у с. Лофальва, въ 7 верстахъ за Бартфельдомъ. По показанію жителей и взятыхъ въ плѣнъ отсталыхъ венгерскихъ солдатъ, въ 20 верстахъ отъ Лофальва, въ с. Капи, находилось, будто бы, до 30 тысячъ войска, преимущественно кавалеріи; другая часть непріятельскихъ силъ, до 20 тысячъ, преимущественно пѣхоты, стояла впереди Эперіеса, въ м. Себешѣ, и, наконецъ, часть войскъ въ самомъ Эперіесѣ, гдѣ находился Дембинскій. Того же числа первая колонна расположилась за второю колонной у Лофальва, а остальные войска арміи—впереди и позади самага Бартфельда.

Бартфельдъ—городъ средней величины, не имѣющій ничего примѣчательнаго; большая часть домовъ одноэтажные. Сильныя лѣтнія жары ввели въ Венгріи обычай устраивать во всѣхъ домахъ особаго рода ставни, жалюзи, сквозные, выкрашенные зеленою краской; пропуская слабый свѣтъ, они защищаютъ внутренность комнатъ отъ солнечныхъ лучей и сохраняютъ прохладу. Эти ставни закрыты цѣлый день, и оттого дома имѣютъ видъ монастырей. Комнаты устраиваютъ преимущественно съ каменными сводами, которые также способствуютъ прохладѣ, но дѣлаютъ ихъ похожими на казематы. Лавки были заперты; на улицахъ встрѣчалось очень мало жителей, но за то много военныхъ; черезъ городъ проходили войска разныхъ корпусовъ

арміи, приче́мъ безпрестанно случались встрѣчи знакомыхъ, не видѣвшихся нѣсколько лѣтъ. Въ Бартфельдѣ устраивали опорный пунктъ, гошпитали и провіантскіе магазины нашей арміи. Саперы исправляли городскія старинныя каменные стѣны; поперекъ нѣкоторыхъ улицъ ставили палиссады, дѣлали ворота съ бойницами. Австрійскія власти водворялись въ краѣ, который отвыкъ отъ нихъ; прокламаціи приклеивались на всѣхъ улицахъ. У одного окна толпа мужиковъ мѣняла ассигнаціи Кошута на австрійскія кванціи, и проч.

Ночью меня разбудили и потребовали по дѣламъ службы. Получено свѣдѣніе, что влѣво отъ Бартфельда показались непріятельскіе разѣзды. Для удостовѣренія въ этомъ, командировали ротмистра графа С. съ казаками, а для поддержанія его—одну пѣхотную роту, которой я долженъ былъ указать дорогу и мѣсто. Было уже за полночь, когда намъ осѣдлали лошадей и мы поскакали къ бивуаку тѣхъ частей, отъ которыхъ назначались рота и сотня. Войска спали, костры потухли. Разбудили начальство; сотня и рота были вскорѣ готовы. Графъ С. поскакалъ съ сотнею впередъ, а я повелъ пѣхоту вслѣдъ за нимъ. Мы ничего не нашли и ничего не видѣли, кромѣ нѣсколькихъ бѣдняковъ, которые пробирались лѣсами и оврагами съ боченками водки, проносимой, вѣроятно, какъ контрабанда. Свѣдѣніе оказалось ложнымъ, какъ и всѣ другія.

Я воспользовался этою поѣздкой, чтобы посмотреть на находившіяся по близости моего пути и въ трехъ верстахъ отъ Бартфельда минеральныя воды, соединенныя съ городомъ превосходнымъ шоссе. Мѣстоположе-

ніе живописное. Воды находятся въ ущельѣ высокихъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Изящные домики разбросаны амфитеатромъ на уступахъ покатостей. Видно, что здѣсь бываетъ много посѣтителей и все приспособлено для удобства, какъ и на другихъ европейскихъ минеральныхъ водахъ. Широкій мраморный бассейнъ минеральной воды находится по срединѣ главной улицы; надъ нимъ устроенъ крытый навѣсъ; къ самому источнику спускаются тремя ступенями. Но этотъ чудесный городокъ былъ совершенно пустъ, какъ заколдованный городъ сказокъ. На улицахъ и въ домахъ — ни одной живой души; большинство жителей и посѣтителей разбѣжались, вѣроятно напуганные приближеніемъ нашихъ войскъ, а остальные можетъ-быть еще спали; разбитая кружка лежала на каменныхъ ступеняхъ бассейна; тихое журчаніе воды было единственнымъ живымъ голосомъ среди безмолвія и будто спящей великолѣпной мѣстности подъ яснымъ, безоблачнымъ небомъ, въ которомъ солнце стояло уже высоко надъ горизонтомъ.

9 іюня были направлены на с. Осико, боковою дорогою, идущею правѣе главнаго шоссе, 4 и 5-я пѣхотныя дивизіи, одинъ стрѣлковый и одинъ саперный баталіоны и одинъ гусарскій полкъ. Дорога эта вела на Эперіесъ и обходила лежавшія на главномъ шоссе сс. Демете и Капи, гдѣ, какъ полагали, находятся венгерскія войска и ихъ полевые укрѣпленія. 12-я пѣхотная дивизія подвинулась по шоссе до с. Лофальва. Передовые отряды нашей кавалеріи, шедшіе впереди этой дивизіи, занявъ высоты у с. Каншикичъ, увидѣли вдали, расположенныя у с. Рославице, непріятельскія колонны пѣхоты и кавалеріи; но непріятель вско-

рѣ отступилъ къ с. Демете. Вслѣдъ за нимъ двинулась 2-я бригада 12-й пѣхотной дивизіи. Прибывъ въ Рославицы, мы узнали, что Венгерцы отступили отъ Демете, оставивъ узкое дефиле близъ этого селенія, которое они могли удобно защищать. Мы пошли далѣе, заняли дефиле и расположились на утро 10 іюня между Демете и с. Тульчикомъ. 10 іюня главная квартира перешла въ с. Осико. Ожидали, что 11 числа будетъ сраженіе, и потому этого числа резервъ подвинулся изъ Бартфельда къ Демете. Но дѣла не было; непріятель оставилъ Капи и Эперіесъ. За Капи сошлись опять наши колонны, направленные прямо и въ обходъ непріятеля, заняли Эперіесъ 11 іюня и вся армія стала кругомъ его бивуакомъ. Войска проходили чрезъ городъ всю ночь.

Въ Эперіесѣ насъ встрѣтили миролюбиво и даже привѣтливо; проходящимъ войскамъ бросали изъ оконъ цвѣты; офицерамъ штабовъ приготовили квартиры въ лучшихъ домахъ и приняли гостепріимно. Городъ населенъ большею частью Нѣмцами, которые, вѣроятно, сочувствовали австрійскому правительству; онъ замѣтно богатъ: дома большіе, каменные; главная улица застроена сплошнымъ рядомъ великолѣпныхъ зданій; въ Россіи, за исключеніемъ двухъ или трехъ губернскихъ городовъ, нѣтъ ни одного, который имѣлъ бы такую красивую наружность. Южныя покатости горъ кругомъ Эперіеса покрыты обширными виноградниками; но здѣшнее венгерское вино не славится такъ, какъ вино болѣе южныхъ мѣстностей. Въ Эперіесѣ и Кашау вино поддѣлываютъ подъ разныя наиболѣе распространенныя въ Европѣ, но на мѣстѣ продаютъ безъ

обмана, подъ настоящими именами: шампанское Эперіеса, или шампанское Кашау, икэмъ Кашау и проч. Венгрія производитъ огромное количество винъ; здѣшняго шампанскаго, лафита, сотерна и другихъ, говорятъ, очень много вывозятъ въ Россію, гдѣ продаютъ уже за настоящія. Всѣ мы невольно обратили вниманіе на красоту большинства здѣшнихъ женщинъ, сравнительно съ другими мѣстами Венгріи; при проходѣ нашихъ войскъ, изъ каждаго окна, изъ каждыхъ воротъ выглядывали хорошенькія личики.

Близъ Эперіеса и ниже долина рѣки Шекесо, по которой идетъ шоссе, расширяется и дѣлается плоскою; мѣстоположеніе становится разнообразнѣе и живописнѣе; но горы, подымаясь съ плоскостей, кажутся выше, чѣмъ около Бартфельда. Страна дѣлается замѣтно богаче; виноградники покрываютъ южныя покатости и на шоссе встрѣчаются хутора и селенія винодѣловъ, которые преимущественно Мадыяры и Нѣмцы.

По занятіи Эперіеса, авангардъ арміи, подъ начальствомъ генераль-адъютанта Анрепа, слѣдовалъ 11 іюня далѣе для того, какъ было сказано въ официальныхъ свѣдѣніяхъ, чтобы, подойдя въ ночь съ 11 на 12 іюня какъ можно ближе къ м. Самосу, занятому непріателемъ, атаковать его на разсвѣтѣ. Переднія части авангарда, состоявшія изъ гусарскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Николаевны и Донскаго казачьяго № 32 полковъ съ конною № 4 батареею, догнали заднюю часть непріятельскаго арріергарда, не доходя Самоса, вечеромъ же 11 іюня, атаковали ее, сбили и принудили къ отступленію. Наступившая

ночь не позволила преслѣдовать далѣе. По рассказамъ, ходившимъ въ арміи, въ дѣлѣ принимали участіе одинъ или два эскадрона и одна или двѣ сотни казаковъ, шедшіе впереди. Венгерцы спѣшили отступить. Наши войска, настигшія непріятеля въ первый разъ, вцѣпились въ него съ ожесточеніемъ; завязалась тотчасъ рукопашная схватка. Изъ слѣдовавшихъ позади частей, становившихся, вѣроятно, уже на бивуакъ, казаки и кто могъ, скакали впередъ въ-одиночку и бросались въ бой. Рассказывали, что, въ одиночныхъ схваткахъ, противники, изломавъ оружіе, терзали другъ друга руками и зубами. Одинъ донской казакъ, въ борьбѣ съ венгерскимъ гусаромъ, свалился вмѣстѣ съ нимъ съ лошади и попалъ подъ гусара; они рубились саблями, но такъ какъ розмахъ не могъ быть великъ, то наносили другъ другу незначительныя раны. Въ это время подскакали другіе казаки и хотѣли стащить Венгерца, но лежавшій подъ нимъ Донецъ закричалъ: „Не троньте, не троньте! Я самъ съ нимъ справлюсь“, вынулъ кинжалъ и закололъ Венгерца, прежде чѣмъ успѣли разнять ихъ и взять Венгерца въ плѣнъ. Говорили также, что командовавшій передовыми частями авангарда генераль-маіоръ Багговутъ получилъ выговоръ, зачѣмъ позволилъ атаковать непріятеля, такъ какъ, по какимъ-то военнымъ соображеніямъ, не слѣдовало дозволить атаки слабою частью. Дѣйствительныя потребности войны проясняютъ скоро головы всѣмъ и разсѣваютъ многія убѣжденія, вынесенныя съ учебнаго плаца. Дѣло было блестящее; выговоръ казался бесполезнымъ и напраснымъ, и его объясняли привычкою руководить каждымъ шагомъ подчиненнаго, что отнимаетъ у послѣднихъ предприимчи-

вость, заставляетъ быть излишне-осторожными — изъ опасенія не непріятеля, но начальства, а это не можетъ повести ни къ чему хорошему. Хотя дѣло было не велико, но впечатлѣніе его на Венгерцевъ, повидимому, было очень сильно. Мнѣ самому случилось слышать въ Кашау на другой день послѣ Самосскаго дѣла вопросы Мадыаръ: „За что вы деретесь съ нами съ такимъ ожесточеніемъ? Что мы вамъ сдѣлали?“....

При слѣдованіи утромъ 12 іюня, мы, не доходя около версты до Самоса, увидѣли по бокамъ шоссе и въ полѣ трупы убитыхъ Венгерцевъ; ихъ было довольно много. Большая часть изъ насъ видѣли убитаго въ бою непріятеля еще въ первый разъ; и офицеры и солдаты останавливались и съ любопытствомъ всматривались въ мертвые, окровавленные лица. Почти всѣ были убиты холоднымъ оружіемъ и страшно изувѣчены: лица изрублены, черепа разсѣчены, груди проколоты пиками. Но всѣ были уже обообраны; на одномъ не было сапогъ, на другомъ мундира: во время похода сапоги составляютъ очень цѣнный трофей. Въ самомъ мѣстечкѣ Самосѣ крайніе дома и сараи были заняты ранеными Венгерцами. Они лежали на соломѣ по нѣскольку человѣкъ рядомъ; всѣ были ранены тяжело, никто не шевелился и нѣкоторые глухо стонали. На лицахъ многихъ кровь запеклась до такой степени, что ихъ не узнали бы родныя матери. При раненыхъ оставался русскій медикъ. Женщины, жительницы Самоса, хлопотали около нихъ, обмывали раны, дѣлали перевязки, подносили воду томимымъ жаждою.

Дни были жаркіе. При слѣдованіи войскъ черезъ селенія, или на привалахъ близъ селеній, жители, муж-

чины и женщины, оказывавшіеся всегда Славянами, разносили воду въ наши баталіоны и давали солдатамъ пить; у каждаго колодца стояло по два человѣка и накачивали безпрестанно воду для проходящихъ войскъ.

Взятые въ дѣлѣ подъ Самосомъ плѣнные показали, что значительныя силы сосредоточены въ укрѣпленной позиціи близъ Кашау. Утромъ 12 іюня генералъ Анрепъ произвелъ рекогносцировку этой позиціи, и она дѣйствительно оказалась занятою войсками, расположенными за укрѣпленіями, вооруженными артиллеріей. Всѣ ожидали, что Венгерцы не уступятъ Кашау безъ боя. Это былъ послѣдній и главный пунктъ въ горахъ, укрѣпленный заблаговременно; уступить его—значило отдать намъ весь горный край. Для овладѣнія позиціей и городомъ, 12 іюня русская армія наступала тремя колоннами: главныя силы и при нихъ главнокомандующій шли по шоссе; вправо были посланы части 2-го пѣхотнаго корпуса и влѣво третья колонна генералъ-лейтенанта Бушена, которая должна была слѣдовать по проселочной дорогѣ и обходить правый флангъ непріятеля и г. Кашау, имѣя переднія части на одной высотѣ съ головою средней колонны.

Мнѣ извѣстно только движеніе лѣвой колонны. Селенія, которыми проходила она, были населены Славянами. Жители съ любопытствомъ и безъ боязни вышли смотрѣть на насъ. День былъ праздничный. Женскія одежды пестрѣли разнообразными, преимущественно красными, красками. Въ толпѣ людей мы брали проводниковъ, которые охотно вели насъ отъ одного селенія до другаго. Проселочная дорога была въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неисправна. Мосты, особенно въ селахъ Богдани

и Кралевецъ, были узки и ветхи; проходя черезъ нихъ, войска по необходимости растягивались; голова колонны должна была иногда останавливаться, дожидаться заднихъ частей и отъ этого не могла находиться постоянно наравнѣ съ головою главной, средней, колонны. Намъ было видно движеніе ея вправо отъ насъ. Раздѣлявшая насъ долина р. Тарчи, по бокамъ которой, по склонамъ покатостей, шли обѣ дороги, имѣла около полторы версты ширины. Опасаясь, что медленное движеніе нашей колонны разстроитъ, въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, соображенія движенія всѣхъ силъ на Кашау, генераль Бушенъ послалъ меня доложить главнокомандующему о трудностяхъ дороги и получить приказанія для дальнѣйшихъ дѣйствій.

Я поскакалъ прямо по направленію къ головѣ средней колонны. Луговая долина, была перерѣзана глубокими канавами, что заставляло меня безпрестанно дѣлать объѣзды. Берега р. Тарчи оказались высокими и обрывистыми. Слѣдуя внизъ по теченію рѣки къ сторонѣ Кашау, чтобы не отставать отъ головы колоннъ, я долго не могъ найти удобнаго для спуска мѣста; наконецъ переплылъ рѣку, догналъ голову колонны и отыскалъ главный штабъ, слѣдовавшій непосредственно за передовыми баталіонами. Главнокомандующій и его штабъ были на конѣ, головные баталіоны стояли на мѣстѣ, въ ожиданіи, вѣроятно, наступленія боковыхъ колоннъ. Выслушавъ мой докладъ, кн. Паскевичъ сказалъ, что доволенъ движеніемъ генерала Бушена, и приказалъ продолжать наступленіе прежнимъ порядкомъ, въ обходъ Кашау. Вслѣдъ за нимъ начальникъ главнаго штаба, князь Горчаковъ, и генераль-квартирмейстеръ, генераль-

лейтенантъ Фрейтагъ, сдѣлали мнѣ нѣкоторыя поясненія и дали дополнительные приказанія, сущность которыхъ состояла въ томъ, что лѣвая колонна могла обойти Кашау по двумъ, сходявшимся у города въ одномъ пунктѣ, дорогамъ, изъ которыхъ одна, малая, проселочная, сворачивала съ настоящаго ея пути вправо черезъ лѣсъ и гору и была короче, но, какъ полагали, хуже лѣвой дороги. Я долженъ былъ, по возвращеніи къ своей колоннѣ, тотчасъ ѣхать впередъ на возможно большее разстояніе, осмотрѣть правую, кратчайшую, дорогу и, если она окажется удобопроходимой, дать знать о томъ генералу Бушену, и его колонна должна слѣдовать по ней. Всѣ объясненія, дѣлаемыя генераломъ Фрейтагомъ, были ясны и точны; край былъ ему извѣстенъ (безъ сомнѣнія, по разспросамъ), какъ своя ладонь, и я находилъ послѣ буквально такъ, какъ онъ рассказывалъ.

Считаю при этомъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о генералѣ Фрейтагѣ. Передъ настоящею войной онъ служилъ на Кавказѣ, командовалъ тамъ значительными частями войскъ на большомъ пространствѣ края, имѣлъ обширный кругъ дѣйствій на самомъ важномъ театрѣ войны и дѣйствовалъ успѣшно и блистательно. Сколько я могъ судить изъ рассказовъ Кавказцевъ, ни одинъ генералъ того времени не приобрѣлъ въ войскахъ такого глубокаго уваженія и такой громкой извѣстности, какъ генералъ Фрейтагъ; его считали правдивымъ, честнымъ, боевымъ, вполне военнымъ человекомъ, со всѣми задатками примѣтельнаго генерала. Это была во всѣхъ отношеніяхъ свѣтлая личность. Онъ спасъ отрядъ исамого главно-

командующаго на Кавказѣ, князя Воронцова, во время злополучной Доргинской экспедиціи, въ которой погибло много нашего войска, и самъ князь Воронцовъ, по общему убѣжденію, былъ бы взятъ въ плѣнъ, еслибы къ нему не подоспѣлъ на выручку съ своимъ небольшимъ отрядомъ генералъ Фрейтагъ. Но при этомъ генералъ Фрейтагъ имѣлъ простыя военныя привычки, высказывалъ рѣзко и откровенно свои мнѣнія и вообще былъ неудобенъ для начальника слишкомъ щекотливаго къ соблюденію форменныхъ приличій. Генерала Фрейтага перевели съ Кавказа, о чемъ сожалѣли всѣ и полагали, что такого генерала не слѣдовало выпускать изъ этого края; онъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ дѣйствующей арміи. Это мѣсто, хотя почетное, было не по немъ; ему было бы привычнѣе командовать войсками въ бою; но надо полагать, по бывшимъ слухамъ, что его считали недостаточно знакомымъ съ требованіями фронтовой службы мирнаго времени. Генералъ Фрейтагъ, безъ сомнѣнія, не могъ быть доволенъ, ровняя колышки и линейныхъ унтеръ-офицеровъ на смотрахъ и парадахъ, при чемъ неудовольствій и огорченій могло быть не менѣе, чѣмъ въ самыхъ важныхъ дѣлахъ военнаго времени. Вскорѣ послѣ Венгерской войны онъ умеръ въ Варшавѣ.

Воротившись къ генералу Бушену и передавъ ему приказанія главнокомандующаго, я взялъ съ собою одного офицера и 10 уланъ Ольвіопольскаго полка и поскакалъ съ ними къ сторонѣ Кашау. Селенія, какъ и прежде, были славянскія. Въ мѣстечкѣ Розгоны толпа народа встрѣтила насъ поклонами и привѣтствіями;

насъ окружили, съ любопытствомъ разсматривали каждую мелочь нашего вооруженія и съ готовностью отвѣчали на всѣ вопросы. Венгерцевъ нигдѣ не было до самаго Кашау; но никто еще не зналъ, что дѣлается въ этомъ городѣ въ настоящую минуту. Изъ с. Ольсваръ мы своротили на правую, кратчайшую, дорогу, которую я долженъ былъ осмотрѣть, въѣхали въ лѣсъ, поднялись на гору, спустились съ нея извиистою дорогою на открытую равнину и изъ-за послѣдняго уступа вдругъ увидѣли Кашау; мы находились не далѣе 200 сажень отъ его восточнаго предмѣстья. Дорога оказалась удобною. Я послалъ офицера съ однимъ уланомъ доложить объ этомъ генералу Бушену и указать колоннѣ слѣдованіе по этой дорогѣ, а самъ поѣхалъ далѣе. Мы пристально вглядывались, не стоятъ ли за углами домовъ орудія, не блеснетъ ли гдѣ штыкъ, не покажется ли гдѣ пѣхота или кавалерія;—никого не было видно, ни малѣйшаго признака присутствія не только непріятеля, но и жителей; тихо и пусто. Мы подѣхали къ самому предмѣстью. Въ крайнемъ домѣ, который былъ трактиръ или корчма, отыскали спрятавшагося подъ кроватью какого-то испуганнаго человѣка, говорившаго по-славянски. Я спросилъ его, занятъ ли городъ Венгерцами.

— Ушли, отвѣчалъ онъ.

— Всѣ?

— Не осталось ни одного человѣка.

— Мы возьмемъ тебя съ собою, и если окажется, что ты солгалъ, тебя разстрѣляютъ.

— Клянусь, самъ видѣлъ, какъ ушли изъ города всѣ до одного.

Мы отпустили его. По всѣмъ признакамъ, непріятель дѣйствительно оставилъ Кашау. Мостъ черезъ рѣчку возлѣ города былъ полуразрушенъ; но близъ него находился бродъ, и мы въѣхали въ городъ. Улицы были совершенно пусты. Насъ встрѣтила только одна пьяная женщина, которая ругала Венгерцевъ по-польски. „А, трусы! Собачья кровь! кричала она. — Туда шли—храбрились! Намъ ни-по-чемъ Москали, мы дадимъ себя знать! А теперь бѣжали, какъ бабы!“

— А что, развѣ они бѣгутъ? спросили ее.

— Бѣгутъ, бѣгутъ, отвѣчала она. — Поѣзжайте скорѣе! Догоните!

Я послалъ двухъ уланъ доложить генералу Бушену, что Кашау оставленъ непріателемъ, и поѣхалъ далѣе. Шаги нашихъ лошадей громко звучали по мостовой въ опустѣлыхъ улицахъ, между стѣнами высокихъ трехъ и четырехъ-этажныхъ сплошныхъ домовъ. Всѣ ворота заперты, ставни закрыты; не видно ни одного человѣка. Наконецъ въ верхнихъ этажахъ нѣкоторыхъ домовъ окна полурастворились, и изъ нихъ выглянули робко и съ любопытствомъ женскія головы. Нашъ чинный поѣздъ не имѣлъ ничего враждебнаго; нѣсколько цвѣтовъ упали на насъ съ верху. На главной площади я подѣхалъ къ одному изъ отелей-ресторановъ, которыхъ было здѣсь много; онъ былъ запертъ. Послѣ непродолжительнаго стука, двери отворились. Уланы остались на площади, а я вошелъ въ трактиръ. Всѣ мы не ѣли съ ранняго утра и очень проголодались. Данныя впередъ деньги, золотомъ, подняли прислугу на ноги. Мнѣ подали обѣдъ, показавшійся превосходнымъ; уланамъ вынесли хлѣба, говя-

дины и вина. Пообѣдавъ наскоро, я отправился обратно къ колоннѣ, выслалъ впередъ двухъ уланъ, узналъ, что колонна еще далеко, оставилъ остальныхъ людей возлѣ моста и брода, для указанія войскамъ, и воротился въ Кашау, чтобы докончить свой обѣдъ и получить изъ главнаго штаба приказанія для дальнѣйшихъ движеній. На площади я встрѣтилъ нѣсколькихъ нашихъ офицеровъ и одиночныхъ казаковъ, которые въѣхали съ другихъ сторонъ, отъ правой и средней колоннъ. Всѣ, кто имѣлъ возможность, скакали впередъ, чтобы поскорѣе отдохнуть и пообѣдать въ большомъ городѣ, обѣщавшемъ много удобствъ. Вдали былъ уже слышенъ топотъ кавалеріи авангарда, и вскорѣ показались переднія части. Въ Кашау наши войска были встрѣчены такъ же миролюбиво, какъ и въ Эперіесѣ. Хотя дома и лавки были сначала закрыты, но на проходившія войска бросали изъ оконъ цвѣты, — обыкновеніе, принятое всѣми большими городами Венгріи, какъ робкое и кроткое привѣтствіе побѣдителей, которыхъ молва представляла свирѣпыми и отъ которыхъ ожидали, впрочемъ неосновательно, безчинствъ и грабежа. На другой день лавки открылись и жизнь города пошла обыкновеннымъ порядкомъ.

Получивъ изъ главнаго штаба приказанія, я отправился на встрѣчу колонны за городъ и, въ ожиданіи, расположился съ своими уланами возлѣ дороги на послѣднемъ горномъ уступѣ, возвышавшемся надъ долиною, въ которой лежалъ Кашау. Нѣкоторыя части средней колонны, направленные къ тому же предмѣстью, къ которому подходила и лѣвая колонна, переправлялись уже черезъ рѣчку въ бродъ возлѣ мо-

ста, о которомъ я говорилъ выше. Бродъ былъ довольно глубокой. Хотя саперы срыли крутые спуски къ водѣ и сдѣлали ихъ болѣе удобными, но артиллерія и обозы переправлялись очень медленно. Авангардъ прошелъ за Кашау. Нѣкоторые полки стали бивуакомъ вдоль рѣки, не переходя брода и не вступая въ городъ. Бивуачная дѣятельность закипѣла: устраивали кухни, разводили огни, становили палатки командировъ, везли сѣно вьюками и на повозкахъ изъ окрестностей; солдаты длинною вереницей, какъ муравьи, несли доски, бревна, полѣнья и хворостъ для варки пиши и для костровъ на ночь. Наконецъ стемнѣло. Трудности переправы увеличились; возлѣ брода, на обоихъ берегахъ, развели огни. Вдоль рѣки, на большомъ протяженіи, устроились кухни и зажглись костры. Все пространство, которое глазъ могъ обнять кругомъ Кашау, казалось, загорѣлось пожаромъ. Дымъ подымался безчисленнымъ множествомъ столбовъ и въ темнотѣ, казалось, сливался въ сплошной сводъ, который, какъ упавшія облака, лежалъ надъ массою свѣта. Толпы солдатъ стояли кругомъ костровъ; у болѣе отдаленныхъ люди казались темными движущимися точками, еще далѣе костры мерцали какъ звѣзды на горизонтѣ, иногда почти угасали, потомъ опять вспыхивали.

Дѣлая обходное движеніе по проселочной дорогѣ, третья колонна имѣла довольно длинный путь и пришла къ городу позже средней колонны, двигавшейся по прямому шоссе. Наконецъ въ 9¹/₂ часовъ ночи слышался топотъ копытъ и шумъ движенія; переднія части колонны спустились къ рѣкѣ и остановились,

въ ожиданіи окончаніи переправы прежде прибывшихъ войскъ. Въ это время пошелъ проливной дождь; всѣ промокли до костей. Лѣвая колонна могла начать переправу въ часъ по полуночи, кончила ее къ утру и была направлена за городъ, на путь дальнѣйшаго слѣдованія.

Въ продолженіе этой переправы, начальникъ колонны и весь его штабъ вѣхали въ городъ и вошли въ ближайшій трактиръ, чтобы сколько-нибудь обсушиться и согрѣться. Трактиръ былъ уже наполненъ нашими офицерами всѣхъ чиновъ и корпусовъ. Одни спали на полу, на стульяхъ, диванахъ, столахъ, на постеляхъ хозяина и хозяйки и даже на бильярдѣ, лежа и сидя; другіе, успѣвшіе захватить послѣднія порціи, еще ужинали. Хозяинъ, Нѣмецъ, стоялъ за своимъ прилавкомъ, окруженный множествомъ пустыхъ бутылокъ и стакановъ. Мы, какъ прибывшіе послѣ другихъ, ничего уже не нашли; все было съѣдено и вышито; трактирные погреба и кладовыя были пусты. За все платили звонкою монетою, и трактирщикъ былъ видимо доволенъ. Убѣдительныя просьбы и данныя впередъ деньги заставили его позаботиться и о вновь прибывшихъ. Черезъ нѣсколько времени принесли то-кайскаго вина, потомъ большія кружки горячаго кофе и, наконецъ, котлеты и бифштексъ. Бутылки и порціи ловились на-лету. Одинъ изъ наиболѣе проголодавшихся, въ жару благодарности, неожиданно обнялъ и поцѣловалъ трактирщика. Нѣмецъ испугался и защищался, будто ему угрожала опасность быть самому съѣденнымъ. Нѣкоторые офицеры пробрались въ кухню, гдѣ три кухарки бѣгали и хлопотали у очага;

одни, вѣроятно уже сытые, любезничали съ ними, а другіе съ досадою выговаривали имъ, зачѣмъ они мѣшаютъ готовить кушанье.

На слѣдующій день войска имѣли къ Кашау дневку; всѣ успѣли отдохнуть, обсохнуть, вымыться. Кашау больше и красивѣе Эперіеса. Въ немъ особенно примѣчательна одна католическая церковь, готической архитектуры. Здѣсь, изъ разсказовъ жителей, можно было еще болѣе убѣдиться, что въ корпусѣ Дембинскаго состояло едва ли 25 тысячъ только-что набраннаго, дурно обученнаго и худо вооруженнаго войска. Хозяйка дома, въ которомъ жилъ Дембинскій въ Кашау, рассказывала, что этотъ старикъ горько плакалъ, воротившись въ городъ послѣ стычки у Самоса. Безъ сомнѣнія, онъ убѣдился, какъ ненадежно его войско, состоявшее преимущественно изъ охотниковъ Поляковъ и насильно набранныхъ Славянъ. Жители Кашау, не имѣя никакой надежды на успѣхъ Дембинскаго, просили его не подвергать города напрасному раззоренію и оставить его безъ боя.

Впрочемъ, самъ Дембинскій долженъ былъ считать себя счастливымъ, что выскочилъ изъ горныхъ ущелій цѣлымъ и невредимымъ. Корпусъ его отступалъ быстро на г. Мишкольць и оттуда къ сторонѣ Песта; только небольшая часть, одинъ баталіонъ съ двумя орудіями, пошла на Токай. Выйдя изъ Карпатовъ на равнины Венгріи, населенныя преимущественно Мадырами, корпусъ этотъ какъ бы терялся изъ виду русской арміи. Передъ нами уже не было одной цѣли, сосредоточеннаго непріятеля, преслѣдованіе котораго прекращалось, а лежало мадыарское отечество, гото-

вое, по слухамъ, къ возстанію и народной войнѣ; въ виду былъ уже не одинъ ускользнувшій Дембинскій, а вся Венгрія и ея арміи.

Наша армія выступила изъ Кашау 14 іюня. 4-й пѣхотный корпусъ слѣдовалъ впереди и остановился на ночлегъ на р. Гернади, у с. Гидасъ-Немети. Отъ Гидасъ-Немети армія раздѣлилась: главныя силы пошли по правому шоссе на Мишкольць къ Песту, а 4-й пѣхотный корпусъ—на Токай по лѣвому шоссе, идущему у подошвы горъ, ограничивающихъ долину Гернади съ лѣвой стороны (Протекающая близъ Кашау р. Тарчи впадаетъ въ р. Гернади).

Такимъ образомъ намѣреніе Дембинскаго—остановить или замедлить въ Карпатахъ наступленіе нашей арміи съ своимъ отдѣльнымъ слабымъ корпусомъ—не исполнилось, оказалось невозможнымъ. Странно было даже и надѣяться на это. Отступать подъ прямымъ напоромъ нашимъ, на близкомъ отъ насъ разстояніи, почти лицомъ къ лицу, на такомъ длинномъ пути, который предстоялъ ему, было чрезвычайно опасно и съ его стороны рискованно и самонадѣянно. Быстрое отступленіе, безъ сомнѣнія, разстроило его вновь сформированные полки и имѣло дурное вліяніе на ихъ духъ. При этомъ отступленіи много Славянъ, набранныхъ въ Карпатахъ, пользуясь случаемъ, бѣжало по домамъ, и наши войска часто встрѣчали и ловили ихъ; а еще болѣе ушло въ горы, минуя наши войска и сходя въ стороны отъ пути нашего слѣдованія, что для нихъ было очень легко. До дому было не далеко, и бѣглецы теперь могли смѣло рассчитывать на безнаказанность со стороны венгерскаго революціоннаго правительства.

Это была еще наименьшая изъ невыгодъ, — корпусъ Дембинскаго могъ быть совершенно уничтоженъ и разсѣянъ. Что заставило Венгерцевъ такъ дѣйствовать? — Они не могли разсчитывать на возстаніе въ свою пользу карпатскихъ Славянъ, враждебныхъ Мадьярамъ, или на помощь польскаго населенія Галиціи, самонадѣяннаго, но слабаго числомъ. У нихъ могло существовать противоположное опасеніе, что, съ выводомъ изъ Карпатовъ венгерскихъ войскъ, Славяне могутъ взбунтоваться противъ мадьярскихъ властей и помѣщиковъ, или что Мадьяры, по меньшей мѣрѣ, потеряютъ возможность пользоваться средствами края для войны; но Славяне не взбунтовались при вступленіи русскихъ войскъ. Впрочемъ, при такомъ опасеніи, ничто не мѣшало Дембинскому, оставаясь въ Карпатахъ и формируя свой корпусъ до послѣдней возможности, отступить все-таки заблаговременно, за недѣлю до перехода черезъ границу русскихъ войскъ, и соединиться съ Гѣргеемъ. Дембинскій, несомнѣнно, имѣлъ черезъ Поляковъ Галиціи гораздо вѣрнѣйшія о насъ свѣдѣнія, чѣмъ мы о немъ. Поэтому, теперь можно сказать съ большею основательностью, что для Венгерцевъ было бы выгоднѣе дѣйствовать по плану, предложенному, какъ говорили, Гѣргеемъ, о чемъ я упоминалъ выше, и состоявшему въ томъ, чтобы не отвлекать для Дембинскаго войска изъ другихъ областей Венгріи, а самому Дембинскому соединиться съ Гѣргеемъ и дѣйствовать совокупно противъ Австрійцевъ и находившейся при нихъ русской дивизіи генерала Панютина. Въ соединеніи, они могли съ большею вѣроятностью разбить австрійскую армію до прихода рус-

ской. Въ Венгріи, въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, случалось слышать отъ самихъ Венгерцевъ, что Дембинскій желалъ дѣйствовать отдѣльно и независимо и, какъ старый и, по его убѣжденію, опытный генералъ, не хотѣлъ подчиняться Гѣргею. Говорили, что они были въ личной ссорѣ и что Дембинскій былъ раздраженъ противъ Гѣргея до такой степени, что, будто бы, не могъ его видѣть и избѣгалъ всякой встрѣчи съ нимъ. Гѣргей, прославившійся побѣдами надъ Австрійцами и доказавшій свои военныя достоинства дѣйствительными успѣхами и подвигами, къ тому же чистый Мадьяръ, былъ любимецъ народа и войска; на него возлагали большія надежды. Но, говорили, Кошутъ и его партія опасались Гѣргея и возможности его диктатуры, боялись сосредоточивать въ его рукахъ власть надъ всѣми войсками и потому раздробляли эту власть и одобрили планъ Дембинскаго, который къ тому же свое содѣйствіе обусловливалъ, будто бы, полною своею независимостію.

Въ русскихъ войскахъ можно было услышать сожалѣніе, что Венгерцевъ упустили, и мнѣніе, что съ ними слишкомъ церемонились. Это было очень естественно. Желаніе боя въ русской арміи присуще не однимъ старымъ солдатамъ, полюбившимъ свое ремесло, а всѣмъ рекрутамъ, какъ коренное свойство русскаго народа. Армія вступила въ Венгрію полная силъ, ожидала безпрестанно сраженія, дѣлала большіе, утомительные переходы, увеличиваемые боевыми порядками и обходными движеніями, и все это оказалось бесполезнымъ: непріятель очевидно ушелъ изъ рукъ; досадно;—отъ улетѣвшей птицы въ зубахъ осталось

одно самосское перо. — Я считаю не бесполезнымъ обращать вниманіе на мнѣнія и слухи, ходившіе въ войскахъ. Иногда слухи могли быть ложны, мнѣнія неважныхъ, темныхъ людей, не знавшихъ всѣхъ обстоятельствъ, ошибочны и даже нелѣпы; но иногда въ этихъ слухахъ и мнѣніяхъ массы войска, въ моментъ дѣйствія, заключается лучшая оцѣнка дѣйстви, какъ приговоръ большинства и прямого, здравого смысла. Во всякомъ случаѣ, мнѣніе войска очень важно; имъ нельзя не дорожить; на удовольствіи и неудовольствіи войска основанъ духъ его, степень довѣрія къ начальству и успѣхъ, который не всегда бываетъ такъ легокъ, какъ въ Венгерскую войну.

О военныхъ дѣйствіяхъ можно судить разнообразно. Мы могли предполагать, что находившіеся при русскихъ штабахъ и войскахъ австрійскіе офицеры могли знать хорошо состояніе Венгріи и ея армій; но въ томъ-то и бѣда, что Австрійцы, вездѣ разбитые Венгерцами, смотрѣли на венгерскія войска съ слишкомъ большимъ уваженіемъ и свой взглядъ могли передать начальству русской арміи. — Мы не догнали и упустили Дембинскаго, хотя имѣли много кавалеріи, и это произошло, кажется, отъ того, что преслѣдовали излишне осторожно и медленно. Впереди шли массы пѣхоты и при ней, только для передовой службы, небольшія части кавалеріи. Мы старались вездѣ обходить непріятеля, на что требовалось лишнее время, позволявшее непріятелю уходить. При видѣ издали венгерскаго арріергарда, наши переднія части пѣхоты, въ ожиданіи сраженія, приостанавливались, чтобы дать время стянуться заднимъ частямъ, и строились въ боевой порядокъ, на что

также терялось время. Предположеніе, что Дембинскій съ своимъ ничтожнымъ корпусомъ намѣренъ и можетъ дать генеральное сраженіе всей русской арміи, заставляло упускать изъ виду настоящую цѣль—скорѣе догнать и атаковать его. Разсчитывали атаковать непріятеля въ развернутомъ боевомъ порядкѣ, по возможности всѣми или большими силами арміи, тогда какъ для пораженія его достаточно было одной или двухъ дивизій. Еслибы впереди шли и преслѣдовали болѣе значительныя массы кавалеріи, то ея атаки замедлили бы отступленіе непріятеля и дали бы возможность подойти пѣхотѣ; а такъ какъ непріятель только торопливо отступалъ и, очевидно, вовсе не имѣлъ намѣренія останавливаться, то однѣ атаки кавалеріи могли сильно разстроить его и обратить отступленіе въ бѣгство: преслѣдующій имѣетъ много преимуществъ предъ отступающимъ.

На все это можно отвѣчать, что мы и безъ пролитія крови, безъ сраженій съ Дембинскимъ, окончилъ войну удачно.—Лишняя слава никогда не лишняя. Война возьметъ свои жертвы, и мы заплатили ей дань въ смертности отъ болѣзней въ десять разъ болѣе, чѣмъ сколько могли потерять въ стычкахъ съ Дембинскимъ. Не разъяснивъ въ самомъ началѣ войны и при такомъ удобномъ случаѣ настоящія качества непріятельскаго войска, мы продолжали во всю войну слишкомъ уважать его и должны были по необходимости принимать всѣ тяжелыя военныя предосторожности, оказывавшіяся иногда бесполезными, но имѣвшія вредное вліяніе на здоровье войска, какъ покажутъ послѣдствія. Каждая ранняя побѣда снимаетъ съ плечъ лишнюю тяжесть въ будущемъ.

IV.

Равнина Тейсы.—Славяне и Ма- дьяры.—Токай.

Уровень низшихъ мѣстъ въ долинахъ Галиціи выше уровня равнины р. Тейсы, текущей у южной подошвы Карпатовъ, и потому южная покатость горъ, имѣющая видъ горной страны съ хребтами высокихъ отраслей, отходящихъ къ югу отъ водораздѣльной линіи Карпатовъ, гораздо длиннѣе, чѣмъ сѣверная. Отъ Змигорода до Грабовскаго перевала, гдѣ мѣстность имѣетъ отличный характеръ горной страны, рѣзко возвышающейся надъ равнинами и долинами, лежащими отъ нея къ сѣверу,—только 25 верстъ; отъ того же перевала южная толща горъ до г. Токая имѣетъ около 150 верстъ. До Эперіеса мы шли узкою долиной р. Шекесо; отъ Эперіеса до Гидасъ-Немети горы понижаются, долины рѣкъ Тарчи и потомъ Гернади расширяются, и такъ какъ всѣ горныя рѣки, текущія къ югу, имѣютъ значительную длину и обширные

бассейны, наполняющіе ихъ обильно водою, то долины этихъ рѣкъ какъ бы выглажены сильными разливами, плоски, а подошвы горъ ограничиваютъ ихъ рѣзкими уступами. Ниже Гидасъ-Немети долина Гернади и соединяющейся съ ней р. Саіо становится очень широка, имѣетъ между Токаемъ и г. Мишкольцемъ, лежащими на противоположныхъ краяхъ ея, около 40 верстъ и сливается съ необъятною плоскою равниною лѣваго берега Тейсы, простирающеюся къ югу и западу до Дуная. Спустившись съ горъ на равнины Тейсы, мы вошли въ край южный, теплый, съ великолѣпною растительностію, новый и незнакомый сѣвернымъ жителямъ.

Горы заселены преимущественно Славянами, но менѣе значительныя поселенія ихъ встрѣчаются и на равнинахъ Тейсы между Мадьярами, отдѣльными деревнями, и въ самыхъ мадьярскихъ мѣстечкахъ. Мадьярская орда во время завоеванія ея здѣшнихъ мѣстъ (891 года по Р. Х.) поселилась главною сплошною массой на равнинахъ лѣвой стороны Тейсы, вѣроятно, какъ на луговыхъ мѣстахъ, болѣе удобныхъ для кочевой жизни, и вытѣснила значительную часть прежде жившихъ здѣсь Славянъ. И теперь Мадьяры живутъ на этихъ равнинахъ; но отдѣльныя и значительныя поселенія ихъ заняли болѣе ровныя мѣста и въ Карпатахъ, преимущественно по болѣе широкимъ долинамъ рѣкъ. Мадьяры завладѣли самыми плодородными мѣстами. По статистикѣ, въ Венгріи и Трансильваніи считалось жителей: Мадьяръ, живущихъ только въ Венгріи, 4.500.000 и родственныхъ имъ выходцевъ изъ Азіи, населяющихъ собственно Трансильванію, Секле-

ровъ, потомковъ Печенѣговъ 660.000; Славянъ, живущихъ въ одной только собственно Венгріи, 4.300.000 и въ томъ числѣ: Словаковъ 2.300.000, Русиновъ 400.000, Краинцевъ и Вендовъ 50.000, Броатовъ 700.000, Сербовъ Далматинцевъ 800.000 и Болгаръ 10.000; Нѣмцевъ: живущихъ преимущественно въ городахъ 1.000.000, Саксовъ (нѣмецкое племя), живущихъ въ Трансильваніи, 250.000; Румыновъ (въ Трансильваніи же) болѣе 2.000.000; и въ менѣе значительномъ числѣ Армянъ, Грековъ, Евреевъ и Цыганъ. Надо полагать, что мадьярскіе и нѣмецкіе статистики намѣренно преувеличиваютъ свою и уменьшаютъ численность Славянъ; на мѣстѣ Славянъ, кажется, гораздо болѣе, чѣмъ Мадьяръ, Нѣмцевъ и другихъ взятыхъ вмѣстѣ.

Мадьяры и Секлеры занимаютъ господствующее въ государствѣ положеніе; Нѣмцы, Греки, Армяне и Евреи имѣютъ общіе съ Мадьярами интересы. Низшее положеніе въ обществѣ занимаютъ Славяне, Румыны и Цыгане; они были прежде рабами, вѣрными, и до настоящей революціи 1848 года не имѣли права покупать имѣній и поступать въ гражданскую службу; для полученія этихъ правъ они должны были пріобрѣсти полную венгерскую національность, т. е. даже забыть свой языкъ, что въ сущности осталось и послѣ революціи. Хотя они теперь получили личную свободу, но вся земля, которую они воздѣлываютъ, принадлежитъ Мадьярамъ, прежнимъ помѣщикамъ, и воздѣлывается, какъ работниками, за небольшими исключеніями. Впрочемъ, случалось встрѣчать помѣщиковъ Нѣмцевъ и Поляковъ, водворившихся здѣсь, вѣроятно, покупкою имѣній или родствомъ съ Мадьярами.

Часть Мадьяръ простолюдиновъ живетъ также на помещичьихъ земляхъ, но много и мелкихъ собственниковъ. Большинство Мадьяръ—кальвинисты, но есть католики, православные и уніаты. Въ 20 верстахъ отъ Дебречина, центра мадьярства, я видѣлъ селеніе Бѣконы, жители котораго, Мадьяры, исповѣдывали греческую православную вѣру; священникъ ихъ былъ Славянинъ. Славяне—преимущественно уніаты и католики, но есть и православные.

Нѣкоторыя славянскія села, лежащія на большихъ дорогахъ, по нашимъ понятіямъ, довольно хороши и, по видимому, зажиточны, но большинство, въ горахъ и въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, очень бѣдны; деревянные, покривившіяся, иногда курныя, избы покрыты соломой или сгнившими досками и нѣкоторыя положительно не имѣютъ ни кола, ни двора. Славяне одѣты и ѣдятъ бѣдно; между ними много нищихъ; всѣ они имѣютъ жалкій, забитый видъ и носятъ видимую печать порабощенія. Мадьяры откровенно и надмѣнно говорили: „Мы покорили Славянъ силою оружія и имѣемъ надъ ними право завоеванія. Все, что мы даемъ имъ — наша милость, а не обязанность.“

При видѣ сплошнаго и непріязненнаго Мадьярамъ славянскаго населенія въ Карпатахъ, представлялся вопросъ: отчего австрійское правительство, пользовавшееся всякими средствами, ведущими къ цѣли, не примѣнило къ Венгріи въ настоящихъ событіяхъ свою политику, какую оно приняло въ Галиціи въ 1846 году противъ Поляковъ, т. е. не возмутило карпатскихъ Славянъ.— Оттого, надо полагать, что положеніе Поляковъ въ Галиціи и Мадьяръ въ Венгріи различно; это видно на

мѣстѣ и объясняется исторіей. Поляки проникли въ Галицію, овладѣли въ ней землею и жителями не завоеваніемъ, а добровольнымъ соединеніемъ, супружескими союзами, отдѣльными польскими поселеніями, обращеніемъ высшаго сословія въ католичество и проч.; Галичане никогда не были подавлены нравственно, сохранили чувства человѣческаго достоинства и имѣли въ настоящее время болѣе независимый духъ, возмущавшій ихъ противъ обманнаго завладѣнія страной и готовый всегда разразиться дѣйствіемъ. Венгерскіе Славяне были покорены, разгромлены и подпали подъ тяжелое иго, были унижены и подавлены нравственно. Кромѣ того, Мадыяры живутъ болѣе сплошною массой и менѣе ослаблены расселеніемъ, чѣмъ Поляки, разсѣянные на огромномъ пространствѣ между русскими племенами и съ первыхъ же минутъ возстанія имѣли регулярныя войска. Впрочемъ оба эти племени, Мадыяры и Поляки, одинаково малочисленны, въ чемъ и состоитъ главная причина ихъ дѣйствительной слабости.

Въ Венгріи часто случалось слышать мнѣніе, высказываемое Мадыярами и Нѣмцами, что владычество ихъ очень полезно Славянамъ, народу грубому, невѣжественному и безнравственному. „Мы цивилизуемъ ихъ“, говорили мелкіе австрійскіе и мадыарскіе чиновники, экононы и проч., указывая на Славянъ подводчиковъ и хлѣбопашцевъ, которые ходили понутивъ голову и согнувшись, какъ битыя собаки съ поджатыми хвостами. Нѣкоторые даже нагло хвастали, что Нѣмцы и Мадыяры улучшаютъ славянскую породу, дѣлая рогоносцами бѣдныхъ Русняковъ. Впрочемъ, мнѣніе о благо-

творномъ цивилизующемъ вліяніи Нѣмцевъ и Мадьяръ на Славянъ высказывается печатно въ нѣмецкой и мадьярской литературахъ, и его придерживаются нѣкоторые ученые люди у насъ въ Россіи. Высказываемое на мѣстѣ всякою дрянью, оно кажется не болѣе какъ насмѣшкою надъ бѣдственнымъ положеніемъ Славянъ и новымъ оскорбленіемъ, бросаемымъ имъ въ лицо.— Мадьяры покорили здѣшній край, будучи еще дикимъ кочующимъ народомъ,—нашли Славянъ уже подъ гражданскими законами сильнаго славянскаго государства и несомнѣнно болѣе смягченными, чѣмъ кочующій народъ, какимъ были Мадьяры,—обратили Славянъ въ рабство, отняли у нихъ землю, разбогатѣли на ихъ счетъ, съ помощію богатства и высшаго положенія въ созданномъ ими государствѣ образовались и просвѣтились скорѣе Славянъ, которыхъ оставляли насильственно цѣлое тысячелѣтіе въ ничтожествѣ и невѣжествѣ,—теперь, просвѣтившись, удѣляютъ Славянамъ крохами, какъ милостыню, нѣкоторую долю своего просвѣщенія, дѣлаютъ въ ихъ бытѣ выгодныя для себя улучшенія,—и эту милостыню называютъ распространеніемъ между Славянами благосостоянія и просвѣщенія!—Еслибы Мадьяры не разрушили славянскаго государства, существовавшаго тысячу лѣтъ назадъ на мѣстѣ настоящей Венгріи, то Славяне этого государства были бы теперь, несомнѣнно, просвѣщеннѣе и нравственнѣе Мадьяръ, и играли бы въ Европѣ болѣе значительную роль.

Нѣмцы и Мадьяры укоряютъ Славянъ въ склонности къ воровству, пьянству и во многихъ другихъ порокахъ. Но можетъ ли рабъ, человѣкъ необразованный,

почти полудикій, имѣть хорошую нравственность?— Завоеваніе сбило Славянъ съ толку, унизило нравственно, поставило на особую точку зрѣнія и отняло у нихъ идеаль добродѣтели и чести въ высшемъ отвлеченномъ смыслѣ: видя себя обобранными и униженными насиліемъ и беззаконіемъ, они желаютъ и считаютъ себя въ правѣ возвращать всѣми возможными средствами отнятое у нихъ, а для слабаго человѣка, для раба, выборъ средствъ не великъ; беззаконіе завоеванія и продолжающихся насилій дѣлаетъ въ ихъ глазахъ обманъ и воровство равнокачественными завоеванію и всему тому, что Мадыяры считаютъ для себя законнымъ. У Славянъ нѣтъ поприща для благородныхъ чувствъ и возвышенныхъ стремленій; они не могутъ быть великими патріотами мадыарскаго или нѣмецкаго отечества; ихъ мысли не будутъ направлены для установленія правильныхъ отношеній между людьми на обязанностяхъ справедливости и на взаимныхъ выгодахъ; для нихъ не существуетъ справедливости и не возможны выгоды; имъ нѣтъ выхода изъ опутавшихъ ихъ желѣзныхъ цѣпей; ихъ одушевляетъ одна вражда и подавленная злоба. Исторія племени лишена высокихъ примѣровъ добродѣтели, блестящихъ подвиговъ, великихъ характеровъ; всякое выказанное ими величіе достается въ пользу чужаго, враждебнаго племени и дѣлается не болѣе какъ ошибкою, темною жертвою и кровавымъ трудомъ чернорабочаго. Пороковъ нельзя оправдывать, но Славянъ нельзя не пожалѣть.

Законы пишутся Мадыярами и Нѣмцами. Дѣлаемая Славянамъ уступки имѣютъ опредѣленные границы, размѣры крайней насущной необходимости. Въ настоя-

щую революцію, венгерское республиканское правительство дало Славянамъ личную свободу и равноправность передъ закономъ; но всѣ эти либеральныя конституціи и разныя мѣропріятія, носящія звонкія имена, для Славянъ мертвая буква, не измѣняющая существа дѣла и положенія, созданнаго завоеваніемъ и утвержденнаго тысячу лѣтъ: земля и всѣ государственныя преимущества остались собственностью Мадьяръ; Славянамъ осталась прежняя, еще бо́льшая бѣдность и никакихъ матеріальныхъ средствъ выйти изъ этого положенія, хотя по буквѣ закона пути имъ открыты. Невозможно ожидать, чтобы Мадьяры отреклись вполне отъ своего господствующаго положенія. Никакая республика и самый крайній демократизмъ ихъ не возвратятъ Славянамъ того, чего они желаютъ. Подобное самоотверженіе со стороны Мадьяръ не въ природѣ человека: некому было бы работать, некого было бы обирать, не надъ кѣмъ было бы властвовать. Добровольное удовлетвореніе всѣхъ требованій было бы сверженіе ига мирнымъ путемъ, примѣровъ чему еще не бывало въ прошедшемъ.

Впрочемъ, Мадьяры не имѣютъ притязанія на особое безкорыстіе: средства обирания мягче и приличнѣе, но самое обирание и угнетеніе идутъ прежнимъ порядкомъ. Давъ Славянамъ обманчивую и неосуществимую надѣлѣ равноправность съ собою, Мадьяры отняли у Славянъ право говорить на своемъ языкѣ. До 1836 года въ Венгріи офиціальнымъ языкомъ былъ латинскій, и всѣ образованные люди говорили на немъ, какъ на родномъ языкѣ. Хотя образованіе и латинскій языкъ были доступны только богатымъ сословіямъ, т. е. пре-

имущественно Мадырамъ, но такой законъ, обязательный одинаково какъ для Мадырь, такъ и для другихъ народовъ Венгріи, не оскорблялъ послѣднихъ и не препятствовалъ употреблять въ частной жизни каждому племени свое родное нарѣчіе. Въ 1836 году, по волѣ австрійскаго правительства, мадырскій языкъ получилъ права гражданства и сталъ употребляться самими Мадырами вмѣсто латинскаго языка. Въ 1844 году австрійское правительство издало законъ, по которому употребленіе мадырскаго языка распространялось на всю Венгрію, и знаніе его, какъ языка правительства и законовъ, дѣлалось обязательнымъ для всѣхъ другихъ племенъ. Тогда Мадыры стали принуждать Славянъ принять ихъ языкъ и даже нравы. Эта мадыризація дошла до крайнихъ предѣловъ именно во время либеральныхъ переворотовъ и событій 1848 года, т. е. въ эту революцію Мадыры, отнявъ у Славянъ землю и раззоривъ ихъ окончательно, дали имъ всѣ гражданскія права съ условіемъ, что для пользованія ими они должны прежде принять мадырскій языкъ и сдѣлаться образованными людьми. Все это, вмѣстѣ съ другими дѣйствіями Мадырь для утвержденія своего господства надъ остальными подчиненными племенами Венгріи, вызвало вооруженное возстаніе въ Кроаціи, за что кроатскій банъ самимъ австрійскимъ правительствомъ вначалѣ событій былъ объявленъ измѣнникомъ отечества и лишенъ всѣхъ должностей. Ходъ послѣдующихъ событій вовлекъ австрійское правительство въ борьбу съ Мадырами и вынудилъ его опереться на Славянъ, но Мадыры не отказались отъ стремленій своихъ къ мадыризаціи.

Со-временемъ они можетъ-быть и въ этомъ будутъ дѣ-
лать небольшія, такъ называемыя либеральныя, уступ-
ки. Малая доза такихъ уступокъ Славянамъ могутъ
продлить несчастное положеніе ихъ еще другое тыся-
челѣтіе.

У здѣшнихъ Славянъ, кромѣ православнаго духо-
венства и незначительнаго числа лицъ занимающихся
торговлею, нѣтъ своего богатаго высшаго сословія, ко-
торое вездѣ, какое бы ни было внутреннее устройство
государства, вырабатываетъ высшее развитіе, нрав-
ственное достоинство и совершенствованіе всего народа;
старинная славянская аристократія давно онѣмчилась
и омадьярилась. Еслибы высшее сословіе Венгріи было
славянское, то соприкосновеніе и связь между нимъ и
простолюдинами были бы тѣснѣе, а полезныя уступки
вѣроятнѣе, такъ какъ такое сословіе опирается не на
свою самобытную, отдѣльную силу, какъ силу особаго
племени, а на массу своего же народа, безъ поддержки
котораго оно ничтожно, — и не имѣло бы такого пре-
зрѣнія къ низшему сословію, какое имѣютъ болѣе раз-
витыя племена къ племенамъ менѣе развитымъ; пле-
менное презрѣніе сильнѣе сословнаго. Повидимому, для
Славянъ есть и теперь пути выходить изъ толпы —
это государственная служба, которая вообще вездѣ рас-
ширяетъ для человѣка умственную сферу, образуетъ
привычки порядка и уваженія къ законамъ и болѣе
всѣхъ другихъ средствъ создаетъ высшее сословіе на
новомъ современномъ государственномъ основаніи. Но
чтобы сдѣлаться чиновникомъ или офицеромъ, не го-
воря уже о языкѣ, надо быть образованнымъ, а обра-
зованіе для Славянъ трудно достижимо. Даже при нѣ-

которомъ образованіи они встрѣтятъ въ государственной службѣ сильное соперничество, кромѣ Мадырь и Нѣмцевъ, въ пришлецахъ со всѣхъ сторонъ западной Европы, охотно принимаемыхъ, покровительствуемыхъ и получающихъ преимущества передъ Славянами; да и вообще это средство невозможно и даже вредно: всѣ Славяне или большинство ихъ не могутъ сдѣлаться государственными чиновниками; лучшія личности, выдѣляющіяся изъ толпы, измѣняющія своей народности и тѣмъ улучшающія свое положеніе, дѣлаются чужими, даже враждебными своему народу, увеличивая численность и силу непріязненнаго племени; во всякомъ случаѣ, число ихъ не велико: огромное большинство, весь простой народъ, остается въ прежней бѣдности и униженіи.

Положеніе здѣшнихъ Славянъ представляется безнадежнымъ. Если даже допустить, что, съ политическимъ паденіемъ Мадырь, мирныя уступки Славянамъ будутъ доведены до крайнихъ предѣловъ, если австрійское правительство и сами Мадыры заговорятъ по-славянски и славянскій языкъ сдѣлается языкомъ законовъ, то, надо полагать, положеніе Славянъ улучшится не многимъ. По самому мирному характеру сдѣлки, утверждающей существующій порядокъ вещей, созданный завоеваніемъ, и не допускающей кореннаго измѣненія въ матеріальномъ бытѣ Славянъ, высшее сословіе будетъ прежнее и сближеніе съ нимъ, возвышеніе низшаго сословія невозможное, или очень трудное. Славянскія земли будутъ по-прежнему открыты мирному вторженію европейцевъ, которые болѣе образованны и гражданственны, чѣмъ Славяне; высшее со-

словіе, корень котораго останется мадьярскій, будетъ, какъ теперь, пополняться пришлецами изъ западной Европы. Такіе, болѣе бѣдные, переселенцы въ Сѣверной Америкѣ входятъ въ разрядъ чернорабочихъ; здѣсь, въ славянскихъ земляхъ, они примыкаютъ преимущественно къ высшему сословію и мало-по-малу сливаются съ нимъ. Наплывъ западныхъ европейцевъ опасенъ для здѣшнихъ Славянъ потому еще, что эти Славяне сравнительно малочисленны, а постоянно увеличивающееся народонаселеніе западной Европы можетъ дать огромное число переселенцевъ, которые вмѣстѣ съ Мадьярами даже ославянятся, примутъ славянскія имена и языкъ, — только бы остаться у Славянъ на шеѣ; отъ этого послѣднимъ не будетъ легче. Самое убѣжденіе въ пользѣ образованія и отдаваемые образованнымъ людямъ преимущества будутъ для западныхъ пришлецовъ не болѣе какъ привилегіей и постояннымъ средствомъ овладѣвать высшимъ положеніемъ въ славянскомъ обществѣ. Смѣшенія расъ не будетъ. Неистощимый наплывъ европейцевъ будетъ по-прежнему ложиться сверху западныхъ Славянъ иноплеменнымъ слоемъ, который будетъ постоянно нарастать, становиться непроницаемѣе, удерживать Славянъ въ положеніи низшаго сословія, оттѣснять ихъ на низшую ступень въ обществѣ, въ разрядъ батраковъ, хлѣбопашцевъ, слугъ, чернорабочихъ и проч., держать въ бѣдности, невѣжествѣ и нравственномъ ничтожествѣ и сохранить бѣдственное, унижительное положеніе ихъ на долгія времена.

Можетъ быть, все это неизбѣжно и даже полезно въ жизни и отношеніяхъ народовъ, и западные Сла-

вяне, какъ нѣкоторыя другія незначительныя племена, предназначены судьбой оставаться въ своемъ настоящемъ положеніи, чтобы питать и усиливать собою другія болѣе развитыя племена западной Европы. Въ такомъ случаѣ, совершенствованіе ихъ будетъ идти мирнымъ путемъ очень медленно, — будущность невѣрная, потому что есть народы или вѣрнѣе большинство ихъ, т. е. простой народъ, которые постоянно застигались въ ихъ подчиненномъ положеніи подъ чужою властію новыми событіями и новыми племенами и удерживаются въ этомъ положеніи вѣчно; они не внесли ни одной лепты въ сокровищницу совершенствованія человѣческаго рода и можетъ-быть исчезнуть безслѣдно.

Забитая, заплѣсневѣлая масса западныхъ Славянъ вѣроятно будетъ удовольствоваться небольшими уступками, облегченіями и улучшеніями въ своемъ положеніи. Но среди ихъ есть люди, высшіе умомъ и духомъ, избранныя личности народа, которые думаютъ иначе. Они знаютъ, что Славяне имѣютъ свои историческія преданія и свою давнюю славу, что они и теперь сильны своимъ числомъ и что ихъ бѣдственное положеніе создано завоеваніемъ по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, и которые, естественно, одушевлены народнымъ честолюбіемъ и высшими стремленіями къ благу и значенію своего племени. Они вѣруютъ и надѣются, что горькая судьба Славянъ по законамъ высшаго правосудія должна измѣниться, и что завоеваніе не можетъ быть непрерывнымъ приговоромъ. Они чувствуютъ и сознаютъ, что только государственная самобытность можетъ дать народу полное благо-

состояніе, историческую роль, достойное положеніе въ семьѣ народовъ на поприщѣ искусствъ, наукъ и нравственности, и что для западныхъ Славянъ нужны особенность и самостоятельная, независимая сила, которая сдѣлала бы ихъ хозяевами въ своемъ домѣ и охраняла бы ревниво отъ разнообразнаго господствующаго вторженія западныхъ европейцевъ. Народное честолюбіе— великій двигатель. Всѣ народы чтутъ память, считаютъ великими тѣхъ людей, которые вывели ихъ изъ рабскаго положенія, создали самобытность ихъ. У всѣхъ передъ глазами Сербія, которая создала свою государственность, въ недавнее время, силою, почерпнутою въ массѣ народа, и теперь обгоняетъ другія западныя славянскія племена.

Безъ сомнѣнія, Мадыяры будутъ всегда горячими сторонниками теорій вѣчнаго мира и спокойнаго совершенствованія народовъ, потому что этотъ вѣчный миръ обѣщаетъ имъ вѣчное господство надъ Славянами и всегдашнее пользованіе тѣми благами, которыми они наслаждались до сихъ поръ. Но если права завоеванія крѣпки и священны, то и желанія покоренныхъ свергнуть съ себя иго достойны снисхожденія и даже уваженія.

Послѣ пройденной нами горной страны, населенной Славянами, мадыарскія поселенія на равнинахъ Тейсы приводили насъ въ удивленіе своимъ необыкновеннымъ богатствомъ. Поля засѣяны лучшими сортами хлѣба и овощами и отличались невиданнымъ нами плодородіемъ. Всѣ покатости прилежащихъ къ равнинѣ горъ покрыты виноградниками, которые впрочемъ встрѣчаются и на равнинѣ. У подошвы горъ устроены

винные погреба на близкомъ другъ отъ друга разстояніи; въ погребахъ—тысячи бочекъ стараго и молодого вина. Скота и домашней птицы безчисленные стада. Мадьярскія деревни и села, можно сказать, великолѣпны, лучше каждаго нашего уѣзднаго города и очень многолюдны; нѣкоторыя имѣютъ до одной, двухъ и трехъ тысячъ домовъ; самое большое селеніе въ Европѣ считается венгерское—Чака, въ которомъ 20.000 жителей. Во всѣхъ селеніяхъ улицы вымощены; дома просторны, особенно винодѣловъ, большіе, каменные, преимущественно одноэтажные, въ четыре, пять и болѣе комнатъ, и убраны внутри, сравнительно, богато. Обыкновенно, въ сѣняхъ, по срединѣ дома, устроенъ очагъ; по стѣнамъ этихъ сѣней-кухни, на полкахъ, стоитъ множество мѣдной и глиняной посуды, свидѣтельствующей о богатствѣ обѣда и значительномъ развитіи повареннаго искусства. Для каждаго женатаго члена семейства есть особая комната, а для всѣхъ остальныхъ, для каждаго, въ томъ числѣ и дѣтей, особая кровать, на которыхъ лежатъ, едва не до потолка, главная роскошь Мадьяръ, пуховыя перины и подушки, покрытыя чистымъ бѣльемъ и ситцевыми или шерстяными и даже шелковыми одѣялами. Въ нѣкоторыхъ домахъ—мягкая, на пружинахъ, мебель; встрѣчаются даже часто фортепіано. Мадьяры ѣдятъ сыто; хлѣбъ—пшеничный; мяса много; обѣдъ состоитъ изъ нѣсколькихъ кушаньевъ. Бѣдныхъ не видно; нищихъ не встрѣчалось. Въ садахъ—всевозможныя фруктовыя деревья; въ чистыхъ палисадникахъ—цвѣтники. Часто случалось слышать слова нашихъ солдатъ и офицеровъ: „Вотъ гдѣ земной рай! Вотъ гдѣ жить хорошо!“

Все было здѣсь для насъ ново. До с. Гидасъ-Немети въ Карпатахъ всѣ Мадьяры, которыхъ случалось встрѣчать въ славянскихъ селахъ, принадлежали къ высшему сословію, — помѣщики, арендаторы, управляющіе, чиновники и другіе, и были одѣты въ обще-европейское платье — пальто и сюртуки. Въ городахъ и селеніяхъ, Мадьяры, принадлежащіе къ менѣе зажиточному, среднему сословію, домовладѣльцы, винодѣлы и др., хотя имѣютъ особое одѣяніе, состоящее изъ темно-синихъ куртки и узкихъ панталонъ, вышитыхъ спереди черными шнурами, и высокихъ кавалерійскихъ сапоговъ, — зародышъ гусарскаго мундира, — но оно не бросалось въ глаза рѣзкою особенностью. Въ Гидасъ-Немети и занимъ далѣе большинство жителей, простые хлѣбопашцы и скотоводы, сохранили свое первобытное одѣяніе, напоминавшее Азію и состоящее изъ короткой бѣлой полотняной рубашки, доходящей только до поясицы, такъ что видны голая спина и брюхо, холщевыхъ необыкновенно широкихъ шароваръ, похожихъ для непривычнаго глаза на широкую женскую юбку, и азіатской длинной мохнатой черной или бѣлой бурки, которая почти никогда не сходитъ съ плечъ. Всѣ чистокровные Мадьяры бѣлокуры. Венгерскіе воны очень крупной породы и съ необыкновенно длинными рогами; у козловъ рога витые, въ видѣ штопора; у необыкновенно жирныхъ свиней — рѣдкая курчавая шерсть вмѣсто щетины; наконецъ ослы, которыхъ большинство нашихъ солдатъ никогда не видывало.

Во время войны нельзя было ознакомиться ближе и подробнѣе съ положеніемъ Венгріи; но таковы общія

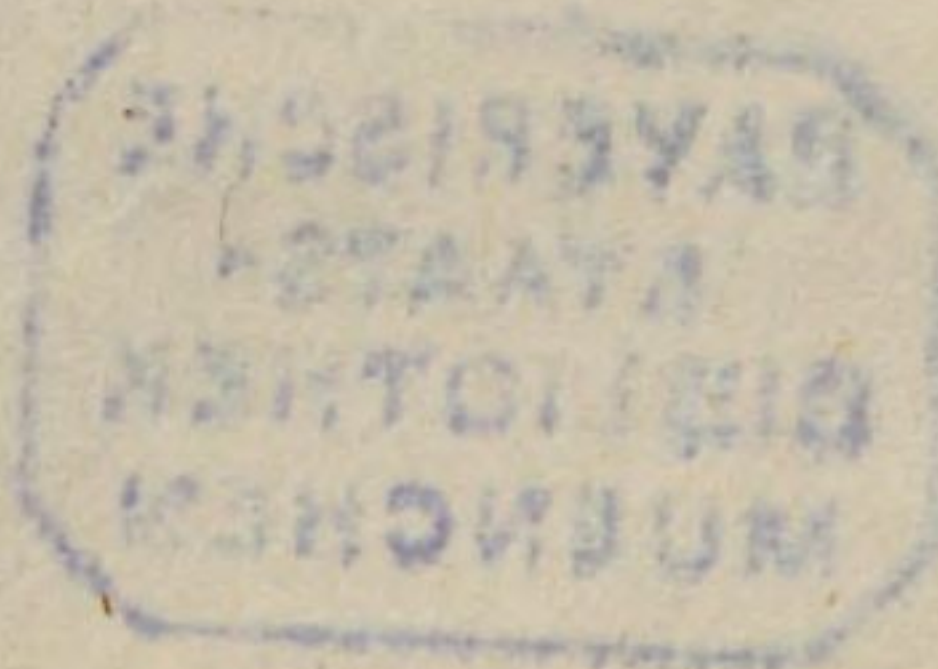

впечатлѣнія, производимыя страной и отношеніями Славянъ, Мадьяръ и Нѣмцевъ.

При проходѣ нашихъ войскъ черезъ мадьярскія селенія, мужское населеніе стояло на улицахъ и смотрѣло на насъ молча и мрачно. Суровая наружность Мадьяръ съ перваго раза внушала мысль, что они склонны къ непримиримой враждѣ и сохранили прежнія свирѣпыя привычки, прославившія ихъ въ средніе вѣка, когда они дѣлали опустошительные набѣги на Европу, составившіе имъ репутацію воинственнаго народа. Предсказанія о народной войнѣ приходили на память. Но до самаго Токаю мы прошли спокойно. Мадьяры не выказывали никакой непріязни, встрѣчали насъ въ своихъ домахъ, въ кругу своего семейства, радушно и гостепріимно. Ближайшее знакомство съ ними выказывало въ нихъ, вообще, доброту и кротость; въ самомъ голосѣ слышится необыкновенная мягкость. — Въ этой роскошной жаркой природѣ, надѣленной всѣми дарами для спокойной и счастливой жизни, должны были забыться и исчезнуть всякія свирѣпыя привычки къ новому посягательству на чужое, и въ человѣкѣ могло остаться только желаніе жить и наслаждаться тѣмъ, что у него уже есть. Репутація воинственности сохранилась изъ преданій. Теперь Мадьяры могли быть только мирными жителями, чѣмъ они дѣйствительно и были.

Главнокомандующій направилъ 4-й пѣхотный корпусъ къ Токаю, чтобъ овладѣть находящимся тамъ мостомъ, а если мостъ окажется разрушеннымъ, то вновь устроить переправу и обезопасить ее предмостными укрѣпленіями, въ виду того, что, владѣя Токаемъ, мы вла-

дѣли обоими берегами Тейсы и тѣмъ пунктомъ, откуда непріятель могъ дѣйствовать изъ центральныхъ провинцій Венгріи на сообщенія нашей арміи, точно также какъ и мы сами, въ случаѣ надобности, могли переходить за рѣку для дѣйствій противъ Венгерцевъ. Кромѣ того, корпусъ долженъ былъ собрать въ Токаѣ и окрестностяхъ какъ можно болѣе продовольственныхъ запасовъ для себя и для главныхъ силъ арміи, платя за нихъ звонкою монетою по таксѣ, утвержденной главнокомандующимъ.

При движеніи къ Токаю въ 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ состояло: 4-я легкая кавалерійская дивизія съ артиллеріею, Донскіе казачьи №№ 41 и 51 полки съ Донскою конно-артиллерійскою резервною № 6 батареею, двѣ роты 2-го сапернаго баталіона, 4-й стрѣлковый баталіонъ, бригада 11-й пѣхотной дивизіи и 12-я пѣхотная дивизія съ ихъ артиллеріею, всего $25\frac{1}{2}$ баталіоновъ, 22 эскадрона, 98 орудій, съ казаками—27.100 человекъ. Въ Токаѣ къ корпусу присоединился еще одинъ полкъ 11-й пѣхотной дивизіи, находившійся въ 4-й колоннѣ, шедшей на Токай боковою дорогою,—такъ что въ корпусѣ было всего нѣсколько болѣе 30-ти тысячъ человекъ. Въ такомъ составѣ корпусъ оставался во все продолженіе войны. Посылая корпусъ для отдѣльныхъ дѣйствій, главнокомандующій командировалъ къ нему походнаго атамана Донскихъ полковъ арміи, генералъ-лейтенанта Кузнецова, для начальствованія корпуснымъ авангардомъ, и генералъ-лейтенанта графа Симонича, о которомъ князь Паскевичъ писалъ генералу Чеодаеву: „Въ военномъ дѣлѣ совѣтуйтесь съ нимъ; онъ дурнаго не посоветуетъ, ибо мало кто знаетъ

войну такъ, какъ онъ; я увѣрился въ этомъ въ пяти кампаніяхъ, которыя онъ со мною дѣлалъ.“ Такое назначеніе раздвояло, если не уничтожало, власть и отвѣтственность корпуснаго командира собственно въ военныхъ дѣйствіяхъ.

15-го іюня корпусъ перешелъ въ большое мѣстечко Шанто, гдѣ начинается уже широкій округъ окрестностей Токая, дающихъ знаменитыя вина, извѣстныя подъ именемъ токайскихъ. Жители Шанто увѣряютъ, что вина ихъ нисколько не уступаютъ выдѣлываемымъ въ самомъ Токаѣ. Хозяинъ дома, въ которомъ была занята для меня квартира, принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые ходятъ въ синихъ курткахъ, вышитыхъ шнурками. Онъ принялъ меня какъ гостя, отдѣлилъ мнѣ лучшую комнату, не позволилъ моимъ людямъ готовить обѣда, объяснивъ знаками, что все уже готово, и дѣйствительно угостилъ меня и моихъ людей сытымъ обѣдомъ и превосходнымъ виномъ собственнаго приготовленія и изъ собственныхъ погребовъ. Предложенныя ему въ уплату деньги онъ не хотѣлъ взять. Онъ показалъ мнѣ свой безконечный погребъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ подземныхъ галлерей, наполненныхъ огромнымъ количествомъ бочекъ разныхъ лѣтъ и цѣнъ. Винодѣліе и эти большіе запасы вина составляютъ главное богатство Мадьяръ, живущихъ близъ горъ. Было нѣсколько случаевъ, что наши солдаты забирались въ эти погреба, разбивали бочки и напивались мертвецки пьяны; но противъ этого приняли строгія мѣры. Въ другихъ домахъ и вообще на всѣхъ ночлегахъ нашихъ офицеровъ принимали также радушно. Все шло спокойно и дружелюбно. Только дрова были

постоянно причиною неудовольствій и иногда небольшихъ безпорядковъ. По приходѣ на ночлегъ, отъ войскъ тотчасъ наряжали команды, которыя брали дрова поскорѣе, по близости, и у нѣкоторыхъ хозяевъ забирали весь запасъ, а у другихъ, болѣе отдаленныхъ, ни одного полѣна. Обиженные Мадьяры все сносили терпѣливо; они только подходили къ офицеру, кланялись, протягивали къ ногамъ его шляпы и жалобно просили о чемъ-то. Ихъ не понимали, да и было уже поздно, — дрова пылали подъ котлами.

Противъ м. Мадъ горныя отрасли Карпатовъ, идущія съ правой стороны широкой долины р. Гернади, оканчиваются; послѣдніе уступы ихъ лежатъ подъ прямымъ угломъ къ отрасли, идущей по лѣвой сторонѣ Гернади. Отъ подошвы этихъ уступовъ начинается плоская равнина Тейсы. На правой сторонѣ этой рѣки равнина желтѣла хлѣбными полями, между которыми разбросано множество селеній, хуторовъ и отдѣльных домовъ, а потомъ, за Тейсою, разстилалась, какъ безпредѣльное синее море, неопредѣленные края котораго сливались съ горизонтомъ. Шоссе, по которому слѣдовалъ 4-й корпусъ, идетъ у подошвы лѣвыхъ отраслей, простирающихся, какъ выше сказано, до Токая.

На всемъ пути отъ Кашау до Токая, мы находили многіе отдѣльно стоявшіе дома при виноградникахъ, корчмы и трактиры — раззоренными и ограбленными; окна были выбиты, мебель поломана, посуда разбита; выкаченные изъ погребовъ бочки вина были пусты или разбиты. Русскіе только-что приходили и ихъ нельзя было заподозрить въ этихъ безпорядкахъ. По объясненію жителей, здѣсь происходили еще прежде воен-

ныя дѣйствія между австрійскими и венгерскими войсками; дома были раззорены ими. Говорили, что не только австрійскія, но и венгерскія войска вездѣ грабили и неистовствовали и стоили, особенно послѣднія, каждому селенію болѣе, чѣмъ русскія войска, потому что, кромѣ дѣлаемыхъ ими безпорядковъ, Венгерцевъ надо было еще кормить и поить. Республиканская армія была наполнена сбродомъ изъ всѣхъ націй, пришлецами со всѣхъ концовъ Европы, искавшими средствъ существованія и поживы. Даже разноплеменные солдаты изъ уроженцевъ Венгріи не очень щадили свое отечество: Мадьяры равнодушно грабили селенія Славянъ, а Славяне — селенія Мадьяръ. Изобиліе и дешевизна вина разжигали еще болѣе буйство гулякъ; война велась въ пьяномъ видѣ; богатство Венгріи составляло бѣду ея. Грабежи происходили и въ селеніяхъ, но здѣсь слѣды ихъ не были такъ замѣтны и скоро исправлялись. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ русскіе отсталые, бродяги, которые бывають во всѣхъ арміяхъ, доканчивали раззореніе.

Казачій разъѣздъ, посланный отъ авангарда 4-го пѣхотнаго корпуса изъ м. Талии, встрѣтилъ и захватилъ четырехъ венгерскихъ гусаръ, выѣхавшихъ изъ Токая для разузнанія, не идутъ ли русскія войска къ этому городу. Отъ этихъ гусаръ и отъ другихъ людей узнали, что въ Токаѣ прежде находилось 350 человекъ рекрутъ и недавно прибыло отъ корпуса Дембинскаго нѣсколько сотъ пѣхоты при двухъ орудіяхъ, что мостъ на Тейсѣ разобранъ и что жители хотятъ защищаться.

16 іюня корпусъ выступилъ къ Токаю. Городъ этотъ

менѣе Эперіеса и Кашау, лежитъ на правомъ берегу Тейсы и тянется почти одною улицей въ узкомъ пространствѣ между рѣкою и высокою горой, послѣднимъ уступомъ Карпатовъ. Эта гора покрыта съ низу до верху виноградниками и на ней растетъ виноградъ, изъ котораго выдѣлывается самое дорогое сладкое токайское вино. Отъ главной улицы отдѣляется нѣсколько короткихъ переулковъ, выходящихъ на рѣку. Отъ м. Мадъ къ городу ведутъ двѣ дороги: правая, не шоссированная и кратчайшая, на м. Тарчаль, къ западному кварталу, и лѣвая, шоссе, на м. Бодрогъ-Керештуръ, къ восточному кварталу города. Авангардъ и за нимъ весь корпусъ слѣдовали по правой дорогѣ на Тарчаль, а по лѣвой начальникъ авангарда, генералъ Кузнецовъ, послалъ одну Донскую сотню. Слѣдовавшія на Тарчаль впереди авангарда двѣ сотни казаковъ встрѣтили за этимъ мѣстечкомъ брошенное укрѣпленіе, которое прямою линіей перерѣзывало узкое пространство между горами и болотистою р. Гомони, впадающею въ Тейсу въ трехъ верстахъ ниже Токая, и приблизились къ городу. Толпа народа стояла въ полѣ у предмѣстій и единогласно показала, что непріятель оставилъ городъ, уничтожилъ мостъ и, въ числѣ 600 человекъ съ двумя орудіями, занялъ укрѣпленную позицію на лѣвомъ берегу Тейсы. Казаки вошли въ городъ. Улицы были пусты; дома повидимому тоже. Только-что казаки выѣхали на перекрестокъ, откуда отходилъ вправо переулокъ, упиравшійся въ рѣку и открытый выстрѣламъ съ противоположнаго берега, какъ Венгерцы, расположившіеся на томъ берегу, открыли огонь изъ орудій, ядрами, и первыми выстрѣлами

убили у насъ нѣсколько людей и лошадей. Казаки, шедшіе впереди, проскакали во весь опоръ черезъ открытое выстрѣламъ пространство, задніе отошли назадъ и всѣ стали за домами продольной рѣкѣ улицы, гдѣ были внѣ опасности. Сотня, посланная на Керештуръ, въѣхавъ въ городъ, была встрѣчена выстрѣлами изъ оконъ, отступила и возвратилась къ авангарду. О происшествіи дали знать начальнику авангарда; онъ остановилъ кавалерійскую бригаду и два Донскихъ полка на равнинѣ возлѣ Токая и двинулъ въ городъ Одесскій егерскій полкъ, конно-легкую № 7 батарею и два орудія Донской № 6 батареи. При слѣдованіи нашихъ войскъ по улицѣ, изъ оконъ нѣкоторыхъ домовъ начали въ нихъ стрѣлять. Подъ этими выстрѣлами и подъ артиллерійскимъ огнемъ съ противоположнаго берега наша артиллерія проскакала улицу, снялась съ передковъ на самомъ берегу Тейсы противъ венгерскаго отряда, расположеннаго за рѣкою и открыла также огонь. Ближайшіе къ артиллеріи дома были заняты стрѣлками Одесскаго егерскаго полка, вооруженными штуцерами и крѣпостными ружьями. Два непріятельскихъ орудія стояли за небольшимъ полевымъ укрѣпленіемъ, а пѣхота позади, въ значительномъ отъ нихъ разстояніи. Венгерцы стрѣляли неудачно. Хотя каждое ядро ихъ взрывало землю возлѣ нашихъ орудій или отбивало углы ближайшихъ домовъ, осколки которыхъ летѣли кругомъ нашихъ артиллеристовъ, но нанесли намъ не много вреда. Съ нашей стороны войска прибывали, и къ восьми дѣйствовавшимъ орудіямъ присоединились еще два. Послѣ часовой перестрѣлки, непріятель отступилъ и скрылся изъ виду,

къ чему, вѣроятно, понудили его дѣлаемые нами попытки и приготовленія къ переправѣ черезъ Тейсу. Донскаго № 51 полка майоръ Губкинъ хотѣлъ было переплыть рѣку съ своею сотней, но берега оказались вязкими до такой степени, что не было никакой возможности спуститься въ воду на лошадяхъ. Въ самомъ городѣ нашли нѣсколько лодокъ. Тотчасъ, по отступленіи Венгерцевъ, нѣсколько казаковъ сотни Губкина, раздѣвшись и вооружась однѣми шашками, переплыли рѣку; на противоположномъ берегу нашли лодку и плотъ отъ разведеннаго моста и пригнали ихъ къ берегу, занятому нами. На лодкахъ и на плотѣ переправили на лѣвый берегъ часть пѣхоты и тотчасъ приступили къ устройству моста. — Венгерцы оставили въ укрѣпленіи четырехъ человѣкъ убитыхъ, и кромѣ того, по показанію жителей с. Ракомаза, находящагося на лѣвой сторонѣ Тейсы, въ двухъ верстахъ отъ Тока, схоронили нѣсколько убитыхъ во время отступленія, оставили въ с. Ракомазѣ 10 человѣкъ тяжело раненыхъ и около 30 раненыхъ увезли съ собою. У насъ убито двое и ранено пять человѣкъ и убито нѣсколько лошадей. Непріятель оставилъ намъ въ Ракомазѣ много овса, соли и воловъ.

Но, въ продолженіе этой незначительной перестрѣлки съ венгерскими регулярными войсками, въ самомъ Токаѣ произошло дѣло болѣе важное. При первыхъ выстрѣлахъ изъ оконъ, солдаты, естественно, бросились къ домамъ, изъ которыхъ стрѣляли, выломали двери и ворота, разбросали небольшія баррикады, устроенныя въ сѣняхъ и воротахъ, и ворвались внутрь домовъ. Нѣкоторыхъ жителей и въ томъ числѣ одну женщину

захватили съ ружьями, еще дымившимися отъ выстрѣловъ;— всѣ они погибли; расправа была быстрая и задушила народную войну, если она была возможна, въ самомъ началѣ. Въ русскомъ войскѣ существовало ожиданіе народной войны; опасенія должны были неизбѣжно вызвать въ солдатахъ, при первомъ случаѣ, мгновенное противодѣйствіе, какъ необходимую мѣру, безъ всякаго особаго приказанія, по увлеченію. Участіе, принимаемое мирными жителями въ войнѣ, кажется коварствомъ и возбуждаетъ въ солдатахъ ожесточеніе. Въ подобныхъ случаяхъ мщеніе падаетъ не на однихъ людей, но и на имущество ихъ. Весь западный конецъ Токая, занятый нашими войсками во время артиллерійской перестрѣлки съ Венгерцами, былъ раззоренъ и разграбленъ. Къ счастью, непріятельскій отрядъ скоро ушелъ, выстрѣлы прекратились, и наше начальство могло тотчасъ принять мѣры, чтобъ истребленіе и грабежъ не распространились на остальные кварталы города, что вообще въ подобныхъ случаяхъ бываетъ очень трудно. Войска были выведены изъ Токая, и 4-й пѣхотный корпусъ, прибывшій весь къ тремъ часамъ по полудни, былъ расположенъ бивуакомъ на правомъ берегу Тейсы, ниже города, примыкая къ нему лѣвымъ флангомъ.

Извѣстная боязнь Русскихъ показаться варварами передъ Европой заставляла насъ скрывать грабежъ Токая. Но я говорю о немъ откровенно, убѣжденный, что такая мѣра была необходима, полезна и справедлива: не стоять же русскимъ войскамъ, не принимая никакихъ мѣръ обороны, подъ выстрѣлами мирныхъ гражданъ изъ уваженія къ европейскому мнѣнію. Ев-

ропейскіе солдаты грабили Россію гораздо болѣе, чѣмъ мы Европу, — примѣръ 1812 годъ, — и грабили безоружныхъ жителей, вначалѣ вовсе не защищавшихся. Токай заслуживалъ болѣе жестокаго наказанія. Надо полагать, что данный ему урокъ не остался безполе-зенъ: послѣ этого, кромѣ незначительныхъ случаевъ съ одиночными людьми, жители нигдѣ не принимали открытаго участія въ войнѣ, — что могло пойти иначе при слабыхъ съ нашей стороны мѣрахъ.

Здѣсь я убѣдился, что выраженіе „разграбить въ пухъ и прахъ“ не есть красное слово, а вѣрное и буквально-точное выраженіе дѣйствительности. Во всѣхъ разграбленныхъ домахъ на полу лежалъ слой пуху и праху около аршина толщиною, — пуху изъ распоротыхъ перинъ и подушекъ, а праху отъ разбитыхъ посуды, зеркалъ, люстръ, мебели, оконъ, изломанныхъ печей и проч. и проч.; ни одна вещь не осталась цѣлою; все было разбито въ дребезги, изломано въ мелкіе куски; не щадили вещей, имѣвшихъ цѣнность; ничего не брали, а все разрушали; въ этомъ видно болѣе негодованія и мщенія, чѣмъ корысти.

Когда все успокоилось и установилось, я занялъ для себя ближайшій къ войску домъ на самой оконечности города. Домъ этотъ былъ также разграбленъ. Хозяйка сидѣла на дворѣ и горько плакала; хозяинъ стоялъ не далеко отъ нея неподвижно, повѣсивъ голову, опустивъ руки, и, казалось, ничего не замѣчалъ, что происходило кругомъ его. Я спросилъ, можно ли у нихъ остано-виться; хозяйка молча указала на выломанную дверь и разбитыя окна. Мы сами очистили сѣни и одну ком-нату, вынесли изломанные вещи, вымели пухъ и прахъ,

начали становить самоваръ и готовить обѣдъ. Въ домѣ не осталось никакихъ съѣстныхъ припасовъ; только два или три испуганныхъ цыпленка бѣгали по двору и искали свою мать. На всѣ вопросы, съ которыми обращались къ хозяевамъ, получался одинъ знакомый всѣмъ намъ отрицательный отвѣтъ: „Нѣмъ туду.“ Я далъ имъ денегъ, объяснивъ кое-какъ, чего намъ нужно; потомъ ихъ накормили нашимъ хлѣбомъ и обѣдомъ; они понемногу успокоились, стали намъ прислуживать и купили намъ въ этотъ же вечеръ на данныя имъ деньги провизіи и вина, которыхъ въ первое время было очень трудно отыскать;—жители спрятались; лавки были заперты. Мои хозяева, какъ и другіе обыватели Токая, были люди добрые и смирные, не имѣвшіе никакого желанія воевать съ нами. Мы узнали, что защищать городъ и стрѣлять изъ оконъ затѣяли посторонніе, прибывшіе сюда революціонеры, желавшіе народной войны; но такъ какъ большинство жителей имѣло болѣе спокойный и вѣрный взглядъ на положеніе дѣлъ, то эта попытка не приняла большихъ размѣровъ и не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій.

День былъ жаркій; небо безоблачно. Послѣ долгаго перехода и тревожнаго дня солдаты отдыхали на бивуакѣ. Вдругъ въ городѣ раздались крики: „Венгерцы! Венгерцы!“ Потомъ эти крики слышались на бивуакѣ. Нельзя было ожидать нечаяннаго нападенія сзади, а спереди насъ раздѣляла отъ непріятеля Тейса; однако всѣ спѣшили на свои мѣста; солдаты стали въ ружье. Дежурная сотня казаковъ во весь опоръ проскакала по бивуаку по направленію къ рѣкѣ; не видя и не найдя тамъ никого, поворотила и поскакала въ другую сто-

рону; но, не видя никого и тамъ, остановилась будто въ недоумѣніи. Всѣ спрашивали другъ друга: „Что такое? гдѣ Венгерцы?“ — „Говорятъ, вонъ тамъ, на горѣ“, отвѣчали нѣкоторые. И всѣ смотрѣли на возвышавшуюся позади насъ Токайскую гору. Послѣ пристальнаго разглядыванья никто ничего не увидѣлъ. „Говорятъ, за рѣкой!“ раздался голосъ. Всѣ повертели головы къ рѣкѣ, и вскорѣ послышался отвѣтъ: — „Развѣ ты не видишь, дуракъ, что тамъ никого нѣтъ?“ — Потомъ проскакалъ казакъ, вѣроятно пьяный, и закричалъ во все горло: „Артиллерію! артиллерію!“ — „Кто велѣлъ? какія батареи? сколько орудій?“ спрашивали его со всѣхъ сторонъ. — „Всю артиллерію! Всѣ батареи на позицію!“ кричалъ казакъ. Онъ ускакалъ далѣе и скрылся въ толпѣ. Всѣ остались въ недоумѣніи. Нѣкоторое время продолжалось молчаніе. Потомъ по бивуаку раздался хохоть. Приказаній не получали, непріятеля не видѣли; солдаты составили опять ружья въ козлы и легли отдыхать, или занялись своимъ дѣломъ. Всѣ бывшіе подъ Токаемъ, безъ сомнѣнія, помнятъ эту ложную тревогу.

По возвращеніи моемъ на квартиру, вслѣдъ за мной воротился одинъ изъ моихъ людей, котораго не было видно съ самаго прибытія къ Токаю; онъ совершенно охрипъ. По его разсказу, отыскивая меня, онъ пробрался до рѣки, гдѣ устраивался мостъ и гдѣ стояло много празднаго народа — деньщики, фурштаты, казаки и рабочія команды; вдругъ начали кричать: „Венгерцы! Артиллерію!“ — Онъ хотѣлъ уйти, но ему велѣли также кричать въ числѣ другихъ, чтобы лучше слышали; онъ кричалъ цѣлыхъ полчаса и оттого охрипъ. Изъ

другихъ разсказовъ можно было понять, что тревога началась на противоположномъ берегу. Работавшіе тамъ саперы увидѣли, что по плотинѣ изъ с. Ракомаза скачетъ венгерскій гусарь, — его приняли за гусара, — который что-то кричалъ и махалъ руками; работа остановилась; саперы бросились къ гусару; — потомъ видѣли, какъ его вели къ начальству, на этомъ берегу; Венгерецъ продолжалъ кричать, хотѣлъ что-то объяснить; его не понимали и вели далѣе. Оказалось, что это былъ писарь изъ Ракомаза, желавшій указать намъ, гдѣ находятся бревна и даже готовые плоты.

На другой день стали одни за другими, понемногу, открываться лавки, трактиры и кофейни; довѣріе водворялось. — На другой же день мостъ былъ готовъ, авангардъ перешелъ за Тейсу и расположился впереди с. Ракомаза.

Подъ Токаемъ наши войска простояли три дня и чрезвычайно пострадали отъ холеры, распространившейся уже въ краѣ. Первые признаки болѣзни показались въ войскахъ еще въ Бартфельдѣ, но на Тейсѣ, во всей арміи, особенно въ 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ, она разразилась въ ужасающей степени. Отъ бивуака безпрестанно шли къ походнымъ лазаретамъ, находившимся позади полковъ, больные солдаты, изъ которыхъ нѣкоторые падали и умирали, не дойдя до мѣста. Вездѣ слышались стоны, раздиравшіе душу. Медики не успѣвали подавать помощи; кругомъ каждаго походнаго лазарета валялись умершіе десятками; не успѣвали больныхъ отвозить въ гошпиталь, устроенный въ городѣ, а умершихъ хоронить; и тѣхъ и другихъ безпрестанно прибывали сотни. Были выкопаны огромныя могилы въ

30 саженой длиною каждая; ряды ихъ, вѣроятно, остались до сихъ поръ. Мнѣ никогда не случалось видѣть такого страшнаго зрѣлища. Безъ сомнѣнія, большое сраженіе стоило бы намъ менѣе.—Тогдашняя очень сильная холера была въ Кіевѣ между жителями и войсками въ 1847 году; изъ Кіева она перешла въ Волынскую губернію, гдѣ мы догнали ее въ 1848 году; здѣсь она прекратилась осенью 1848 года и перешла въ Галицію; мы опять догнали ее въ Венгріи, на Тейсѣ, въ 1849 году:—она, какъ видно, подвигалась медленно: пространство, которое она прошла почти въ годъ, армія прошла въ полтора мѣсяца. Медицина не находитъ вѣрныхъ средствъ противъ холеры, объясняетъ ее нечистотою и міазмами и даетъ преимущественно наставленія чистить города и села, т. е. какъ бы объясняетъ ее зарожденіемъ на мѣстѣ. Но, кажется, трудно сомнѣваться, что холера есть зараза, приходящая извнѣ и сообщающаяся отъ прикосновенія не всѣмъ людямъ, какъ чума, а только болѣе слабымъ и расположеннымъ къ ея принятію. Въ венгерскомъ походѣ войска становились бивуакомъ въ полѣ, гдѣ воздухъ чистъ, но холера была сильная.

Сильному развитію ея въ войскахъ, повидимому, способствовали—дурная пища, утомленіе отъ похода, частое питье холодной и иногда дурной воды въ продолженіе длинныхъ переходовъ въ знойные дни, ночлеги бивуакомъ на голой и сырой землѣ, подъ открытымъ небомъ, и наконецъ расположеніе въ низменной долинѣ Тейсы, на самомъ берегу рѣки, гдѣ и въ обыкновенное время бываютъ постоянно лихорадки. Войскамъ вначалѣ похода отпускали законную порцію сухарей и на ночле-

гахъ поутру и ввечеру варили кашицу, съ надлежащею порціей мяса; но такъ какъ сухари подвозились изъ Галиціи, то, по удаленіи арміи отъ этой области, для уменьшенія транспортовъ, было сдѣлано, по выступленіи изъ Кашау, распоряженіе — отпускать людямъ уменьшенную порцію сухарей и взамѣнъ того увеличенную порцію мяса. Во время переходовъ, длившихся съ ранняго утра почти цѣлый день, солдаты неизбѣжно проголодаются; на привалахъ они ѣли находящіяся у нихъ подъ рукою въ сумкѣ сухари; четырехдневный запасъ сѣдался въ три дня и даже скорѣе; на бѣду, въ Венгріи, и въ полѣ и въ садахъ, растутъ виноградъ и фрукты, которые въ іюнѣ еще не поспѣли; солдаты однако ѣли ихъ; неспѣлые, кислые фрукты утоляютъ и голодъ и жажду; — эти-то сырые фрукты и составляли дурную пищу. При движеніи отъ Бартфельда до Токая шли часто сильные дожди, преимущественно по ночамъ. Войска располагались непременно бивуакомъ; утомленные солдаты ложились спать иногда прямо въ грязь и скоро засыпали; ночью шелъ дождь, и солдаты просыпались продрогшіе и промокшіе до костей. Все это ослабляло людей и подготовляло къ принятію болѣзни.

Странно сказать, что войска имѣли дурную пищу среди окружавшаго ихъ плодородія и богатства и ложились въ грязи бивуака рядомъ съ селеніями въ 1.000 домовъ; однако это было такъ, и происходило отчасти отъ рутины, отчасти оттого, что мы, не разбивъ непріятеля въ самомъ началѣ войны, т. е. не разъяснивъ его силы и не ослабивъ опасности, продолжали принимать противъ него всѣ военныя предосторожности, оказывавшіяся совершенно бесполезными, — и отча-

сти, можетъ-быть, отъ желанія нашего быть великодушными и безкорыстными. Мы хотѣли вести войну на свой счетъ, не обижать жителей, не быть имъ въ тягость, хотя принятый нами способъ бивуаковъ былъ вреденъ не только для насъ, но и для жителей. Въ Европѣ населеніе густо и вездѣ есть достаточные запасы продовольствія, и потому въ нашемъ тогдашнемъ способѣ довольствія не было непремѣнной надобности. Ходъ военныхъ дѣйствій не всегда позволяетъ располагать войска на квартирахъ, но въ Венгріи это было часто возможно, и было полезно этимъ пользоваться при всякомъ удобномъ случаѣ. При движеніи до Кашау сосредоточенною арміей, въ ожиданіи боя, мы, положимъ, не могли располагаться на квартирахъ; но за Кашау, когда непріятеля передъ нами не было и отъ насъ зависѣло удостовѣриться въ этомъ, расположеніе на квартирахъ было возможно, особенно для 4-го пѣхотнаго корпуса, и нисколько не замедлило бы движенія его впередъ. Мадьярскія селенія, черезъ которыя мы проходили, всѣ имѣли по нѣскольку сотъ и тысячъ домовъ, и такія селенія лежали не въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи; двухъ, а иногда и одного было достаточно для расквартированія корпуса въ 30-ть тысячъ сосредоточенно и безопасно отъ нечаяннаго нападенія. Каждый хозяинъ могъ прокормить 30 и болѣе человѣкъ. Если нельзя было доставлять войскамъ хозяйское довольствіе каждый день, то можно было доставлять хотя на дневкахъ и по очереди, что улучшало бы солдатское довольствіе въ нѣкоторой степени и сохраняло бы казенный паекъ на трудные переходы и дни.

Даже одно расположеніе войскъ на квартирахъ безъ

хозяйскаго приварка выгодно не только для солдатъ, но, какъ я сказалъ выше, и для самихъ жителей. На каждомъ дворѣ, въ случаѣ надобности, можно поставить по 50-ти и болѣе человѣкъ. Изъ нихъ слабосильные ночуютъ въ домѣ и за ночь могутъ поправиться, а остальные въ сараяхъ и подъ навѣсами, гдѣ они найдутъ защиту отъ дождя. Становясь на квартирѣ, солдаты менѣе утомляются, потому что имъ не надо носить дровъ для костровъ и хворосту для шалашей, что выгодно и для жителей. Если нѣкоторые солдаты оборвались, хозяйка дастъ имъ иглокъ и нитокъ и даже пособить что-нибудь исправить. На квартирахъ между солдатами и жителями устанавливаются нѣсколько дружескія отношенія; солдаты дорожатъ селеніемъ, зная, что оно можетъ пригодиться на обратномъ пути; на Нѣмца или Мадьяра смотрятъ какъ на своего хозяина и считаютъ обязанностью покровительствовать ему и уйти отъ него честно. Другой, можетъ-быть, не отказался бы пограбить у сосѣда, но тамъ стоятъ также солдаты, — его замѣтятъ и отыщутъ; большинство состоитъ всегда изъ хорошихъ людей. Если возьмутъ у хозяина какую-нибудь посуду напиться или вымытъ бѣлье, она по выходѣ войскъ остается въ домѣ. При кочевой жизни бивуакомъ, солдаты привыкаютъ смотрѣть на близъ-лежащее селеніе и вообще на весь край какъ на непріятельскіе и для нихъ бесполезные; они не жалѣютъ ихъ. Если нѣкоторымъ удастся пограбить, они пользуются случаемъ; изъ селенія они уходятъ на бивуакъ, мѣшаются въ толпѣ и ихъ нѣтъ никакой возможности отыскать. На бивуакъ они также берутъ посуду, но не возвращаютъ ее, а бросаютъ и при этомъ почти всегда разбиваютъ. Какъ люди запасливые, солдаты бе-

руть изъ селеній дровъ для костровъ болѣе, чѣмъ имъ нужно; за недостаткомъ дровъ, ломаютъ заборы и сараи, тащатъ двери, столы, — все, что попадется; имъ трудно знать мѣру надобности, и нельзя требовать, чтобы не взяли ни одного лишняго прута. Но многое оказывается лишнимъ, или сгораетъ бесполезно. Обыкновенно, по выходѣ войскъ съ бивуака, на немъ оставалось множество обгорѣлыхъ или цѣлыхъ дровъ, разной испорченной посуды, черепковъ отъ разбитыхъ мисокъ, кувшиновъ и проч. Жители толпами бродили на оставленномъ войсками мѣстѣ ночлега и подбирали дрова и разныя брошенные вещи. Вообще, при расположеніи войскъ бивуакомъ, жители теряли болѣе въ потоптанныхъ поляхъ, въ поврежденныхъ виноградникахъ и садахъ, въ разобранныхъ сараяхъ и заборахъ и проч., чѣмъ сколько израсходовали бы на заготовленіе солдатамъ пищи. Если расквартированіе и не нравится жителямъ (преимущественно по причинѣ женщинъ), то войска во всякомъ случаѣ должны позаботиться прежде всего о самихъ себѣ.

Добречинъ. — Венгерскія степи.

Въ Токаѣ 4-й корпусъ получилъ отъ главнокомандующаго новое распоряженіе. Изъ свѣдѣній о непріятелѣ, полученныхъ въ главной квартирѣ арміи, было видно, что онъ оставилъ Дебречинъ и другіе города, и что его силы сосредоточиваются, какъ надо полагать, къ Песту. Центральная Венгрія около Дебречина осталась пуста: 4-й пѣхотный корпусъ могъ легко занять этотъ городъ. Бемъ, съ состоявшими подъ его начальствомъ 25-ю или 30-ю тысячами войска, находился въ восьми переходахъ и не могъ предупредить насъ; встрѣча съ нимъ не могла имѣть для насъ опасности, потому что его силы не превосходили численности 4-го корпуса. Дебречинъ извѣстенъ, какъ богатый городъ, населенный 60-ю тысячами жителей; его окрестности засѣяны неизмѣримыми полями хлѣба, и наши войска могли найти въ немъ и собрать большіе продовольственные запасы. Занятіе этого центра Мадьяръ и кальвинистовъ, города преступнаго передъ австрійскимъ правительствомъ, горячо по-

могавшаго революціонерамъ, могло горько отозваться въ Венгріи и имѣть вліяніе на общій ходъ войны. Кромѣ того, пройдя Дебrecинъ, корпусъ все-таки могъ безопасно соединиться съ главными силами арміи, движеніемъ вправо на Кишфалу или на Тисса-Фюредъ, близъ которыхъ можно удобно устроить переправу черезъ Тейсу. Поэтому главнокомандующій предписалъ 4-му пѣхотному корпусу двинуться изъ Токая въ Дебrecинъ, занять его, потребовать, чтобы городъ въ теченіе 24-хъ часовъ выставилъ до 6.000 четвертей муки и другихъ съѣстныхъ припасовъ и до 1.000 подводъ для поднятія ихъ, въ противномъ случаѣ грозить принятіемъ противъ города жестокихъ мѣръ; — припасы, по мѣрѣ сбора, отправлять въ Токай, а оттуда на г. Мишкольць, черезъ который шелъ главный путь арміи. Во всякомъ случаѣ, при выступленіи изъ Дебrecина корпусъ долженъ былъ взять по меньшей мѣрѣ 4 тысячи четвертей съ нужнымъ числомъ подводъ. Въ Токаѣ велѣно оставить для занятія города и продолженія постройки мостоваго укрѣпленія полкъ 11-й пѣхотной дивизіи, находившійся въ составѣ четвертой колонны генералъ-лейтенанта Бѣлогужева и прибывшій въ Токай 19 іюня.

Мы выступили изъ Токая къ Дебrecину 19 іюня. Между 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ и главною арміею, шедшею по правой сторонѣ Тейсы на Мишкольць и Пестъ, было около 80-ти верстъ разстоянія.

За Токаемъ, на лѣвой сторонѣ Тейсы, шоссе прекращалось; къ Дебrecину вели однѣ степныя дороги. Мѣстность совершенно ровная и открытая; изрѣдка виднѣются холмы и бугры не выше двухъ саженьей; почва мѣстами песчаная; путь утомительный. Сначала по обѣ-

имъ сторонамъ дороги вырыты канавы, а потомъ дорога вьется по степи во всѣхъ направленіяхъ множествомъ отдѣльныхъ колеи и тропинокъ, безпрестанно соединяющихся, раздѣляющихся и перекрещивающихся; можно подумать, что ѣдешь въ какой-нибудь русской степной губерніи. Земля, повидимому, очень плодородна; огромныя поля засеяны рожью, пшеницею, кукурузою, овсомъ и ячменемъ. Кругомъ селъ находятся обширныя виноградники; но вино на равнинахъ хуже вина, выдѣлываемаго изъ винограда, растущаго на горныхъ покостяхъ.

Первый ночлегъ сдѣлали въ мѣстечкѣ Нидергазѣ, имѣющемъ 2.500 дворовъ. Здѣсь также встрѣчаются Славяне, принадлежащіе къ рабочему сословію; по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыми я могъ разговаривать по-русски. Въ Нидергазѣ войска запаслись небольшимъ количествомъ хлѣба, овса и вина. Слѣдующій ночлегъ былъ въ Гадгазѣ, также большомъ мѣстечкѣ. Здѣсь узнали отъ жителей, что въ Дебречинѣ находится будто бы до 6.000 войска съ 20-ю орудіями и что въ окрестныхъ лѣсахъ собрано до 20-ти тысячъ ополченія, которымъ намѣрены дѣйствовать противъ нашихъ войскъ съ лѣвой стороны, во время приближенія ихъ къ городу. Все это однакоже оказалось обыкновеннымъ запугиваньемъ. 21 іюня двинулись въ Дебречинъ.

Въ Дебречинъ была послана наканунѣ отъ корпуснаго командира прокламація, въ которой жителямъ напоминали преступленія ихъ противъ австрійской власти и обѣщали, что ихъ заблужденія будутъ помилованы, если они изгонятъ изъ своей среды всѣхъ возмутителей и изберутъ для управленія городомъ людей предан-

ныхъ и вѣрныхъ законному правительству. Въ заключеніе требовалось, чтобъ они приготовили для идущихъ войскъ хлѣбъ и подводы въ томъ количествѣ, какъ сказано выше, подъ опасеніемъ наказанія. Угрозы и приближеніе нашихъ войскъ подѣйствовали. Гарнизонъ Дебречина ушелъ на Гросъ-Вардейнъ и жители отправили на встрѣчу къ намъ депутацію, которая представилась корпусному командиру 21 іюня. Депутаты увѣряли въ своей покорности законной власти и просили только уменьшить требуемое нами количество продовольственныхъ запасовъ. Имъ обѣщали покровительство, если они исполнять всѣ наши требованія. Депутація возвратилась въ Дебречинъ.

Когда сдѣлалось извѣстнымъ о направленіи сюда нашихъ войскъ, венгерское правительство приказало отправитъ внутрь страны всѣхъ австрійскихъ плѣнныхъ, находившихся въ Дебречинѣ. Въ самый день прибытія нашего въ Гадгазъ, народъ съ ожесточеніемъ напалъ на плѣнныхъ австрійскихъ офицеровъ и изъ нихъ шесть человѣкъ убилъ и шестнадцать жестоко изувѣчилъ.

Издали, верстъ за 10, рощи и сады, окружающіе Дебречинъ на большомъ пространствѣ, виднѣлись какъ оазисъ темной зелени въ желтой, но не песчаной, а хлѣбной пустынѣ. По мѣрѣ приближенія къ городу, изъ массы зелени подымались и обрисовывались яснѣе одни за другими стройные, высокіе тополи, а потомъ куполы и колокольни церквей; одинъ изъ куполовъ, широкій и похожій на куполы московскихъ колоколенъ, посеребренный, блестѣлъ бѣлыми лучами. На протяженіи около 5-ти верстъ до заставы мы шли между рощами и садами. Не было видно ни одной живой души; на встрѣчу

войскамъ не выходилъ никто. Авангардъ построился въ боевой порядокъ и остановился близъ предмѣстій.

Начальникъ авангарда, генералъ Кузнецовъ, отправился въ городъ съ однимъ Донскимъ полкомъ, проѣхалъ опустѣлыя улицы и сталъ на площади противъ ратуши. Лавки и дома были заперты, въ ратушѣ не нашли ни одного человѣка. Однако вскорѣ народъ началъ наполнять улицы; толпы его густѣли и недоброжелательно окружили казаковъ; въ толпѣ слышался глухой говоръ, хотя сдержанный, но враждебный. Генералъ Кузнецовъ объявилъ народу, что если черезъ два часа депутація не явится къ войскамъ, если не будутъ удовлетворены всѣ наши требованія и отворены дома и лавки, то городъ будетъ бомбардированъ и сожженъ. Онъ возвратился къ авангарду.

Почти вслѣдъ за нимъ пріѣхала депутація и вторично изъявила покорность и готовность исполнить наши требованія. Вмѣстѣ съ нею войска авангарда вступили 21 іюля въ городъ. Два Донскихъ и Одесскій егерскій полки съ батарейною батареей стали бивуакомъ на площади (въ большомъ враждебномъ городѣ сосредоточенное расположеніе бивуакомъ было полезно) и по улицамъ въ важнѣйшихъ мѣстахъ; бригада кавалеріи прошла за заставу и расположилась въ полѣ; главные силы корпуса стали бивуакомъ, не входя въ городъ, въ разстояніи картечнаго выстрѣла отъ крайнихъ домовъ, занятыхъ также отдѣльными частями пѣхоты.

Когда проходили войска, улицы оставались пусты; жители потихоньку смотрѣли сквозь ставни и полурастворенные ворота. Я занялъ себѣ квартиру въ одномъ изъ крайнихъ домовъ предмѣстья, возлѣ войска. Въ домѣ

не было ни одного мужчины; осталась одна хозяйка, толстая 60-ти-лѣтняя старуха, и съ нею нѣсколько женщинъ; онѣ все-таки приняли меня радушно и тотчасъ же стали подчивать виномъ и готовить ужинъ. Хозяйка безпрестанно бѣгала изъ комнатъ къ воротамъ посматрѣть войска; артиллерія привела ее въ ужасъ: увидѣвъ пушки, она съ громкими вздохами бросилась въ комнаты, достала большой бѣлый платокъ и привѣсила его къ воротамъ, какъ знакъ мира.

Отъ ратуши потребовали обезоруженія жителей и выдачи намъ оружія и виновныхъ въ убійствѣ австрійскихъ офицеровъ. Все было исполнено, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени. Оружіе сложили въ ратушѣ, оттуда свезли на бивуакъ, а тамъ сломали и сожгли. Самими войсками найдены во многихъ мѣстахъ склады старыхъ негодныхъ ружей и пикъ, которыя также были уничтожены. Продовольственные запасы начали собираться дѣятельно.

Добречинъ, какъ центръ и главный городъ мадьярскаго населенія, былъ въ особомъ у Мадьяръ почетѣ, считался ихъ Меккой, Іерусалимомъ. Почти всѣ жители его — люди средняго зажиточнаго сословія — кальвинисты, которые во всей Венгріи отличались революціоннымъ духомъ и были главными дѣятелями послѣднихъ событій не въ одномъ только противодѣйствіи австрійскому правительству и возвращеніи Венгріи ея полной, подѣльной самостоятельности, но и въ учрежденіи республики; между ними были самые горячіе приверженцы Кошута. По мнѣнію Славянъ, съ которыми случалось говорить, сохраняющихъ преданія старины, Добречинъ, какъ и всѣ главнѣйшіе города Венгріи, былъ прежде

славянскимъ городомъ, что свидѣтельствуется и его имя. Городъ не принадлежалъ ни къ какому комитату, а имѣлъ собственное управленіе; главная власть сосредоточивалась въ его ратушѣ. По величинѣ народонаселенія и красотѣ зданій, онъ, послѣ Песта, считался вторымъ городомъ Венгріи. Церквей немного, и всѣ кальвинистскія; не знаю, есть ли католическія. Главная и самая большая кальвинистская церковь, на главной площади, снаружи и внутри величественна и изящна, хотя не имѣетъ никакихъ внутреннихъ украшеній: голыя стѣны; нѣтъ ни одного образа. Городъ имѣетъ видъ скучный. Безъ сомнѣнія, съ приходомъ русскихъ войскъ, многіе жители выѣхали, а остальные не показывались; но едва ли здѣсь бываетъ весело и въ обыкновенное время, потому что кальвинисты извѣстны суровостью своихъ обычаевъ, пропитанныхъ религіозными обрядами. Городъ не имѣлъ, какъ говорили, ни одного театра, зато въ немъ много школъ, гимназій и университетъ. Въ это время учебныя заведенія были закрыты; всѣ учителя и ученики, способные носить оружіе, служили въ республиканскихъ войскахъ.

На слѣдующій день нашего прихода отперли нѣсколько лавокъ; на базарѣ появились продавцы овощей и другихъ съѣстныхъ припасовъ; возлѣ домовъ выставили столики, на которыхъ продавали вино и водку. Довѣренность понемногу водворялась; русскіе солдаты миролюбиво ходили между разложенными съѣстными припасами; офицеры наполнили открытые трактиры и кофейни.

Но все, за исключеніемъ съѣстныхъ припасовъ, было въ Дебречинѣ очень дорого. Въ продолженіе настоящихъ

смуть въ Австріи, въ Венгрію остановился ввозъ произведеній, которыя получались изъ другихъ странъ Европы, и многихъ предметовъ нельзя было вовсе найти. Сама Венгрія имѣетъ мало фабрикъ: до самага Дебречина я нигдѣ не видѣлъ ни одной высокой фабричной трубы, которыхъ уже такъ много въ центральной Россіи. Мелкая промышленность здѣсь не примѣтна. Всѣ богатства Венгріи заключались въ ея хлѣбныхъ поляхъ, виноградникахъ и безчисленныхъ стадахъ разнаго скота, ходившихъ въ пространныхъ степяхъ. Въ недостаткѣ фабрикъ Венгерцы обвиняли австрійское правительство, желавшее держать Венгрію въ зависимости отъ своихъ нѣмецкихъ провинцій и намѣренно подрывавшее въ ней развитіе мануфактурной промышленности.

Во время пребыванія нашего въ Дебречинѣ, холера продолжалась въ войскахъ, но въ значительно меньшей степени. И здѣсь мы оставили свои могилы. Солдаты говорили беззаботно: „Гдѣ по бѣлому свѣту не разбросаны русскія кости!“

Первоначально главнокомандующій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы 4-й пѣхотный корпусъ шелъ на соединеніе съ арміей ближайшимъ путемъ вправо на Польшаръ и Кишфалю. Но времени прибытія корпуса къ Тейсѣ, предполагалось оба берега рѣки у этихъ селеній занять войсками, высланными отъ главной арміи для устройства и защиты моста. Впрочемъ, еслибъ оказалось, что по этой дорогѣ движеніе войскъ рѣшительно невозможно, то командиру корпуса, генеру Чеодаеву, предоставлялось идти на соединеніе съ арміей обратно на Токай. Для удостовѣренія въ годности пути

на Польшгаръ, на другой день прибытія нашего въ Дебречинъ, я получилъ приказаніе отправиться для осмотра этой дороги, съ тѣмъ чтобы возвратиться въ Дебречинъ непременно на другой день къ вечеру. Въ прикрытіе мнѣ дали 10 добродѣльныхъ казаковъ. Отъ Дебречина до Тейсы въ этомъ направленіи около 75 верстъ; слѣдовательно, съ обратнымъ переходомъ въ Дебречинъ, я долженъ былъ сдѣлать около 150 верстъ почти въ одни сутки, потому что, пока накормили хорошенько лошадей и собрались казаки, время прошло за полдень, и я могъ выѣхать съ бивуака не ранѣе 1 часа пополудни. Мѣстность за Дебречиномъ не похожа на ту, которую мы прошли, слѣдуя отъ Токая съ сѣвера. Тамъ населеніе гуще, засѣянные поля тянутся почти непрерывно, песчаные невысокіе ряды бугровъ бѣгутъ направо и налево отъ дороги. Здѣсь, на западъ отъ Дебречина, земля, какъ выглаженная плоскость, не имѣетъ ни одного холма, ни малѣйшаго возвышенія, за исключеніемъ искусственно насыпанныхъ могилъ — кургановъ. Большія селенія отстоятъ другъ отъ друга на 30 — 40 верстъ; хлѣбныя поля окружаютъ ихъ на 3 — 4 версты, а остальное пространство между ними — луговая степь съ низкою травой, куда выгоняютъ стада на все лѣто. Воды мало, и для водопоя вырыты колодцы. Нѣтъ ни одного дерева, ни одного куста. Въ двухъ верстахъ отъ послѣднихъ садовъ и виноградниковъ, кругомъ Дебречина тянется рядъ кургановъ, которые виднѣются издалека и, какъ передовые сторожа, глядятъ въ безграничную даль. Въ это время на каждомъ курганѣ стоялъ верхомъ на конѣ казакъ

нашей передовой цѣпи; издали онъ казался неподвиженъ, какъ статуя на высокомъ подножіи; тонкая пика его черною чертой прорѣзывала ясную синеву неба.

Въ нѣсколькихъ верстахъ за передовую цѣпью мы встрѣтили русскаго деньщика, который бѣжалъ къ сторонѣ Дебречина и кричалъ намъ: „Венгерцы угнали моихъ лошадей!“ — Обыкновенно, деньщики, фурштаты и другіе люди, не соединенные въ команды или имѣвшіе болѣе возможности бродить отдѣльно, заходили туда, гдѣ не было еще войскъ; ихъ часто видѣли впереди казачьей цѣпи авангарда; во время сраженія они забирались въ селенія, лежавшія между нашими и непріятельскими войсками, чтобы, пользуясь возможностью, немного пограбить; — корысть сильнѣе страха. Въ отдаленіи виднѣлась точка, которая плавно уходила и тонула въ пространствѣ; это очевидно былъ скакавшій всадникъ. Два передовыхъ казака погнались за нимъ во весь карьеръ, но догнать было невозможно; казаки эти вѣхали на встрѣтившійся курганъ и потомъ присоединились къ намъ, когда мы поровнялись съ ними. Намъ некогда было разбирать дѣла или взять деньщика какъ бродягу, или можетъ-быть бѣлаго; вѣроятно, онъ лгалъ и лошадей у него не было. Мимоходомъ каждый казакъ отпустилъ ему по хорошей нагайкѣ съ наставленіемъ, чтобъ онъ не отлучался съ своего мѣста и не заходилъ за передовую цѣпь, да еще съ чужими лошадьми. Деньщикъ побѣжалъ къ Дебречинѣ, а мы поѣхали далѣе. Черезъ нѣсколько времени мы встрѣтили корчму, небольшую мазанку, врытую у кургана въ землю. Въ ней сидѣло нѣсколько человѣкъ, изъ числа которыхъ одинъ гово-

рилъ по-славянски. Никто не зналъ, были ли здѣсь Венгерцы и увели ли лошадей; видѣли, что проѣхалъ кто-то верхомъ, но не военный; деньщикъ сидѣлъ въ корчмѣ и пилъ вино, но о лошадяхъ не говорилъ и лошадей при немъ не видѣли. Вѣроятно, сами жители слѣдили за движеніемъ нашихъ войскъ изъ Дебrecина, и верховой, котораго мы видѣли, замѣтивъ моихъ казаковъ, поскакалъ, чтобы дать знать о нихъ ближайшимъ стадамъ и селенію.

Отѣхавъ нѣсколько верстъ отъ корчмы, мы увидѣли на горизонтѣ два большіе костела с. Уйвароша. Они возвышались надъ степью, будто стояли передъ нами, кажется очень близко; но ѣдемъ, и нѣтъ конца, — костелы только росли и подымались. Ихъ очерки и отдѣльныя части обрисовывались и становились яснѣе: сначала обозначились окна, потомъ боковыя колонны отдѣлились отъ остальной массы зданія, кресты блеснули слабыми лучами; но все это было еще далеко. Въ нетерпѣніи мы прошли остальное пространство полною рысью, и такъ вѣхали въ Уйварошъ, большое и богатое мѣстечко, населенное Мадырами. При проѣздѣ нашемъ, народъ выходилъ изъ домовъ и толпами бѣжалъ за нами на площадь. Мы подѣхали прямо къ ратушѣ. Я вошелъ туда. Въ ней находилось нѣсколько человѣкъ, говорившихъ только по-мадыарски. Но я зналъ уже нѣсколько словъ, которыхъ достаточно было, чтобы объяснить, что мнѣ нужно хлѣба, овса и сѣна. Чиновники приняли меня вѣжливо. Вскорѣ ратуша наполнилась людьми; толпа окружила казаковъ на площади; всѣ разсматривали насъ съ любопытствомъ. Въ ратушу вмѣстѣ съ другими вошелъ одинъ молодой че-

ловѣкъ, говорившій по-Французски; онъ сдѣлался моимъ переводчикомъ, и тогда переговоры пошли скорѣе.

— Сколько вамъ нужно хлѣба, овса и сѣна? спросилъ онъ.

— Сколько могутъ съѣсть одиннадцать человѣкъ и одиннадцать лошадей, отвѣчалъ я.

— А! Только! — И онъ объяснилъ дѣло Венгерцамъ. Лица ихъ просіяли. Они думали, что я потребую контрибуцію въ родѣ Дебречинской. Хлѣбъ, овесъ и сѣно явились мгновенно. Я просилъ принести мнѣ и казакамъ вина и чего-нибудь мяснаго и предложилъ впередъ деньги. Денегъ не хотѣли взять; но тотчасъ же принесли мнѣ и казакамъ всего въ изобиліи. Для меня накрыли столъ, за которымъ засѣдало въ обыкновенное время мѣстное управленіе; съ разныхъ сторонъ несли — кто супъ, кто соусы, кто жаркое, кто пирожное, — у кого что было готово, и нанесли столько, что можно было накормить нѣсколько десятковъ человѣкъ. Молодой человѣкъ, говорившій по-Французски, былъ, по его словамъ, настоящій Французъ, родившійся во Франціи и пріѣхавшій въ Венгрію съ своею матерью — она гувернанткой, а онъ гувернеромъ и учителемъ при дѣтяхъ здѣшняго помѣщика, богатаго венгерскаго аристократа, котораго большой каменный домъ находился возлѣ мѣстечка. Француза, по его откровенному сознанию, приводило въ удивленіе, что я, казакъ (онъ принималъ меня за казака), говорю по-Французски, кротокъ, вѣжливъ и рассуждаю по-человѣчески, — а онъ считалъ казаковъ людьми свирѣпыми въ высшей степени, способными только на истребительную войну. На всѣ мои разспросы онъ отвѣчалъ охотно и ручался,

что въ окрестностяхъ нигдѣ нѣтъ венгерскихъ войскъ, и что я встрѣчу со стороны Мадьяръ вездѣ самый радужный пріемъ. Старики Мадьяры, сидѣвшіе кругомъ насъ, молча слушали нашъ разговоръ, который Французъ, по ихъ желанію, переводилъ имъ, и также старались выказать мнѣ свое вниманіе и гостепріимство. — Въ Уйварошѣ мы оставались около одного часа, сколько нужно, чтобы накормить лошадей.

Въ двухъ верстахъ за Уйварошемъ поля оканчиваются и начинается опять голая степь, еще пустыннѣе чѣмъ прежде. Кругомъ — безпредѣльное пространство, въ которомъ глазу не на чемъ остановиться; даже курганы встрѣчаются рѣдко. Края неба сливаются съ землею въ мутной синевѣ; на небѣ нѣтъ ни одного облака, и оно такъ же пустынно, какъ и земля. Раскаленный воздухъ лежитъ тяжело на степи; солнце, окруженное пламенемъ, будто не движется. Ёдешь впередъ, а кругомъ все одно и то же; однообразіе мѣстности представляетъ ее неподвижною; будто и самъ въ своемъ движеніи остаешься на одномъ мѣстѣ; вѣчное повтореніе одного и того же утомляетъ и дѣлаетъ время слишкомъ долгимъ, похожимъ, должно-быть, на самую вѣчность. Мы обрадовались, когда наконецъ, въ отдаленіи, на синевѣ неба, прорѣзалась, какъ признакъ жизни, тонкая наклоненная черта: это степной колодезь. Потомъ подъ чертою мелькнула точка, которая, по мѣрѣ нашего приближенія, росла и принимала очерки дома; онъ видѣлся ясно, но мы уже привыкли къ обманчивости степныхъ разстояній, — до него еще нѣсколько верстъ, — и терпѣливо приближались къ нему. Это — одиноко стоящая въ степи корчма Гортобаги, до которой отъ

отъ Уйвороша около 16 верстъ. Здѣсь протекаетъ небольшая рѣчка того же имени. Мы отдохнули нѣсколько минутъ, напоили лошадей и поѣхали далѣе.

Опять та же равнина, то же уединеніе; не видно ни одного звѣря, ни одной птицы. Черезъ нѣсколько верстъ мы увидѣли стоящаго въ сторонѣ пастуха. Онъ неподвижно смотрѣлъ на насъ, опершись на свою длинную, съ загнутымъ съ верху концомъ палку; его собака сидѣла возлѣ него и не лаяла; она также будто со страхомъ и удивленіемъ смотрѣла на незнакомыхъ людей.

— Польгаръ? закричалъ я пастуху, и онъ молча указалъ рукою въ ту сторону, куда мы ѣхали.

Поднявшись на встрѣтившійся курганъ, мы увидѣли кругомъ себя, со всѣхъ сторонъ, въ отдаленіи, безчисленные стада воловъ и барановъ и табуны лошадей, которые сначала бѣлѣли и чернѣли отдѣльными пятнами, а на самомъ горизонтѣ, гдѣ ихъ можно было разглядѣть въ зрительную трубу, сливались въ сплошную массу. Въ Венгріи, какъ я говорилъ выше, скотъ выгоняютъ въ степь каждый годъ на все лѣто; но теперь, при движеніи русскихъ войскъ къ Дебречину, вѣроятно угнали стада и изъ ближайшихъ окрестностей этого города въ болѣе отдаленныя степи. Подвигаясь впередъ, мы видѣли стада по обѣимъ сторонамъ непрерывною массой; многочисленность ихъ приводила въ удивленіе казаковъ, у которыхъ также на Донѣ большое скотоводство и много табуновъ. Чтобы посмотрѣть поближе на стада, мы иногда немного сворачивали въ сторону съ нашего прямого пути и проѣзжали въ незначительномъ отъ нихъ разстояніи. Завидя

приближеніе наше, пастухи иногда сами шли къ намъ на встрѣчу и предлагали молока и простаго сыру, котораго у нихъ много и который они готовятъ сами въ степи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по близости стада были устроены небольшіе шалаши, едва возвышавшіеся надъ землею. Подъ шалашомъ обыкновенно вырыта глубокая яма; въ ямѣ иногда устроены небольшія печи, очаги и другія принадлежности дома. У одного шалаша близь колодца мы сдѣлали непродолжительный привалъ.

Дорога часто обращалась въ тропинку; тропинка иногда дѣлалась едва примѣтною, исчезала вовсе и потомъ опять показывалась. Степь становилась будто безплоднѣе. Глухая тишина прерывалась топотомъ копытъ нашихъ лошадей и заунывною, протяжною пѣсней задняго казака; самые звуки пѣсни казались особенно грустны и заунывны, какъ жалоба ребенка, занесеннаго съ береговъ Дона и покидаемаго въ чужихъ пустыняхъ. Солнце садилось. Западъ наполнился пламенемъ; розовое море разлилось за степью на горизонтѣ, и все пространство равнины, лежавшей отъ насъ къ западу, покрылось его розовымъ отблескомъ. Передъ нами возникъ фантастическій міръ, въ которомъ воображеніе тщетно хотѣло уловить что-нибудь неподвижное, опредѣленное и ясное. Въ отдаленіи только пробѣгала, отчетливо нарисованная на пламенномъ грунтѣ картины, фигура передоваго казака, склоненная на сѣдло, съ копьемъ, которое стояло прямо и двигалось съ нимъ какъ черный лучъ въ свѣтломъ небѣ.

Солнце сѣло. Темнота наступила скоро. Казацкая пѣсня затихла. Небольшой разъѣздъ, собранный въ ку-

чу, какъ одинокій челнъ, плыль въ океанѣ мрака. Поэты говорятъ, что тишина ночи имѣетъ свой таинственный голосъ. Кругомъ безмолвіе, а что-то слышно; съ любопытствомъ прислушиваешься, — ужь не шепчутъ ли казакъ молитву? — Взошла луна; степь прояснѣла опять; но отдаленіе еще обманчивѣе и неопредѣленнѣе. Лунное сіяніе блѣдно и мутно, будто самъ солнечный лучъ, растопившійся въ море луннаго свѣта, чувствуетъ здѣсь свое одиночество. Было уже за полночь; надо скоро ожидать зари, а мы ѣдемъ и ѣдемъ. — „Что, не сбились ли мы съ дороги?“ спрашиваетъ одинъ казакъ. — „Вотъ тропинка,“ отвѣчаетъ другой. — „Ихъ въ степи много,“ прибавилъ третій.

Наконецъ, передъ самымъ разсвѣтомъ мы пріѣхали въ Польшаръ. Въ мѣстечкѣ всѣ спали; огня нигдѣ не видно. Мы остановились у крайняго дома, тихонько растворили ворота, въѣхали на дворъ и затворили ихъ опять. Все дѣлалось тихо и молча. Дверь въ сѣни была заперта; начали потихоньку стучать. Въ домѣ слышался голосъ; вѣроятно спрашивали: кто тамъ? — Не отвѣчая, продолжали стучать. Въ домѣ засвѣтился огонь, и дверь отворилась. Увидѣвъ насъ, Мадьяръ испугался. Мы вмѣстѣ съ нимъ вошли въ сѣни и увели его въ комнату; въ домѣ жило одно семейство. На вопросъ, нѣтъ ли въ мѣстечкѣ Венгерцевъ, хозяинъ отвѣчалъ, что нѣтъ никого. Спросили сѣна, котораго въ домѣ было много; хозяйка вынесла казакамъ даже нѣсколько горшковъ молока. Лошадей помѣстили по возможности скрыто; пики положили на землю; на дворѣ поставили одного часоваго, которому велѣно было наблюдать, чтобъ изъ дому никто не ушелъ, и всѣ легли спать на соломѣ подъ навѣсомъ.

На другой день утромъ мы были уже на коняхъ и осмотрѣли мѣстечко и окрестности. Жители сбѣжались къ тому дому, гдѣ мы ночевали, и потомъ къ ратушѣ; всѣ любопытствовали узнать о происшествіи и посмотреть казаковъ. Въ ратушѣ я просилъ дать намъ всего необходимаго за деньги, и мое требованіе было немедленно и охотно исполнено, какъ въ Уйварошѣ.

Оставивъ въ Польшаръ семь казаковъ, я съ тремя отправился къ Тейсѣ, протекающей въ четырехъ верстахъ отъ мѣстечка. Отъ Польшара до рѣки шла когда-то плотина, теперь брошенная и пришедшая въ совершенную негодность; устроенные на ней 12 мостовъ сгнили; дорога шла возлѣ плотины по низменной, топкой долиנѣ и отъ недавнихъ дождей сдѣлалась непроходимой до такой степени, что мы верхомъ едва могли проѣхать. Тейса здѣсь шире, чѣмъ подъ Токаемъ; она шумно и быстро бѣжала мутными, желтыми волнами между отлогими и топкими берегами, по которымъ нельзя было подойти къ водѣ даже пѣшкомъ, что мы попробовали, желая выкупаться, но безуспѣшно. На другомъ берегу рѣки между ивами виднѣлась лачуга, а за ней въ нѣкоторомъ отдаленіи другая, едва замѣтная въ густотѣ зелени деревьевъ; далѣе лежало с. Кишфалю, но его не было видно. Ожидая встрѣтить здѣсь отрядъ русскихъ войскъ, или разъѣздъ, мы кричали и сдѣлали три выстрѣла, но никого не было видно; никто не откликался. Мы возвратились въ Польшаръ. Мѣстечко это велико, но менѣе Уйвароша. Пообѣдавъ, мы пустились въ обратный путь и къ 9 часамъ вечера были въ Дебречинѣ.

Вздившіе со мной казаки остались очень довольны

этимъ путешествіемъ. Они говорили, что это просто праздникъ, а не походъ, и что имъ никогда не случалось пить такого хорошаго вина и ѣсть такихъ вкусныхъ обѣдовъ. Поѣздка одиннадцати человѣкъ въ непріятельскомъ краѣ совершилась благополучно, безъ сомнѣнія, отчасти отъ того, что жители, ожидая движенія всей нашей арміи, могли опасаться наказанія за вредъ, который они намъ сдѣлали бы; но эти опасенія не всегда удерживаютъ, хотя нѣкоторыя отдѣльныя личности, среди населенія болѣе расположеннаго къ войнѣ, или болѣе ожесточеннаго и взволнованнаго. На наше счастье, мы не встрѣтили никакого венгерскаго войска.

Поѣздка моя, однакоже, оказалась напрасною. Передъ возвращеніемъ моимъ въ Дебречинъ, 23 іюня, войска 4-го пѣхотнаго корпуса получили отъ главнокомандующаго предписаніе слѣдовать на соединеніе съ главными силами арміи не на Польшаръ и Кишфалю, а по прежней дорогѣ на Токай, именно по той причинѣ, что шедшіе въ предыдущіе дни дожди должны были испортить дороги и сдѣлать движеніе въ первомъ направленіи невозможнымъ. Хотя дорога до Польшара оказалась хороша, но отъ Польшара къ Тейсѣ почти непроходима, и переправа черезъ эту рѣку была бы очень затруднительна.

Магистратъ Дебречина до выхода нашихъ войскъ издалъ прокламацію, показывавшую мирное направленіе и покорность законной власти, т. е. австрійской. Жители, какъ увѣряли въ ней, отрекались отъ правительства Кошута, просили нашего Императора о принятіи города подъ высокое покровительство Его Величества

и предполагали послать въ Вѣну особую депутацію. По произведенному слѣдствію объ убійствахъ и насиліяхъ, сдѣланныхъ австрійскимъ офицерамъ, виновными оказались трое, простые мужики, чернь города. Вѣроятно, не они были главными дѣйствующими лицами, но улики говорили ясно только противъ нихъ. Они содержались подъ карауломъ при нашихъ войскахъ; ихъ жены сидѣли недалеко отъ мѣста заключенія ихъ и горько плакали. Остальные австрійскіе плѣнные, найденные въ Дебречинѣ въ числѣ около 70 человекъ, вышли отсюда съ русскими войсками, а потомъ отправились въ Галицію.

Дебречинъ снабдилъ насъ продовольственными запасами въ изобиліи. Не говоря уже о томъ, что корпусъ довольствовался четыре дня, мы везли изъ Дебречина муки на 300 обывательскихъ подводахъ; печенаго хлѣба роздано солдатамъ на руки впередъ на четыре дня и везлось въ каждомъ полку еще на 30 обывательскихъ и особо на казенныхъ подводахъ, сколько можно было наложить. Продовольствія было собрано гораздо болѣе, но войска не могли всего забрать съ собою по недостатку подводъ.

Корпусъ выступилъ изъ Дебречина 24 іюня. При обратномъ слѣдованіи къ Токаю повторились слухи и свѣдѣнія о появленіи тридцати-тысячнаго венгерскаго корпуса съ правой стороны нашего пути, близъ мѣстечекъ Надъ-Калло и Надъ-Кароли, но посланные туда разъѣзды никого не открыли и не видѣли. 26 іюня 4-й корпусъ прибылъ въ с. Ракомазъ (противъ Токая), гдѣ расположился на лѣвомъ берегу Тейсы, прикрывая переправу черезъ рѣку безконечнаго ряда повозокъ съ хлѣбомъ и больными.

Изъ Токая 4-й пѣх. корпусъ слѣдовалъ на соединеніе съ главными силами арміи правою стороною Тейсы на Тарчаль, Шеренць и Керемъ. Два баталіона Селекгинскаго пѣхотнаго полка были отправлены съ больными въ Кашау (больныхъ было много), а остальные два баталіона того же полка съ четырьмя орудіями, подъ начальствомъ командира этого полка, генераль-маіора Рота, въ гор. Мишкольць, гдѣ генераль Ротъ долженъ былъ принять начальство надъ оставленными тамъ отъ главной арміи однимъ австрійскимъ баталіономъ полка Парма, 50 казаками и двумя нашими уланскими эскадронами. Два баталіона, отправленные въ Кашау, по сдачѣ больныхъ, должны были присоединиться къ полку въ Мишкольць. Отрядъ этотъ имѣлъ назначеніе содержать въ повиновеніи Мишкольць, охранять оставленный здѣсь гошпиталь съ нашими больными и обезпечивать сообщеніе арміи съ Кашау.

При слѣдованіи отъ Токая, двѣ подводы съ мукою, принадлежавшія артиллеріи, и при нихъ четыре рядовыхъ сбились съ дороги; солдаты, по ихъ рассказамъ, увидя работавшихъ въ полѣ мужиковъ, подошли къ нимъ, чтобы разспросить о дорогѣ; съ мужиками находился какой-то панъ, повидимому помѣщикъ. Последний велѣлъ обезоружить солдатъ. Трое рядовыхъ успѣли отбиться и убѣжали; четвертый и телѣги съ мукою, ранцами и оружіемъ всѣхъ четырехъ солдатъ были захвачены Венгерцами. Помѣщикъ будто бы сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ по бѣжавшимъ. Для выручки солдата, разузнанія дѣла и, въ случаѣ надобности, наказанія виновныхъ жителей, была командирована одна сотня казаковъ и командовавшему ею офи-

церу приказано захватить виновныхъ и сжечь ихъ дома. Произшествіе это случилось близъ м. Чать. Казаки окружили мѣстечко цѣпью. Передъ домомъ старшины нашли наши подводы, а въ самомъ домѣ два солдатскихъ ранца и двѣ каски. Жители почти всѣ разбѣжались; тѣмъ, которыхъ встрѣтили, объявили, что если солдата не выдадутъ, то ратуша и селеніе будутъ сожжены. Привели одного солдата, закованнаго въ цѣпи, оказавшагося рядовымъ Вологодскаго полка, — не того, котораго искали. Жители объявили, что этого солдата взяли за грабежъ, что солдатъ, взятый наканунѣ, убить, и что главный виновникъ убійства — какой-то фельдшеръ, пріѣхавшій сюда изъ Дебречина и возбуждавшій народъ къ возстанію, бѣжалъ. Казаки сожгли ратушу.

Другой случай былъ въ м. Легко. Для сбора подвозъ подъ транспортъ больныхъ, отправляемыхъ изъ Токая въ Кашау, посылали въ ближайшія селенія казаковъ. Двое изъ нихъ, съ проводникомъ, даннымъ отъ венгерскаго мѣстнаго начальства, пріѣхали въ Легко, и когда проводникъ объявилъ въ ратушѣ о подводахъ, рихтеръ (старшина селенія) будто бы велѣлъ бить въ барабанъ; жители сбѣжались, окружили казаковъ, бросились на нихъ, отобрали оружіе и лошадей, а ихъ самихъ отправили куда-то въ горы. Казаки эти ночью бѣжали и возвратились къ полку. Для наказанія мѣстечка командировали казацкую сотню. Рихтеръ, ксендзъ и всѣ жители отозвались совершеннымъ невѣдѣніемъ этого произшествія; однако же, рихтера, ксендза и трехъ гражданъ арестовали и увели съ собою; потомъ вскорѣ ихъ отпустили.

Въ обоихъ случаяхъ были виноваты, вѣроятно, сами солдаты и казаки, по меньшей мѣрѣ въ оплошности. Спокойствіе края и миролюбіе жителей дѣлали насъ слишкомъ довѣрчивыми и неосторожными, а пьяницамъ и бродягамъ внушали смѣлость производить безпорядки. Наши разъѣзжали по дорогамъ поодиночкѣ, верхомъ или въ экипажахъ и на подводахъ, какъ дома. Однакоже, во все продолженіе войны ни съ однимъ офицеромъ не случилось никакого происшествія и несчастія; жители вездѣ оставались спокойными и даже одиночныхъ людей принимали дружелюбно и гостепріимно. Происшествія случались только съ нижними чинами, оказывавшимися всегда въ нетрезвомъ видѣ.

Мостъ черезъ р. Саіо на шоссе, ведущемъ изъ Токая къ гор. Мишкольцу, былъ разрушенъ еще прежде, въ продолженіе военныхъ дѣйствій между Австрійцами и Венгерцами. Для переправы войскъ 4-го пѣх. корпуса чрезъ эту рѣку, устроили заблаговременно, по распоряженію нашего главнокомандующаго, понтонный мостъ близъ д. Пога, на ближайшей проселочной дорогѣ, которая сворачивала съ шоссе влѣво, не доходя Мишкольца, и выходила за этимъ городомъ опять на шоссе, по которому шли отъ Мишкольца главные силы нашей арміи. Для устройства моста и его защиты были оставлены отъ 3-го пѣхотнаго корпуса рота саперъ, рота пѣхоты и эскадронъ кавалеріи. По окончаніи переправы 4-го корпуса, понтонны и означенныя части войскъ отправлены усиленными переходами на присоединеніе къ главнымъ силамъ, въ м. Гюнгіосъ.

Въ продолженіе того времени, какъ 4-й пѣх. корпусъ ходилъ къ Дебречину и возвращался оттуда, главныя силы арміи двигались на Форро, Мишкольцъ, Мезо-Кевездъ и Капольно. Во время пребыванія ихъ въ Мишкольцѣ, 22 іюня было получено свѣдѣніе, что партія мятежниковъ, въ числѣ 500 человекъ, сдѣлала нападеніе на нашъ транспортъ, слѣдовавшій изъ округа Тарно, но была отбита прикрывавшею транспортъ ротою Полтавскаго полка. Для разсѣянія этой и другихъ партій, собравшихся, по слухамъ, въ окрестностяхъ м. Тарно, былъ посланъ изъ Мишкольца конномусульманскій полкъ съ двумя орудіями, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Засса. На пути генераль Зассъ получилъ свѣдѣніе, что Венгерцы собираются въ партіи въ городахъ Розенау и Орольягъ. 24 іюня

VI.

Движеніе Гергея отъ крѣпости Коморна и преслѣдованіе его русскою арміей.

Въ продолженіе того времени, какъ 4-й пѣх. корпусъ ходилъ къ Дебречину и возвращался оттуда, главныя силы арміи двигались на Форро, Мишкольцъ, Мезо-Кевездъ и Капольно. Во время пребыванія ихъ въ Мишкольцѣ, 22 іюня было получено свѣдѣніе, что партія мятежниковъ, въ числѣ 500 человекъ, сдѣлала нападеніе на нашъ транспортъ, слѣдовавшій изъ округа Тарно, но была отбита прикрывавшею транспортъ ротою Полтавскаго полка. Для разсѣянія этой и другихъ партій, собравшихся, по слухамъ, въ окрестностяхъ м. Тарно, былъ посланъ изъ Мишкольца конномусульманскій полкъ съ двумя орудіями, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Засса. На пути генераль Зассъ получилъ свѣдѣніе, что Венгерцы собираются въ партіи въ городахъ Розенау и Орольягъ. 24 іюня

отрядъ генерала Засса встрѣтилъ у с. Дебродъ непрі-
ятельскую роту, которая открыла по немъ ружейный
огонь. Шедшая впереди сотня мусульманъ, подъ на-
чальствомъ капитана Казбека, бросилась на непрі-
теля въ шашки, опрокинула и преслѣдовала его въ
ближайшій лѣсъ и взяла въ плѣнъ 23 человекъ. От-
сюда генералъ Зассъ прошелъ еще нѣкоторое разстоя-
ніе двумя дорогами, на Розенау и Орольягъ, захва-
тилъ нѣсколько плѣнныхъ и два значка и ночью того
же числа возвратился въ окрестности Мишкольца, сдѣ-
лавъ въ двое сутокъ болѣе 140 верстъ *).

По переходѣ черезъ рѣку Саю, 4-й пѣхотный кор-
пусъ прибылъ 1 іюля въ м. Мезо-Кевездъ и здѣсь
вышелъ на путь движенія главныхъ силъ, на шоссе,
которое шло на юго-западъ къ Песту, по равнинѣ Тей-
сы, между Карпатскими горами, лежащими съ правой,
сѣверозападной, стороны и этою рѣкою—съ лѣвой, из-
рѣдка пересѣкая послѣднія отлогія отрасли, отходящія
отъ Карпатовъ къ Тейсѣ. Главная квартира съ частью
остальныхъ войскъ находилась тогда въ Гіонгіосѣ,
только въ двухъ переходахъ впереди 4-го пѣхотнаго
корпуса,—изъ чего видно, что армія шла медленно,
по какимъ бы то ни было причинамъ или соображе-
ніямъ. По расчету времени и по распоряженію главно-
командующаго, мы должны были догнать главную квар-
тиру у Гатвана и оставаться позади нея постоянно

---

*) Всѣ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ и движеніяхъ войскъ, входившихъ
въ составъ главныхъ силъ арміи, взяты изъ официальныхъ свѣдѣ-
ній о военныхъ дѣйствіяхъ, опубликованныхъ въ то время въ га-
зетахъ.

въ одномъ переходѣ;—отъ Гатвана до Песта или до Вайцена только два перехода.

Всѣ участвовавшіе въ Венгерской войнѣ въ составѣ главной русской арміи, безъ сомнѣнія, помнятъ большое мѣстечко Мезо-Кевездъ и его трактиръ, который, какъ говорили тогда, выдержалъ столько атакъ всѣхъ проходившихъ корпусовъ и долго оставался невредимъ среди окружавшаго его опустошенія. Въ особенности 4-й пѣхотный корпусъ часто проходилъ чрезъ Мезо-Кевездъ: это былъ центръ его движеній въ продолженіе нѣкотораго времени. Трактиръ былъ постоянно полонъ сотнями русскихъ офицеровъ. Проворный хозяинъ Нѣмецъ успѣвалъ удовлетворять по возможности всѣмъ требованіямъ; его погреба были неисчислимы, пополняемые, вѣроятно, подвозомъ изъ гор. Ерлау, извѣстнаго своимъ краснымъ виномъ. Сотни бутылокъ и порцій котлетъ и бифштекса безпрестанно разносились между гостями; уходившія толпы смѣнялись новыми; пиръ шелъ и днемъ и ночью; между пирующими, или просто удовлетворявшими голодъ, слышались неумолкаемый, оглушительный говоръ, смѣхъ, споры, разсужденія о войнѣ; случались смѣшныя или буйныя сцены.

По слухамъ, венгерскія войска показались влѣво отъ нашего пути, въ г. Чолнокъ, въ м. Арокъ-Сцаласъ и с. Поросло; послѣднее лежало на правой сторонѣ Тейсы, недалеко отъ Мезо-Кевезда. Для разъясненія слуховъ, отъ 4-го пѣх. корпуса посылались казачьи разъѣзды до Поросло, черезъ которое непріятель долженъ былъ проходить, еслибы перешелъ Тейсу у м. Тисса-Фюреда, гдѣ прежде былъ мостъ, теперь разру-

шенный. Разъѣзды никого не открыли. Во время недавняго пребыванія 4-го корпуса въ Дебречинѣ и поѣздки моей въ Польшаръ, находящійся въ недалекомъ разстояніи отъ Тисса-Фюреда, венгерскихъ войскъ не было на лѣвой сторонѣ Тейсы, и хотя послѣ того они могли прибыть туда, но нельзя было ожидать, чтобъ они рѣшились перейти на правый берегъ Тейсы и стать между этою трудно-переходимою рѣкою и русскою арміею.

Недалеко отъ Мезо-Кевезда, правѣе пути нашихъ войскъ, въ Карпатскихъ горахъ лежитъ богатый городъ Ерлау. По свѣдѣніямъ главнаго штаба, жители его отличались особенною приверженностію къ правительству Кошута и враждою къ Австрійцамъ; по слухамъ, въ окрестностяхъ его бродило до 1.000 гверильясовъ, которые могли найти большую опору въ такомъ городѣ и беспокоить тылъ и сообщеніе нашихъ войскъ. Для разсѣянія шаяекъ и для приведенія въ повиновеніе города, еслибы въ немъ оказались опасные признаки враждебнаго къ намъ расположенія, а также для сбора продовольственныхъ припасовъ, по приказанію главнокомандующаго, послали въ Ерлау отъ 4-го корпуса отрядъ изъ уланскаго и Донскаго казачьяго полковъ съ Донскою батареей, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Кузнецова. Отрядъ этотъ выступилъ изъ Мезо-Кевезда 2 іюля и того же числа вошелъ въ Ерлау. Городъ былъ спокоенъ. Уланы съ артиллеріею стали на главной площади, а казаки въ окрестностяхъ. Посланные въ горы во все стороны разъѣзды для открытія шаяекъ гверильясовъ никого не нашли и не видѣли. На башнѣ города развѣвалось трехцвѣтное республиканское знамя; его сняли и замѣнили австрій-

скимъ. Генераль Кузнецовъ собралъ мѣстное начальство и важнѣйшихъ жителей города и потребовалъ, чтобъ Ерлау выставилъ для продовольствія нашихъ войскъ 200.000 порцій. Жители отозвались совершенною невозможностію исполнить это требованіе, потому что Ерлау населенъ ремесленниками и садоводами и, окруженный горами, не имѣетъ полей, засѣянныхъ хлѣбомъ. По настоятельному требованію, они однакоже собрали до 50.000 порцій, часть которыхъ была взята отрядомъ, а другая, по недостатку подводъ, оставлена въ магазинахъ, съ обязательствомъ городского начальства сохранить ихъ въ цѣлости и выдать нашимъ войскамъ при первомъ требованіи.

4-й пѣхотный корпусъ 2 іюля перешелъ въ с. Сигаломъ, а 3 двинулся въ м. Капольно. 2 іюля, когда главная квартира нашей арміи, при слѣдованіи по прямому пути отъ Мишкольца къ Песту, находилась въ с. Гатванѣ, въ ней получено увѣдомленіе отъ главнокомандующаго австрійскою арміею, генерала Гайнау, что главная армія мятежниковъ, подъ начальствомъ Артура Гергея, выступила изъ крѣпости Коморна и потянулась лѣвымъ берегомъ Дуная, т. е. сѣвернѣе и съ правой стороны нашего движенія. Прекращеніе Гергеемъ наступательныхъ дѣйствій противъ Австрійцевъ и отступленіе его отъ кр. Коморна, въ которой онъ оставилъ сильный гарнизонъ, произошли, вѣроятно, главнымъ образомъ отъ наступленія русской арміи къ Дунаю, — наступленія, отрѣзывавшаго Гергея отъ центральной Венгріи и отъ другихъ венгерскихъ войскъ, находившихся тамъ. Гайнау не преслѣдовалъ Гергея, такъ какъ послѣдній не могъ миновать рус-

ской арміи, и двинулся съ австрійскою арміею къ Песту, для дѣйствій противъ другихъ венгерскихъ войскъ, находившихся въ сторонѣ Песта и далѣе на югѣ Венгріи. Затѣмъ дѣйствія русской и австрійской армій происходили отдѣльно, на отдаленныхъ другъ отъ друга театрахъ войны: первой—противъ арміи Гергея, остулавшей отъ Дуная на сѣверо-востокъ, а послѣдней—противъ войскъ сосредоточенныхъ подъ команду Дембинскаго и отступавшихъ на югъ внизъ по Дунаю.

Предполагая, что Гергей можетъ отъ Дуная поворотить въ горы, взять направленіе сѣвернѣе пути нашей арміи, чрезъ горные комитаты Венгріи, и выйти на наши сообщенія съ городомъ Кашау и Галиціей, что должно было произойти неизбѣжно, еслибы Гергей не рѣшился атаковать тотчасъ русскую армію, или принять отъ нея отдѣльное сраженіе, — кн. Паскевичъ предписалъ 4-му пѣх. корпусу, для охраненія нашихъ сообщеній, возвратиться къ Мишкольцу, если можно, въ два перехода. Приказаніе это получено 4-мъ корпусомъ утромъ 3 іюля, на пути изъ Сигалома къ Капольно; корпусъ поворотилъ назадъ и ночевалъ въ Мезо-Кевездѣ. Здѣсь соединился съ нимъ отрядъ генерала Кузнецова, ходившій въ Ерлау. 4 іюля корпусъ перешелъ на ночлегъ въ с. Гарсаны, лежащее на послѣднихъ отлогостяхъ Карпатъ.

При движеніи отъ Мезо-Кевезда къ Мишкольцу, стали безпрестанно получаться изъ разныхъ источниковъ свѣдѣнія о появленіи непріятеля со всѣхъ сторонъ; онъ будто за кишилъ кругомъ насъ. Говорили, что на равнинахъ Тейсы показались передовыя части—съ юга 30-тысячнаго корпуса Высоцкаго, съ востока, въ с.

Польгаръ, корпуса Бема, въ Токаѣ—венгерскіе гусары отдѣльнаго отряда, въ Ерлау—отряды изъ арміи Гергея, и проч. Казацкіе разѣзды, посланные въ горы и на равнины, ничего не открыли. По послѣдствіямъ надо полагать, что слухи эти распускались Мадьярами нарочно, чтобы скрыть настоящія движенія своихъ войскъ, но распускались согласно, какъ будто по командѣ, по распоряженію, исходившему изъ одного источника.

Однакоже близость непріятеля и встрѣчи съ нимъ становились день ото дня ощутительнѣе. Всѣ селенія, чрезъ которыя мы проходили, были теперь болѣе пусты, чѣмъ прежде. При вступленіи въ нихъ войскъ постоянно слышался звонъ колокола приходской церкви, какъ набатъ или какъ условный знакъ, чего прежде не замѣчалось. Въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ войска ночевали, дома находили запертыми; нѣкоторые были пусты; въ нѣкоторыхъ, послѣ угрозы, что разломаютъ двери, являлись одна или двѣ женщины-старухи; мужчинъ не видѣли, и на вопросъ, гдѣ они, обыкновенно отвѣчали, что они работаютъ въ полѣ; но въ ближайшихъ поляхъ также не было никого видно; снопы хлѣба стояли не убранными. Вѣроятно, большая часть жителей съ своими семействами, имуществомъ и стадами ушли въ глубину страны, въ горы или степи. Были слухи, что эмиссары Кошута, разсѣянные въ краѣ, возбуждаютъ жителей къ поголовному возстанію. 3 іюля офицеръ и 10 солдатъ Якутскаго пѣх. полка, посланные въ Ерлау для покупки спирту, были, по ихъ показанію, окружены толпою жителей въ то время, когда они укладывали на телѣги купленные вещи. Сначала въ нихъ стали бросать камнями, потомъ за-

вязалась драка; офицеръ и 6 человѣкъ рядовыхъ, собравшись въ кучу и защищаясь штыками, успѣли уйти изъ города; остальные четыре человѣка были задержаны. Но въ слѣдъ за этимъ изъ Ерлау явилась въ корпусный штабъ депутація съ извиненіями и объясненіемъ происшествія частною ссорою въ винномъ погребѣ, гдѣ, по случаю праздника, собралось довольно много празднаго народа, и наши солдаты, какъ и жители, были на-веселѣ. Задержанные солдаты возвратились.

Впрочемъ, и въ это время встрѣчались Мадьяры, которые, можетъ-быть, по ихъ хозяйственнымъ надобностямъ, не покидали края. Они жили въ красивыхъ, превосходно меблированныхъ домахъ, въ мѣстечкахъ или въ отдѣльных усадьбахъ и хуторахъ, лежащихъ на пути отъ Мишкольца къ Песту, и имѣли повидимому всѣ средства богатой жизни. По ихъ объясненіямъ, прежде они принадлежали къ классу мелкаго дворянства, пользовались особыми правами, не платили податей и были освобождены отъ всѣхъ общественныхъ повинностей. Послѣдняя революція Венгріи оставила имъ землю, но отняла всѣ особые преимущества. И между ними были преданные революціонному правительству, служившіе въ венгерскихъ войскахъ; но большинство было недовольно настоящимъ переворотомъ и не любило Кошута, какъ главнаго представителя революціи и особенно какъ виновника прихода русскихъ войскъ и соединенныхъ съ войною раззоренія и несчастій. Однажды я увидѣлъ между подводчиками, везшими солдатскій хлѣбъ, очень хорошо одѣтаго человѣка. Я спросилъ, кто онъ такой, и онъ отвѣчалъ мнѣ, что

онъ изъ ближайшаго мѣстечка, пріѣхалъ по своимъ дѣламъ въ Мишкольцъ на короткое время; прежде онъ былъ дворянинъ; но мѣстное начальство Мишкольца взяло его съ лошадьми, какъ обязаннаго теперь наравнѣ съ другими нести подводную повинность, и отдало въ одинъ изъ нашихъ полковъ. Венгерцу очень не нравилось это, но не хотѣлось бросить своихъ превосходныхъ лошадей, и онъ терпѣливо перевозилъ тяжести. Сначала онъ проѣхалъ съ ними два перехода, и его отпустили; онъ подѣзжалъ уже къ своему дому, но на дорогѣ его взяли снова сами войска, и онъ опять повезъ что-то; его еще разъ отпустили, онъ еще разъ былъ близко къ своему дому, и его опять взяли; теперь онъ везъ полковыя тяжести обратно въ Мишкольцъ и надѣялся, что это въ послѣдній разъ. Разсказъ свой онъ закончилъ проклятіями Кошуту. — На привалѣ одного изъ переходовъ, между Мишкольцемъ и Капольно, нѣсколько нашихъ офицеровъ зашли въ отдѣльно стоявшій, съ нѣсколькими надворными строеніями, близъ дороги домъ, хозяинъ котораго оказался землевладѣльцемъ, прежнимъ дворяниномъ. Онъ принялъ насъ любезно и просилъ пособить его бѣдѣ: онъ указалъ намъ въ окно на свои поля, гдѣ стоялъ въ снопахъ сжатый ячмень и овесъ; солдаты остановившихся на привалѣ обозовъ въ одно мгновеніе растащили снопы и разбросали ихъ въ кормъ лошадямъ; поле опустѣло. Хозяинъ сначала жаловался на войну, на свое несчастіе, говорилъ, что это послѣдній его хлѣбъ, вся его надежда, что онъ послѣ этого останется нищимъ; но потомъ успокоился, махнулъ рукой и излилъ свое горе въ энергическомъ ругательствѣ Кошуту.

Кромѣ Мадыаръ изъ дворянскаго сословія, недовольныхъ настоящими переворотами, Венгрія была наполнена Нѣмцами, которые большею частію, по своимъ интересамъ, оставались равнодушными къ вопросамъ, рѣшавшимся въ настоящее время, и смотрѣли на войну только съ точки зрѣнія выгоды или раззоренія. Русскій почти во всякомъ селеніи могъ найти трактирщика или погребщика Нѣмца, который всегда былъ готовъ накормить его за деньги. Если кому случилось быть у Мадыара, его принимали какъ гостя и за пищу не хотѣли брать денегъ.

Утромъ 5 іюля, передъ выступленіемъ корпуса изъ Гарсанъ въ Мишкольць, гдѣ находился въ то время Селенгинскій пѣх. полкъ и госпиталь арміи, меня, въ числѣ многихъ другихъ офицеровъ, послали впередъ въ Мишкольць, однихъ—для заготовленія войскамъ квартиръ и выбора мѣста бивуака, а другихъ—для разныхъ покупокъ. Говорили, что городъ богатый и торговый, что въ немъ можно найти все нужное для войскъ и хорошо пообѣдать. Кромѣ продовольственныхъ запасовъ, потребныхъ для офицеровъ и нижнихъ чиновъ,—спирта или водки, вина, сахара, кофе, крупы, муки и проч.,—во время похода платье носится скоро, и всѣмъ кое-что нужно, напр. сапоги, чулки, нитки, сукно и проч. и проч.

Мишкольць не великъ, но красивъ; много лавокъ, магазиновъ, разныхъ мастерскихъ, кофеенъ, трактировъ и проч.—Городъ лежитъ въ долинѣ между горами, которыя здѣсь оканчиваются; съ другой, восточной, стороны его начинается плоская равнина Тейсы. Въ нѣкоторыхъ богатыхъ домахъ я увидѣлъ иконы

греческой живописи, передъ которыми теплились лампы. Оказалось, что въ Мишкольцѣ около 200 семействъ Грековъ православнаго исповѣданія. Предки ихъ переселились сюда въ давнія времена изъ Византійской имперіи, вѣроятно послѣ покоренія Константинополя Турками. — Они сохранили греческій очеркъ лица, черные волосы; всѣ принадлежатъ къ богатому торговому сословію и одѣваются въ обще-европейское платье. По ихъ словамъ, чистыхъ Грековъ во всей Венгріи болѣе 10 тысячъ; дѣйствительно, я послѣ встрѣчалъ ихъ во всѣхъ городахъ, въ которыхъ мнѣ случалось бывать, и слышалъ тѣ же рассказы. Прежде ихъ было гораздо болѣе, но часть ихъ слилась съ господствующимъ мадьярскимъ населеніемъ. Отъ такого сліянія съ Греками и съ выходцами другихъ южныхъ племенъ, многія семейства высшаго мадьярскаго сословія сдѣлались черноволосы и горбоносы, тогда какъ большинство Мадьяръ низшаго сословія, хлѣбопашцы, остались бѣлокуры. Въ Мишкольцѣ есть также Славяне православнаго греческаго исповѣданія и богатая греческая церковь, довольно хорошей архитектуры, съ большимъ, похожимъ на наши, куполомъ; задняя часть церкви отгорожена сквозною рѣшеткой и назначена для женщинъ. Здѣшніе Греки говорили, что прежде вся Венгрія исповѣдывала греко-восточную вѣру; но, съ принятіемъ большинствомъ населенія католицизма и потомъ, преимущественно Мадьярами, кальвинизма, многія православныя церкви были обращены въ костелы и кирки; онѣ до сихъ поръ сохранили свою старую архитектуру. Въ настоящее время всѣхъ жителей

православнаго греческаго исповѣданія, преимущественно Славянъ, считается въ Венгріи около полумилліона.

Въ самомъ разгарѣ нашихъ хлопотъ въ Мишкольцѣ, вдругъ получилоcь увѣдомленіе, что корпусъ, выступивъ изъ Гарсанъ, былъ возвращенъ опять назадъ къ Мезо-Кевезду. Всѣ бросились изъ города догонять корпусъ, и счастливъ былъ тотъ, кто успѣлъ кое-чѣмъ заpastись и пообѣдать. Обратное направленіе корпуса къ сторонѣ главной арміи произошло по слѣдующимъ причинамъ.

Венгерская армія Гергея, выступивъ изъ кр. Коморна, слѣдовала лѣвымъ берегомъ Дуная, на востокъ, и выдвинулась къ г. Вайцену въ числѣ, какъ полагали у насъ, 40 тысячъ при 160 орудіяхъ; свѣдѣнія о движеніи этомъ подтвердились нашими разъѣздами, высланными отъ передоваго отряда генералъ-маіора кн. Бебутова. У Вайцена Дунай и путь движенія непріятельской арміи лѣвою стороною этой рѣки поворачиваютъ на югъ, къ сторонѣ русской арміи, находившейся въ это время южнѣе Вайцена, въ окрестностяхъ сел. Гатвана, отстоящаго какъ отъ Песта, такъ и отъ Вайцена на два перехода. Въ предписаніи главнаго штаба арміи командиру 4-го корпуса было сказано, что, по недостатку точныхъ свѣдѣній о силахъ и намѣреніяхъ непріятеля, можно было предполагать по этому движенію, что онъ пришелъ атаковать насъ. Въ то же время въ главной квартирѣ были получены извѣстія, что другая часть непріятельскихъ войскъ двигалась отъ Чолнока на Капольно или Гатванъ, въ намѣреніи дѣйствовать противъ насъ

съ южной стороны. Сосредоточивъ главныя силы арміи у Гатвана и двинувшись съ ними къ Вайцену, на встрѣчу венгерской арміи, атакованной уже 3 іюля авангардомъ нашимъ подъ начальствомъ генерала Засса, главнокомандующій 4 іюля предписалъ генералу Чеодаеву оставить прежнее направленіе на Мишкольцъ и двинуться назадъ въ Капольно и потомъ въ Гатванъ, еслибъ оказалось надобнымъ. Распоряженіе это 4-й корпусъ получилъ утромъ 5 іюля, при слѣдованіи изъ Гарсанъ къ Мишкольцу, какъ значится выше, тотчасъ поворотилъ назадъ по прежнему своему пути, того же числа перешелъ въ Мезо-Кевездъ, 6-го въ Капольно, 7-го выступилъ къ Гюнгіосу, прошелъ половину перехода и сдѣлалъ привалъ у с. Гальмай, гдѣ застало его новое распоряженіе.

Между тѣмъ, главныя силы нашей арміи встрѣтились съ венгерскою арміею *) у Вайцена, города лежащаго на Дунаѣ, между этою рѣкою и юго-западною послѣднею грядою Карпатовъ. Въ официальныхъ свѣдѣніяхъ сказано только, что 5 іюля Русскіе атаковали Гергея на его позиціи близъ этого города, и онъ отступилъ къ сѣверу на Вадкертъ. Потомъ наступило, непродолжительное впрочемъ, время какъ бы недоумѣнія и бездѣйствія, производившихъ общее впечатлѣніе, что наше наступленіе не достигло своей бли-

---

*) Войска, находившіяся подъ начальствомъ Гергея, я называю арміею, а не корпусомъ, потому что сами Венгерцы называли ихъ арміею, и они имѣли составъ арміи: три корпуса, раздѣленные на дивизіи. Хотя корпуса были немногочисленны, но имѣя такую организацію и дѣйствуя въ своемъ краѣ, могли легко пополняться и увеличиваться.

жайшей цѣли, что Гергей ускользнулъ отъ насъ и разстроилъ наши расчеты. Всякая неудача, особенно при сознаніи своей силы, производитъ въ массѣ неудовольствіе, и, естественно, неудачу относятъ не къ слабости могущественной арміи, а къ ошибкамъ главныхъ распорядителей. Я не былъ подъ Вайценомъ и не могу сказать ничего вѣрнаго и точнаго; но считаю не бесполезнымъ записать нѣкоторые изъ тѣхъ многочисленныхъ слуховъ и разсказовъ, которые ходили въ войскахъ, и то мнѣніе, которое въ продолженіе войны составилось о Вайценскомъ дѣлѣ. Были даже сочинены стихи, въ которыхъ всѣ военныя дѣйствія представлены въ смѣшномъ видѣ. Меня могутъ укорить, зачѣмъ я записываю невѣрные слухи и мнѣнія; но въ арміи, во время самой войны, они не могли быть слишкомъ невѣрными; нѣкоторые изъ нихъ были, можетъ-быть, болѣе вѣрны, чѣмъ официальные свѣдѣнія.

Генералъ-лейтенантъ Зассъ, извѣстный своими блестящими дѣйствіями на Кавказѣ, находился съ авангардомъ арміи нѣсколько впереди главныхъ силъ, къ сторонѣ Песта. Получивъ увѣдомленіе о появленіи венгерскихъ войскъ Гергея вправо, у Вайцена, онъ 3 іюля выдвинулся съ авангардомъ къ этому городу усиленнымъ переходомъ и атаковалъ только-что прибывшія и утомленные передовыя непріятельскія войска. Въ завязавшейся артиллерійской перестрѣлкѣ, у генерала Засса было подбито нѣсколько орудій, но онъ удержался на мѣстѣ, можетъ-быть оттого, что Венгерцы не перешли въ наступленіе, а ограничились дѣйствіемъ артиллеріи, обороною. Говорили, что атака генерала

Засса была признана начальствомъ неблагоразумною, что за нее сдѣлали ему выговоръ, и что о немъ донесли, какъ о генералѣ неспособномъ командовать регулярными войсками. Однако въ войскахъ существовало и другое мнѣніе: каждый смѣлый подвигъ имъ нравится; къ тому же генералъ Зассъ не былъ разбитъ, даже не былъ опрокинутъ и не испортилъ общаго хода дѣла. Движеніе Гергея къ Вайцену и безъ атаки генерала Засса привлекло бы къ этому городу русскую армію. Нѣтъ основаній предполагать, что безъ этой атаки Гергей прошелъ бы далѣе Вайцена, сблизился бы съ нами болѣе и могъ быть вѣрнѣе разбитъ; вѣроятно, онъ не пошелъ бы далѣе, къ югу, но, привлеки къ себѣ русскую армію, отступилъ бы по тому же пути, по которому отступилъ послѣ нашей атаки. Блестящія дѣйствія нашей 9-й пѣхотной дивизіи, находившейся въ составѣ австрійской арміи, нѣсколько познакомили уже насъ съ венгерскими войсками; повидимому, мы не имѣли особыхъ причинъ быть слишкомъ осторожными и не пытаться счастья смѣлыми предпріятіями. Къ смѣлымъ дѣйствіямъ полезно быть по меньшей мѣрѣ снисходительнымъ: они вообще рѣдки и свидѣтельствуютъ о военныхъ свойствахъ человека, которыя полезно поддерживать и развивать.

Въ самомъ разгарѣ дѣла, къ Вайцену подошла наша кавалерія и прибылъ генералъ графъ Ридигеръ, принявшій начальство надъ всѣми собравшимися здѣсь войсками. Въ распоряженіи графа Ридигера было 8 баталіоновъ, 36 эскадроновъ и 56 орудій. Можетъ-быть, при болѣе рѣшительномъ наступленіи этихъ войскъ, они опрокинули бы венгерскія войска, выдвинувшіяся

передъ Вайценъ и отдѣленные этимъ городомъ отъ своихъ главныхъ силъ. Къ тому же нельзя было ожидать, чтобы Венгерцы, въ виду приближенія всей русской арміи, рѣшились перейти сами въ наступленіе; намъ даже былъ расчетъ своими атаками выманить ихъ изъ занимаемой ими позиціи и отвлечь далѣе отъ Вайцена, въ чемъ и можетъ состоять оправданіе генерала Засса. Но графъ Ридигеръ нашелъ необходимымъ не отводить войска изъ-подъ непріятельскихъ выстрѣловъ и не производить наступленія и атаки. Въ продолженіе всего остального дня, до ночи продолжалась одна артиллерійская перестрѣлка, самая невыгодная для насъ, потому что венгерская артиллерія превосходила нашу въ дальности выстрѣловъ.

4 іюля вся наша армія прибыла усиленнымъ переходомъ изъ Гатвана къ Вайцену; но фельдмаршалъ кн. Паскевичъ отложилъ атаку до 5 іюля, чтобы, какъ говорили, дать отдыхъ утомленнымъ войскамъ. Весь день 4 іюля непріятель стоялъ еще подъ Вайценомъ. Въ ожиданіи большаго сраженія, у насъ дѣлались разнообразные распоряженія: писались диспозиціи; армія строилась въ боевой порядокъ. Раннимъ утромъ 5 іюля видѣли еще венгерскіе аванпосты передъ Вайценомъ; но наша атака не начиналась почему-то долго, — объясняли потому, что главнокомандующій, будто бы, наканунѣ приказалъ не начинать боя безъ его личнаго приказанія и собственныхъ распоряженій; но, какъ человекъ преклонныхъ лѣтъ, утомленный продолжительнымъ походомъ и, можетъ-быть, отвыкшій въ своемъ долгомъ намѣстничествѣ въ Варшавѣ отъ походной жизни и потерявшій ту энергію дѣйствій, которою онъ

прославился прежде въ Персидскую, Турецкую и Польскую войны, — будто бы долго не выѣзжалъ къ войскамъ. Между тѣмъ, въ ночь съ 4 на 5 іюля, венгерская армія отступила и продолжала еще выходить изъ Вайцена утромъ 5 іюля. Наша поздняя атака этого числа, и то не общая, а отдѣльными небольшими частями, началась тогда, когда на позиціи венгерской арміи остались незначительныя части войскъ; ихъ легко опрокинули.

Впрочемъ, Вайценское дѣло не имѣетъ значенія какъ сраженіе, или какъ побѣда, и важно только по удачному отступленію Гергея: въ первой встрѣчѣ враждующихъ армій преимущество осталось на сторонѣ Венгерцевъ. Доискиваясь причинъ этой нашей неудачи не по слухамъ, а по числамъ дней и переходовъ, можно прежде всего сказать, не опасаясь быть опрометчивымъ, что Гергей не ушелъ бы отъ насъ, еслибы наша армія пришла къ Вайцену ранѣе, хотя одновременно съ авангардомъ генерала Засса, свѣжею, неутомленною; — тогда не было бы основательныхъ причинъ откладывать атаку до другаго дня. Повидимому, это было для насъ удобоисполнимо. Хотя наканунѣ встрѣчи съ непріятелемъ мы сдѣлали усиленный переходъ отъ Гатвана, но весь путь отъ Кашау до Вайцена шли долго, слишкомъ медленно, по причинамъ и соображеніямъ можетъ быть уважительнымъ, напримѣръ отдыхъ и снабженіе войскъ продовольствіемъ, ожиданіе возвращенія 4-го корпуса изъ Дебречина и соединенія его съ главными силами и проч., — но зависѣвшимъ отъ насъ и, слѣдовательно, могшимъ быть отстраненными и, во всякомъ случаѣ, не уничтожающимъ факта медленности движенія.

Особенныхъ важныхъ причинъ, могшихъ замедлить слѣдованіе войскъ и пополненіе продовольственныхъ запасовъ, напримѣръ: близости непріятеля, военныхъ противъ него дѣйствій, возстанія жителей, — не было; мы были полными хозяевами края и ничѣмъ не связаны въ своихъ дѣйствіяхъ; все, повидимому, зависѣло отъ насъ самихъ. Чѣмъ болѣе подвигалась наша армія впередъ за Мишкольцъ, тѣмъ болѣе захватывала края, чрезвычайно плодороднаго между Мишкольцемъ и Пестомъ, и тѣмъ удобнѣе и скорѣе могла собирать продовольственные запасы. Главная квартира оставалась въ Мишкольцѣ шесть дней. Выше было видно, что она находилась тамъ еще 22 іюня. По расчету переходовъ (отъ Мишкольца до Вайцена семь обыкновенныхъ переходовъ), даже выступивъ оттуда 23 іюня и дѣлая дневки, армія могла быть въ Гатванѣ къ 1 іюля, а 2-го двинуться къ Вайцену, тотчасъ по полученіи увѣдомленія о движеніи Гергея отъ Коморна.

Еще важнѣе была, повидимому, небольшая остановка и промедленіе, въ самую рѣшительную минуту, въ Гатванѣ, по полученіи здѣсь 2 іюля отъ главнокомандующаго австрійскою арміею увѣдомленія о движеніи Гергея отъ Коморна лѣвымъ берегомъ Дуная, — увѣдомленія, опредѣлявшаго точно цѣль нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Изъ предписанія командиру 4-го корпуса видно, что, получивъ 2 іюля это увѣдомленіе, главнокомандующій не тотчасъ рѣшился двинуться къ Вайцену, а сначала, изъ опасенія, что Гергей можетъ пойти горными комитатами Венгріи, сѣвернѣе пути нашей арміи и выйти въ Мишкольцъ или въ другомъ мѣстѣ на наши сообщенія, 2 же іюля возвратилъ 4-й корпусъ

(съ перехода изъ Сигалома въ Капольно) къ Мишкольцу, а потомъ, узнавъ, что Гергей дошелъ уже до Вайцена и атакованъ нашимъ авангардомъ, возвратилъ 4-й корпусъ опять отъ Мишкольца къ сторонѣ Гатвана и самъ съ главными силами двинулся къ Вайцену. Движеніе 4-го корпуса назадъ и впередъ было бесполезно: впослѣдствіи оказалось, что главнокомандующій не довѣрялъ силамъ одного 4-го корпуса для отдѣльныхъ дѣйствій противъ венгерской арміи; и вообще всѣ эти расчеты, произведшіе хотя бы кратковременную остановку въ Гатванѣ, кажутся невѣрными.

По достиженіи нами Гатвана, армія Гергея, отступавшая отъ Коморна, очевидно, становилась главною цѣлью нашихъ дѣйствій, такъ какъ она составляла главныя силы Венгріи и должна была пробиваться на югъ мимо насъ, чему мы должны были противодѣйствовать. Въ такомъ случаѣ, намъ напрасно было задерживаться венгерскими войсками, находившимися къ югу отъ насъ, — они имѣли путь отступленія въ центральную Венгрію позади себя, могли уклониться отъ боя и отвлечь насъ отъ Гергея. Главныя силы нашей арміи были достаточно сильны, чтобы дѣйствовать, изъ своего центрального положенія въ Гатванѣ, противъ разъединенныхъ корпусовъ Дембинскаго, Высоцкаго, Гергея и др., не считывая на содѣйствіе 4-го корпуса и австрійской арміи, могли пользоваться этимъ разъединеніемъ непріятельскихъ силъ и не терять времени. Къ тому же 4-й корпусъ, находясь близъ Гіонгіоса, могъ угрожать венгерскимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ съ юга. Возможность поворота Гергея въ горные комитаты не должна бы останавливать насъ преждевременно. Если мы уже

зашли такъ далеко, до Гатвана, то намъ не оставалось ничего болѣе, какъ идти впередъ, чтобы скорѣе сблизиться съ непріятелемъ, а для этого, при расположеніи арміи въ Гатванѣ, самый кратчайшій путь велъ на Вайценъ; и потому, кажется, нашей арміи, по полученіи 2 іюля увѣдомленія о выступленіи Гергея изъ Коморна лѣвымъ берегомъ Дуная, слѣдовало немедленно идти къ Вайцену, не отвлекаясь и не задерживаясь другими могущими быть случайностями и возможностью встрѣтить Гергея движеніемъ назадъ въ болѣе отдаленномъ мѣстѣ, напримѣръ въ Мишкольцѣ или Кашау, и даже стараясь движеніемъ впередъ предупредить и отстранить невыгодную для насъ необходимость движенія назадъ, могшаго заставить насъ гоняться за нимъ по длиннымъ путямъ и оставлять вдали отъ него еще долго въ неизвѣстности, заблужденіи и нерѣшительности.

Можно сказать, что не было большой бѣды въ успѣшномъ отступленіи Гергея. Частная, неважная неудача не отнимала у насъ возможности будущихъ успѣховъ. Это справедливо. Здѣсь рѣчь идетъ собственно о томъ, что мы желали и дѣйствовали, чтобы разбить непріятеля или отрѣзать ему дальнѣйшее отступленіе, для чего сдѣлали нѣсколько сотъ верстъ и, очевидно, этой цѣли не достигли движеніемъ къ Вайцену.

Естественно, и дальнѣйшій послѣ Вайценскаго дѣла правильный ходъ нашихъ дѣйствій зависѣлъ отъ быстрого принятія вѣрнаго рѣшенія и немедленнаго исполненія его. Можно предпологать, что еслибы мы преслѣдовали отступающаго непріятеля быстро, по пятамъ, съ ранняго утра 5 іюля, то настигли бы его на первомъ переходѣ. При сильномъ нашемъ натискѣ, отступленіе

его могло обратиться въ бѣгство и привести его къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Чѣмъ быстрѣе отступалъ бы онъ, тѣмъ сильнѣе разстроивался бы. Неутомимое преслѣдованіе на слѣдующихъ переходахъ, хотя однимъ корпусомъ войскъ, даже безъ пораженія боемъ, могло доставить намъ большія выгоды. Но подъ Вайценомъ наши войска простояли на занятыхъ ими позиціяхъ весь день 5 іюля; только небольшія части преслѣдовали непріятеля на нѣкоторомъ пространствѣ и были возвращены къ Вайцену.

6 іюля главнокомандующій предписалъ генералу Чедоеву остановиться съ 4-мъ корпусомъ въ Капольно впредь до повелѣнія, быть осторожнымъ и посылать частые разѣзды вправо и влѣво для наблюденія, не примутъ ли войска Гергея направленія чрезъ Балясса-Гіармать на Шешени, на югъ къ Дебречину или Токаю, или изъ Вадкерта на Гіонгіосъ—на соединеніе съ Высоцкимъ, находящимся, по слухамъ, южнѣе насъ, между Чолнокомъ и Гевешемъ,—вывести поскорѣе изъ Мишкольца отрядъ генерала Рота и госпиталь и присоединить ихъ къ 4-му корпусу. При этомъ сообщалось, что главная квартира арміи прибудетъ въ Гіонгіосъ (въ одномъ переходѣ отъ Капольно) приблизительно около 9 іюля. Высказываемая въ предписаніи неизвѣстность—откуда своротятъ и куда направятся войска Гергея,—показываетъ, что его потеряли изъ виду тотчасъ по отступленіи его.

Впрочемъ, такія дѣйствія могли тогда имѣть свои основательныя причины. Нашъ главнокомандующій могъ не надѣяться настигнуть Гергея, отступавшаго въ своемъ краѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ могъ опасаться, при пре-

слѣдованіи его по пятамъ всею арміей, удалиться въ горы съ прежняго пути своихъ дѣйствій и сообщеній, на которомъ находился еще 4-й корпусъ и другія части, а при неизвѣстности настоящихъ силъ и достоинствъ венгерскихъ войскъ, послѣ недавняго отпора ими атакъ нашего авангарда у Вайцена, могъ опасаться отдѣлать для преслѣдованія одинъ корпусъ, могъ желать не дѣйствовать раздѣленными силами по разнымъ путямъ, а держать всю армію, подъ своимъ личнымъ начальствомъ, по возможности сосредоточенною. Одна неудача или одно недоразумѣніе неизбежно влекутъ за собою рядъ другихъ, сохраняя логическую связь событій.

4-й корпусъ получилъ выше приведенное предписаніе 7 іюля, при слѣдованіи изъ Капольно въ Гіонгіосъ, на привалѣ у Гальмая, того же числа воротился въ Капольно, гдѣ и ночевалъ.

Гергей, по отступленіи отъ Вайцена, двигался по дорогѣ, которая шла между главнымъ и второстепеннымъ хребтами Карпатовъ (послѣдній—отрасли перваго), сѣвернѣе пути нашей арміи и сообщеній ея съ Галиціей, возможность чего предвидѣлъ князь Паскевичъ до Вайцена и для чего 4-й корпусъ былъ направленъ 2 іюля къ Мишкольцу. Чтобы проникнуть южнѣе нашей арміи въ центральную Венгрію, на ея плодородныя равнины, населенныя Мадьярами, могшими давать Гергею все необходимое, чтобы длить войну и даже можетъ-быть поддержать его возстаніемъ, соединиться тамъ съ войсками Высоцкаго, Дембинскаго и другихъ,—онъ долженъ былъ перерѣзать путь движенія нашей арміи, прорваться чрезъ нее. Онъ могъ легче всего достигнуть этого, продолжая свое движеніе по самому удобному, единствен-

ному для него пути — на Лозанчъ, Рима-Шомбатъ, Путнокъ и Мишкольцъ; въ послѣднемъ городѣ онъ могъ надѣяться предупредить главныя силы нашей арміи, въ тылу ихъ перерѣзывалъ наши сообщенія, становился южнѣ насъ и избѣгалъ опасности быть отрѣзаннымъ и запертымъ въ горахъ. Едва ли Гергей рѣшился бы свернуть съ вышеозначеннаго пути въ Вадкертъ, на югъ къ Гіонгіосу, потому что здѣсь шли менѣе удобные пути поперекъ второстепеннаго хребта, а главное потому, что въ Гіонгіосѣ онъ, тотчасъ по отступленіи отъ Вайцена, вышелъ бы опять на русскую армію, находившуюся по близости. Ожиданіе подобнаго движенія Гергея на Гіонгіосъ или Мезо-Кевездъ не должно бы было, кажется, задерживать насъ между Вайценомъ и Гатваномъ ни одного лишняго дня.

Во всякомъ случаѣ, для исполненія обходнаго движенія, Гергею предстоялъ очень длинный путь кругомъ нашей арміи, а наша армія, находясь въ центрѣ его движенія, могла предупредить его во многихъ мѣстахъ. Изъ этихъ мѣстъ самое важное для насъ, какъ и для Гергея, былъ Мишкольцъ, потому что, предупредивъ насъ въ немъ, Гергей не только избѣгалъ опасности быть отрѣзаннымъ отъ центральной Венгріи и запертымъ въ горахъ, но становился самъ на нашихъ сообщеніяхъ и, владея переправою чрезъ Тейсу у Токая, овладѣвалъ равниною обѣихъ сторонъ этой рѣки, могъ притянуть къ себѣ нѣкоторые отдѣльные венгерскіе корпуса, находившіеся южнѣ насъ, вообще избрать это пространство для болѣе продолжительныхъ дѣйствій на нашихъ сообщеніяхъ, съ цѣлью повредить намъ по возможности болѣе, и, наконецъ, отсту-

пить въ Токаѣ за Тейсу. Судя по его прошедшимъ успѣхамъ, отъ него можно было ожидать предприимчивыхъ дѣйствій, и нельзя было имѣть основательную увѣренность, что онъ намѣренъ только отступить.

Слѣдовательно, нашей арміи, повидимому, было бы полезно двинуться изъ Вайцена въ Мишкольцъ безъ малѣйшаго промедленія на Гатванъ и Мезо-Кевездъ прежнимъ путемъ, имѣвшимъ семь обыкновенныхъ переходовъ, — столько же, сколько и путь Гергея между этими городами чрезъ Рима-Шомбать. Изъ предписанія генералу Чеодаеву отъ 6 іюля видно, что главнокомандующій сначала дѣйствительно предполагалъ двинуться тотчасъ отъ Вайцена и быть въ Гіонгіосѣ 9 іюля; но потомъ намѣреніе это измѣнилось: главные силы арміи оставались въ сторонѣ Вайцена дольше, и главная квартира, вмѣсто того, чтобы сдѣлать тотчасъ, какъ предполагалось, три перехода и быть въ Гіонгіосѣ 9 числа, сдѣлала до 11 іюля только два перехода и была этого числа въ Гатванѣ, не доходя одного перехода до Гіонгіоса.

Такую остановку и медленность движенія отъ Вайцена можно объяснить главнымъ образомъ тѣмъ, что нашъ главнокомандующій, не имѣя точныхъ свѣдѣній о направленіи движенія Гергея, предполагая, что онъ можетъ своротить на Гіонгіосъ или Мезо-Кевездъ, не надѣясь предупредить его въ Мишкольцѣ, къ которому венгерская армія была ближе нашей на одинъ или два перехода, не рассчитывая вѣроятно, чтобы Гергей остался въ Мишкольцѣ долго на нашихъ сообщеніяхъ, и желая дѣйствовать совокупными силами, не утомлять войска и не гоняться за Гергеемъ напрасно, — рѣшился

настигнуть его, или отрѣзать ему отступление, въ другомъ болѣе отдаленномъ мѣстѣ, — и надо полагать, что движеніе чрезъ Тисса-Фюредъ къ Дебречину, въ которомъ мы могли, повидимому, вѣрнѣе предупредить Гергея и при медленномъ, спокойномъ движеніи, было рѣшено тотчасъ послѣ Вайценскаго дѣла, 6-го или 7-го юля. — Хотя рѣшеніе это ясно высказалось позже, но безъ этого предположенія наша медленность трудно объяснима собственно военными расчетами. Можетъ-быть въ официальныхъ бумагахъ она объяснена другими причинами. Свои объясненія я не выдаю за безошибочныя и основываю ихъ только на видимомъ ходѣ военныхъ событій. Едва ли можно допустить, что насъ задержалъ опять сборъ продовольственныхъ запасовъ въ Вайценѣ, обобранномъ венгерскою арміей, или переговоры съ Австрійцами.

Впрочемъ, даже при существованіи уже плана движенія чрезъ Тисса-Фюредъ на Дебречинъ, было бы лучше, какъ покажутъ послѣдствія, еслибы, по отступленіи Гергея, наша армія или хотя главная квартира съ частию войскъ перешла тотчасъ отъ Вайцена ближе къ Гюнгіосу и 4-му корпусу. Въ послѣднемъ мѣстѣ, продолжая сборъ продовольственныхъ запасовъ, войска находились въ центральномъ, удобнѣйшемъ положеніи на всѣ могшія встрѣтиться случайности, — для дѣйствій ли противъ Гергея, еслибъ онъ своротилъ туда изъ Вадкерта, для движеній ли на Мишкольцъ, когда узнали бы вѣрно, что Гергей идетъ въ этотъ городъ и обстоятельства заставили бы насъ двинуться туда же, или на Тисса-Фюредъ и Дебречинъ, или опять къ сторонѣ Дуная, еслибы существовало ма-

ловѣроятное опасеніе, что, по удаленіи нашей арміи отъ Вайцена, Гергей возвратится къ этому городу для движенія отъ него на югъ прежнимъ путемъ—лѣвою стороною Дуная. Всѣ высказываемыя здѣсь предположенія—не болѣе какъ общія разсужденія о войнѣ, въ которыя не входятъ случайныя и особыя обстоятельства, напримѣръ, можетъ-быть, болѣзнь главнокомандующаго и другія.

Хотя 4-й корпусъ могъ предупредить Венгерцевъ въ Мишкольцѣ, но отдѣльныя дѣйствія этимъ корпусомъ противъ всей венгерской арміи не входили въ это время въ расчеты главнокомандующаго, какъ будетъ видно вслѣдъ за симъ.

Болѣе вѣрныя свѣдѣнія о движеніи Гергея на Мишкольцъ, а не на Гюнгюсъ, были получены въ главномъ штабѣ арміи 7-го іюля. Увѣдомляя объ этомъ, главнокомандующій предписывалъ генералу Чеодаеву: тотчасъ послать половину всей корпусной кавалеріи съ казаками и донскими батареями подъ командою походнаго атамана, генераль-лейтенанта Кузнецова, для спасенія отряда генераль-маіора Рота, находившагося въ Мишкольцѣ; отведя пѣхоту отряда генерала Рота до с. Абранъ, генераль Кузнецовъ долженъ остановиться верстахъ въ 15-ти и наблюдать за непріятелемъ, такъ чтобы не быть имъ разбитымъ; когда же непріятель пройдетъ Мишкольцъ, то броситься на его арріергардъ и преслѣдовать осторожно до самой Тейсы, стараясь подбирать усталыхъ и отставшихъ; держать пѣхоту въ такомъ разстояніи, чтобы непріятель, обратясь, не могъ разбить ее; и когда непріятель минуетъ Мишкольцъ, то остановиться близь этого города

на р. Саіо; другой же дивизіи 4-го корпуса слѣдовать за корпусомъ въ арріергардѣ. Если непріятель возьметъ направленіе на Кашау, то идти со всѣми силами 4-го корпуса ему во флангъ, и когда онъ минуетъ Кашау и направится къ Тейсѣ, то преслѣдовать его на два перехода и потомъ остановиться, не подходя къ Токаю около 15-ти верстъ.

Изъ этого видно, что главнокомандующій не пренебрегалъ венгерскими войсками и считалъ армію Гергея опасною для отдѣльнаго корпуса русскихъ войскъ; значить, она могла быть вообще опасна на нашихъ сообщеніяхъ.

8-го іюля 4-й корпусъ перешелъ въ Мезо-Кевездъ, а часть авангарда его, подъ начальствомъ генерала Кузнецова, въ составѣ отдѣльнаго отряда изъ одного гусарскаго, одного уланскаго и двухъ казачьихъ полковъ и одной донской батареи, въ с. Мезо-Ніарадъ, ближе къ Мишкольцу. Въ Мезо-Ніарадѣ генералъ Кузнецовъ узналъ, что отрядъ генерала Рота уже выступилъ изъ Мишкольца и находится внѣ всякой опасности. Въ тотъ же день отъ 4-го корпуса было послано нѣсколько разъѣздовъ для открытія непріятеля, вправо къ Тейсѣ на Кишфалю, Поросло и другія мѣста, и влѣво въ горы нѣсколько разъѣздовъ, между прочимъ сотня казаковъ подполковника Губкина, которому было приказано слѣдовать сначала на Ерлау, а потомъ чрезъ Верпелеть и Петервасару далѣе въ горы.

9-го іюля 4-й корпусъ перешелъ ближе къ Мишкольцу, отрядъ генерала Кузнецова въ с. Вату, а остальные части въ с. Абраны. Того же числа къ корпусу присоединился отрядъ генерала Рота, ко-

торый, выходя изъ Мишкольца 8-го іюля, ничего не слышалъ о Гергеѣ, и повидимому сами жители этого города не знали еще объ его движеніи. Отъ подполковника Губкина получено донесеніе, что, по собранныхъ имъ свѣдѣніямъ, непріятель 7-го іюля ночевалъ въ Рима-Шомбатъ, откуда, какъ говорили, онъ пойдетъ или на Мишколецъ, или на Кашау; но подполковникъ Губкинъ не успѣлъ еще перейти за второстепенный хребетъ Карпатовъ и разяснить эти свѣдѣнія. Другіе разъѣзды также не видѣли непріятеля и сообщили одни слухи о появленіи будто бы на равнинахъ Тейсы значительныхъ партій венгерскихъ гусаръ, приказывавшихъ жителямъ заготовить продовольствіе для войскъ, которыя должны прибыть туда вскорѣ, и о приближеніи къ Тейсѣ корпуса Бема. Курьеръ, посланный изъ главной квартиры въ 4-й корпусъ, видѣлъ въ Гіонгіосѣ нѣсколько венгерскихъ гусаръ, что показывало, что непріятельскіе разъѣзды, вѣроятно отъ войскъ находившихся южнѣ насъ у Чолнока, были уже на сообщеніяхъ главныхъ силъ арміи съ 4-мъ корпусомъ.

10-го іюля были опять посланы отъ 4-го корпуса нѣсколько разъѣздовъ въ разныя стороны, между прочимъ къ Мишкольцу одинъ разъѣздъ изъ 40 казаковъ, подъ командой генеральнаго штаба капитана Шлегеля, раннимъ утромъ, и другой, подъ моею командой, изъ одной сотни Донскаго № 41 полка сотника Киселева послѣ полудня. Первый разъѣздъ, прибывъ въ с. Чаба, недалеко отъ Мишкольца, узналъ отъ жителей, что городъ этотъ только-что занятъ передовымъ отрядомъ отъ арміи Гергея и что жителямъ

велѣно заготовить продовольствія на 28 тысячъ пѣхоты, 8 тысячъ кавалеріи и для артиллеристовъ при 80 орудіяхъ.

Выступивъ съ своею сотней по-полудни изъ с. Абранъ, я у с. Ваты встрѣтилъ возвращавшагося изъ разѣзда капитана Шлегеля, отъ котораго узналъ о прибытіи въ Мишкольцъ венгерскихъ войскъ. Не доѣзжая селенія Гарсанъ, я встрѣтилъ другой разѣздъ, состоявшій изъ взвода уланъ; командовавшій имъ офицеръ объявилъ, что какіе-то конные Венгерцы сдѣлали по немъ издали нѣсколько выстрѣловъ. При вѣздѣ въ Гарсаны мы встрѣтили бѣжавшаго нашего гусара съ окровавленной и обвязанною головой; въ самой улицѣ нѣсколько гусаръ несли на носилкахъ раненаго и можетъ-быть уже умершаго своего товарища. Эти гусары были на фуражировкѣ и на нихъ напали жители Гарсанъ. Вѣроятно, они дѣлали безпорядки, но во всякомъ случаѣ близость венгерскихъ войскъ внушала, какъ видно, особую смѣлость жителямъ. При вѣздѣ въ Гарсаны моей сотни, жители разбѣжались и стояли толпами на высотахъ кругомъ селенія. Наши войска уже квартировали здѣсь прежде; жилище рихтера, или войта, было извѣстно; его тотчасъ отыскали и привели на площадь. Я напугалъ его, что велю разстрѣлять, если онъ сейчасъ же не укажетъ виновныхъ. Онъ указалъ нѣсколько домовъ, которыхъ хозяева, по его словамъ, были главными зачинщиками въ нападеніи на нашихъ фуражировъ; дома осмотрѣли мимоходомъ, но никого не нашли; казаки выбили въ указанныхъ домахъ окна и изломали, что могли и успѣли. Отпустивъ войта, я съ сво-

ею сотней поѣхалъ далѣе по шоссе, къ сторонѣ Миш-кольца.

Отъ Гарсанъ шоссе идетъ около шести верстъ го-рами и лѣсомъ, а потомъ открытою возвышенною мѣстностію, часто подымаясь на отлогія отрасли, от-ходившія отъ горъ, лежавшихъ лѣвѣе насъ, и спус-каясь въ небольшія ложбины. При выѣздѣ изъ лѣса мы увидѣли вдали разѣздъ изъ 6 венгерскихъ гу-саръ, который проѣхалъ вправо, вѣроятно, не замѣтивъ насъ, и скрылся въ кустахъ и лѣсу, окаймлявшихъ от-крытое пространство съ нашей правой стороны. Прой-дя версты три по открытому пространству, мы уви-дѣли наконецъ непріятельскую кавалерійскую цѣпь, которая стояла попарно, въ разстояніи около 4-хъ верстъ отъ Мишкольца. Къ цѣпи этой нельзя было подойти скрытно; дальнія обходныя движенія по го-рамъ и лѣсамъ только утомили бы казаковъ, и пото-му я рѣшился сдѣлать нападеніе прямо съ фронта и продолжалъ идти по шоссе.

Венгерскіе кавалеристы передовой цѣпи, замѣтивъ насъ, стали стрѣлять, вѣроятно болѣе для того, что-бы дать знать о приближеніи нашемъ позади стоявшимъ войскамъ, потомъ повернули и отступили съ пере-стрѣлкою. Тогда мы поскакали за ними во весь карьеръ. Непріятельская цѣпь, убѣгая къ сторонѣ Миш-кольца, сближалась къ шоссе, чтобы на немъ сосре-доточиться. Судьба благопріятствовала намъ. Проска-кавъ съ версту за линію прежняго расположенія вен-герскихъ аванпостовъ и поднявшись на небольшое возвышеніе, мы вдругъ увидѣли влѣво, возлѣ шоссе и близко себя, пѣхотный постъ, состоявшій изъ взвода

или полувзвода, выставленный для поддержанія конной цѣпи. Казаки, не останавливаясь, бросились на него съ гикомъ, крикомъ ура и съ наклоненными пиками; венгерскіе пѣхотинцы, въ-торопяхъ, сдѣлали залпъ, не причинившій намъ никакого вреда, и обратились въ бѣгство, въ разсыпную—одни въ кусты, росшіе въ шоссе, канавѣ, другіе въ ближайшій лѣсъ, находившійся недалеко влѣво. Нѣкоторые спаслись, нѣкоторые были убиты, а девять человѣкъ взяты въ плѣнъ. Оказалось, что эти солдаты, по прибытіи въ Мишкольцъ, были тотчасъ высланы къ нашей сторонѣ въ передовую цѣпь, только-что пришли и стали на то мѣсто, гдѣ мы захватили ихъ, и были очень утомлены, равно какъ и другія войска, прибывшія въ Мишкольцъ. Я тотчасъ отправилъ плѣнныхъ въ с. Вату къ авангарду, подъ прикрытіемъ 10 казаковъ, съ приказаніемъ ѣхать поскорѣе, такъ какъ вся сущность дѣла состояла въ томъ, чтобы добыть «языка» и доставить плѣнныхъ живыми къ нашимъ войскамъ, а самъ съ сотней оставался нѣкоторое время на возвышеніи, съ котораго были ясно видны крайнія улицы Мишкольца и вся низменная равнина, лежавшая между нами и этимъ городомъ. Непріятельская цѣпь, собравшись въ сомкнутый строй, стояла передъ нами внѣ выстрѣловъ. Въ Мишкольцѣ сдѣлалась тревога; слышался набатъ, столбы пыли поднялись надъ улицами, и вскорѣ оттуда выступила сомкнутая масса кавалеріи; судя по пыли, за нею шли еще войска. Тогда мы начали отступать. Изъ рядовъ вышедшей изъ Мишкольца кавалеріи отдѣлились до 30 человѣкъ, вѣроятно охотниковъ, поскакали во весь карьеръ къ нашей сторонѣ,

соединились съ гусарами, бывшими на аванпостахъ, и начали преслѣдовать насъ. Мы шли полнымъ шагомъ. Непріятельскіе охотники вскорѣ догнали насъ и завязали перестрѣлку. Нѣкоторые на скакивали близко, дѣлали выстрѣлы и отъѣзжали; казаки отстрѣливались; но выстрѣлы, производимые на всемъ скаку, не дѣлали намъ вреда. Такимъ образомъ, Венгерцы преслѣдовали насъ до опушки лѣса; новые люди догоняли ихъ; число ихъ увеличивалось; они напирали сильнѣе. Не доѣзжая лѣса, мы остановились и бросились на преслѣдовавшихъ насъ Венгерцевъ въ пики;—они обратились въ бѣгство и остановились на значительномъ отъ насъ разстояніи, когда мы, въ свою очередь, прекратили преслѣдованіе. Мы продолжали отступать, вошли въ лѣсъ и насъ болѣе не преслѣдовали. Ночью мы прибыли въ с. Гарсаны, за которымъ отдыхали наши плѣнные и казаки у выставленной отъ авангарда казачьей заставы. Къ полночи я воротился въ с. Абраны и сдалъ плѣнныхъ въ корпусный штабъ.

Плѣнные солдаты были одѣты хорошо, чисто и легко, въ куртку и очень узкіе панталоны, изъ тонкаго сукна, и въ башмаки, прикрѣпляемые къ ногѣ сверху ступни ремнями. Они рассказывали и признавались, что, увидѣвъ казаковъ, сильно оробѣли; ими командовалъ капитанъ, который спрятался въ канаву между кустами; вмѣстѣ съ нимъ хотѣлъ лечь туда одинъ изъ взятыхъ въ плѣнъ, но капитанъ отогналъ его; казаки проскакали мимо капитана въ двухъ шагахъ и не замѣтили его. Между плѣнными были два Словака, увѣрявшіе, что они очень довольны своимъ плѣномъ и давно хотѣли передаться Русскимъ; остальные 7 человѣкъ—Мадъ-

яры. По ихъ показанію, полкъ ихъ принадлежалъ къ передовой колоннѣ, прибывшей въ Мишкольцъ съ самимъ Гергеемъ, въ числѣ отъ 5 до 6 тысячъ пѣхоты, 1.500 кавалеріи и 30 орудій; они не знали численности всей арміи, и идетъ ли она вся на Мишкольцъ, или частію куда-либо въ другое мѣсто, но полагали, что въ ней войска вчетверо болѣе, чѣмъ въ ихъ колоннѣ.

Съ приближеніемъ арміи Гергея, жители стали смѣлѣе показывать намъ непріязнь. Я упомянулъ о нападеніи на нашихъ гусаръ въ Гарсанахъ; подобное произшествіе случилось съ сотнею Губкина, посланною въ разъѣздъ за Ерлау. Перейдя за небольшой хребетъ горной отрасли, подполковникъ Губкинъ остановился, отправилъ далѣе нѣсколько казаковъ, которые дошли до самаго пути слѣдованія Гергея и видѣли мѣсто бивуака одной изъ его колоннъ прошедшею ночью, а вечеромъ, съ высоты горъ, бивуачные огни кругомъ Путнока. 11 іюля подполковникъ Губкинъ, дойдя до с. Гута-Гомора и узнавъ, что противъ него выслана партія гусаръ, началъ отступать. Венгерскіе гусары, въ числѣ 40 человѣкъ, вскорѣ догнали его и атаковали казаковъ, шедшихъ въ арріергардѣ, но были отбиты и отстали. Подойдя къ м. Черепвару, сотня была встрѣчена враждебно жителями, которые, вооруженные ружьями и косами, въ числѣ около 400 человѣкъ, не хотѣли впустить казаковъ въ селеніе и открыли по нимъ огонь. Казаки бросились въ шашки; жители убѣждали въ селеніе и продолжали стрѣлять изъ-за заборовъ и крайнихъ домовъ. Казаки возвратились къ корпусу въ с. Абраны окольными дорогами.

Вечеромъ 10 іюля генераль Чеодаевъ получилъ отъ главнокомандующаго изъ Ашода отъ 9 іюля предписаніе, въ которомъ сообщалось, что венгерскіе генералы Перцель и Высоцкій выдвинулись впередъ (съ юга), вѣроятно, съ намѣреніемъ напасть на наши обозы и тылъ арміи, и 8 іюля авангардъ ихъ въ числѣ около 7 тысячъ прибылъ отъ с. Замбока къ Турѣ, но тамъ былъ опрокинутъ высланнымъ противъ него отрядомъ нашихъ войскъ и, съ потерей одной пушки, отошелъ къ Тотъ-Альмасу, — и предписывалось: генералу Чеодаеву съ 4-мъ корпусомъ возвратиться въ Мезо-Кевездъ, гдѣ ожидать приказаній для дальнѣйшихъ дѣйствій, — отряду генерала Кузнецова продолжать свое движеніе къ сторонѣ Мишкольца, согласно прежняго предписанія, наблюдать, въ какомъ именно мѣстѣ армія Гергея прорѣжетъ нашу коммуникаціонную линію, потомъ ударить на заднюю ея половину и преслѣдовать на одинъ переходъ, послѣ чего, совокупно съ отрядомъ, долженствующимъ выйти изъ Кашау, предпринять нападеніе на Токай, если найдетъ то удобнымъ, — отъ 4-го пѣх. корпуса отправить немедленно одну пѣхотную бригаду и дивизионъ кавалеріи въ г. Ерлау и принять рѣшительныя мѣры, чтобы въ этомъ городѣ и окрестностяхъ было собрано въ теченіе трехъ дней для 4-го корпуса продовольствія на 4 или 5 дней, заплативъ за припасы по тарифу, утвержденному главнокомандующимъ, — и выслать отъ 4-го корпуса въ Капольно одинъ полкъ пѣхоты и одинъ полкъ кавалеріи для открытія сообщенія съ главною арміею и для прикрытія транспорта съ подвижнымъ провіантскимъ магазиномъ, высылаемымъ къ 4-му корпусу.

Въ то же время главнокомандующій предписалъ старшему военному начальнику въ Кашау — собрать въ этомъ городѣ изъ Еперіеса и другихъ мѣстъ находившіеся на сообщеніи нашемъ съ Галиціей восемь баталіоновъ пѣхоты и 24 орудія и дѣйствовать въ одно время съ отрядомъ генерала Кузнецова наступательно къ сторонѣ Мишкольца до Форро, стараясь атаковать непріятеля во флангъ или тылъ, — и сдѣлалъ распоряженіе о дальнѣйшемъ движеніи отряда генерала барона Остенъ-Сакена на Кашау и Токай. Но предписаніе военному начальнику въ Кашау, по занятіи Венгерцами Мишкольца, не могло достигнуть во-время, и непріятель не могъ быть тревожимъ съ той стороны.

Вечеромъ 10 іюля по 4-му корпусу были уже сдѣланы распоряженія къ движенію 11 іюля на Мезо-Кевездъ. — Но точныя показанія девяти плѣнныхъ венгерскихъ солдатъ, не позволявшія болѣе сомнѣваться, что Гергей находится въ Мишкольцѣ, заставили генерала Чеодаева отмѣнить движеніе 4-го корпуса на Мезо-Кевездъ, остаться въ с. Абрамахъ, донести обо всемъ главнокомандующему и ожидать отъ него новыхъ распоряженій. вмѣстѣ съ тѣмъ, для доставленія генералу Кузнецову возможности исполнить приказаніе главнокомандующаго — дѣйствовать къ сторонѣ Мишкольца болѣе самостоятельно, такъ какъ ожидаемое содѣйствіе ему другаго нашего отряда со стороны Кашау не могло быть исполнено, и также для бѣльшаго разъясненія положенія дѣлъ, — генераль Чеодаевъ усилилъ отрядъ генерала Кузнецова Селенгинскимъ и Якутскимъ пѣхотными полками, двумя пѣшими и одною конною батареями, стрѣлковымъ № 4-й баталіономъ, тремя ро-

тами сапернаго баталіона и австрійскою ракетною полубатареей, и приказалъ ему сдѣлать 11 іюля къ сторонѣ Мишкольца усиленную рекогносцировку. Отряды въ Ерлау и Капольно были посланы въ меньшемъ составѣ.

Рѣшимость генерала Чеодаева на такія дѣйствія можно объяснить тѣмъ, что, не зная настоящихъ намѣреній главнокомандующаго, онъ въ предписаніяхъ его видѣлъ опасенія за наши сообщенія и отсутствіе вѣрныхъ свѣдѣній о направленіи Гергея; въ послѣдніе дни отъ 4-го корпуса безпрестано посылались десятки разъѣздовъ во всѣ стороны для открытія непріятеля. Узнавъ наконецъ, что Гергей положительно въ Мишкольцѣ, на нашихъ сообщеніяхъ, генераль Чеодаевъ, вѣроятно, предполагалъ, что и главнокомандующій тотчасъ двинется въ этомъ направленіи со всею арміею.

VII.

Мишкольцскія сраженія: 11 іюля у с. Гарсанъ и 12 іюля у с. Герембели.

Утромъ 11 іюля наши разѣзды открыли, что непріятель выдвинулся по шоссе отъ Мишкольца къ нашей сторонѣ и занималъ лѣсъ и опушку его возлѣ самаго селенія Гарсанъ.

Всѣ селенія, которыя упоминаются здѣсь: Гатванъ, Гіонгіось, Капольно, Мезо-Кевездъ, Мезо-Ніарадъ, Абра-ны, Вата, Гарсаны, Герембели и г. Мишкольць, — ле-жатъ на шоссе, пути нашихъ сообщеній съ Галиціей, по которому происходили всѣ предыдущія движенія на-шей арміи. Наступая отъ Гарсанъ къ сторонѣ Миш-кольца, мы подходили подъ прямымъ угломъ къ тому пути, по которому слѣдовала венгерская армія отъ Мишкольца къ Токаю, и дѣйствовали въ правый ея флангъ и назадъ къ сторонѣ Галиціи; а Гергей, занявъ Мишкольць, сталъ въ тылу нашей арміи, на сообщеніяхъ ея съ Галиціей, и, выдвинувшись на цѣлый переходъ вправо до Гарсанъ, на встрѣчу намъ, или прикрывалъ

съ правой своей стороны отступление своей арміи на Токай, или предпринималъ наступательныя дѣйствія въ тылу нашей арміи;—намъ не были извѣстны его намѣренія. Положеніе его было грозно. По обыкновеннымъ расчетамъ, 4-й корпусъ, раздробившись, дѣйствовалъ неосторожно.

Отрядъ генерала Кузнецова, въ составѣ $8\frac{1}{4}$ баталіоновъ, 16 эскадроновъ, 6 сотенъ казаковъ, 40 орудій и ракетной полубатарей, выступилъ на рекогносцировку изъ с. Вата 11 іюля въ $9\frac{1}{2}$ часовъ утра. Взяты были одни патронные ящики и повозки для заболѣвающихъ и раненыхъ; остальной обозъ оставленъ подъ прикрытіемъ одного баталіона между селеніями Вата и Гарсаны. Впереди шли 6 сотенъ казаковъ, въ полверстѣ за ними стрѣлковый баталіонъ и потомъ остальные войска, сначала пѣхота, потомъ кавалерія. По приближеніи нашего отряда по шоссе къ лѣсу, непріятельскіе пѣхотные стрѣлки, расположенные въ опушкѣ, открыли огонь. Противъ нихъ рассыпали 4-й стрѣлковый баталіонъ, который также открылъ огонь и наступалъ съ фронта, поддерживаемый двумя баталіонами Селенгинскаго и однимъ баталіономъ Якутскаго пѣхотныхъ полковъ; по флангамъ пѣхотной цѣпи рассыпали казаковъ, которые вскорѣ проникли въ лѣсъ, въ болѣе дальнемъ отъ шоссе разстояніи, и стали обходить венгерскихъ стрѣлковъ. Для поддержанія казаковъ были высланы вправо и влево по одному дивизиону уланъ и гусаръ, которые слѣдовали позади внѣшнихъ фланговъ казачей цѣпи.

Непріятель не держался долго въ опушкѣ; наше наступленіе съ фронта и обходъ казаками съ фланговъ

заставили его вскорѣ отступить. Поддерживая перестрѣлку, онъ отступалъ медленно и въ порядкѣ лѣсомъ около 3 верстъ, до корчмы Араніосъ, находящейся въ ложбинѣ, пересѣкающей шоссе, и остановился за крутизнами въ сильной позиціи. Дѣйствіе 4-го стрѣлковаго баталіона было очень удачно; всѣ убитые и раненые Венгерцы, найденные въ лѣсу, были поражены его пулями. При нашемъ наступленіи мы могли убѣдиться, что въ лѣсѣ къ Гарсанамъ былъ выдвинутъ только непріятельскій авангардъ, состоявшій изъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, четырехъ орудій и одного гусарскаго полка. По густотѣ лѣса и пересѣченной мѣстности, ни мы, ни Венгерцы не могли воспользоваться артиллеріей, и она во всемъ этомъ дѣлѣ не сдѣлала ни одного выстрѣла.

Чтобы выбить непріятеля изъ занятой имъ позиціи, генераль Кузнецовъ сосредоточилъ на своемъ лѣвомъ флангѣ Донской казачій № 41 полковника Желтоножкина полкъ и послалъ его въ скрытый обходъ праваго фланга непріятеля. Казаки, перейдя лощину, обошли непріятельскую пѣхоту и неожиданно, съ крикомъ ура, бросились на крайній баталіонъ, который разбѣжался по лѣсу. Нѣсколькихъ убили, а 32 человекъ взяли въ плѣнъ. Послѣ этого непріятель не держался, продолжалъ отступать съ перестрѣлкою медленно и въ порядкѣ, пользуясь закрытою, пересѣченною мѣстностію, которая на каждомъ шагу представляла защиту, — наконецъ, послѣ $4\frac{1}{2}$ часового отступленія, вышелъ изъ лѣса и отошелъ на флангъ своихъ главныхъ силъ, расположенныхъ на открытомъ мѣстѣ.

Когда шедшіе впереди казаки показали въ опушкѣ

лѣса, непріятельскія батареи открыли огонь, который однакоже не причинилъ намъ никакого вреда. Плѣнные, взятые въ лѣсу, показали, что здѣсь расположены главныя силы Гергея въ числѣ, будто бы, 35 тысячъ. Генераль Кузнецовъ осмотрѣлъ расположеніе ихъ; они стояли лицомъ къ Гарсанамъ, тыломъ къ Мишкольцу, на небольшой высотѣ, огибавшей выходъ шоссе изъ лѣса полукружіемъ, нѣсколько верстъ впереди того мѣста, на которомъ наканунѣ я встрѣтилъ венгерскіе аванпосты; съ фронта видѣлись 22 орудія, а лѣвѣе была другая батарея, скрытая кустами; на лѣвомъ флангѣ стояла сильная колонна кавалеріи; пѣхоты вовсе не было видно, но плѣнные показали, что она расположена за возвышеніемъ, на которомъ стояла артиллерія, и что стрѣлки разсыпаны въ виноградникахъ и кустахъ, прикрывавшихъ оба фланга позиціи. Пробывъ съ передовыми войсками на опушкѣ лѣса время необходимое для осмотра непріятеля, генераль Кузнецовъ отступилъ къ с. Ватѣ, куда прибылъ въ 7 часовъ вечера, и сталъ на прежнемъ мѣстѣ бивуака. При этомъ отступленіи партія венгерскихъ гусаръ слѣдила за нами издали, до самаго выхода изъ лѣса къ сторонѣ Гарсанъ. Въ дѣлѣ 11 іюля наша потеря состояла изъ трехъ убитыхъ и шести человѣкъ раненыхъ.

12 іюля, въ 8 часовъ утра, генераль Чеодаевъ получилъ отъ главнокомандующаго предписаніе (подписанное 11 іюля въ м. Гатванѣ) дѣйствовать наступательно. Предписаніе было слѣдующаго содержанія. 7 іюля нашъ летучій отрядъ, состоящій изъ двухъ эскадроновъ, сотни казаковъ и двухъ орудій подъ командой артиллеріи полковника Хрулева, слѣдуя за ар-

рієргардомъ корпуса Гергея (по пути отступленія его на Рима-Шомбатъ и Мишкольць), нечаянно подошелъ такъ близко къ этому аррієргарду, что нашелся въ опасности быть взятымъ. Чтобы выйти изъ такого затруднительнаго положенія, полковникъ Хрулевъ отправилъ двухъ офицеровъ къ начальнику непріятельскаго аррієргарда съ объявленіемъ, что онъ присланъ съ предложеніемъ Гергею положить оружіе. Начальникъ аррієргарда, не имѣя права заключать условій, отправилъ офицеровъ къ Гергею, который сказалъ, что на это онъ дастъ отвѣтъ на имя его свѣтлости (фельдмаршала Паскевича). Офицеры эти, проѣзжавшіе чрезъ непріятельскія войска, доносятъ, что аррієргардъ состоялъ изъ двухъ полковъ пѣхоты, четырехъ батарей, при которыхъ находилось только пять зарядныхъ ящиковъ, и двадцати эскадроновъ гусаръ,—что главный лагерь Гергея, при Рима-Шомбатѣ, почти въ равныхъ силахъ съ его аррієргардомъ,—что пѣхота его разстроена, многіе изъ солдатъ оставляютъ его знамена, и что самая готовность Гергея вступить въ переговоры о мирѣ доказываетъ, въ какой степени мятежники упали духомъ. Предполагая, что вѣроятно корпусъ Гергея изъ Рима-Шомбата будетъ стараться пройти сквозь линію нашихъ сообщеній между Мишкольцемъ и Форро, чтобы проникнуть за р. Тейсу, главнокомандующій приказывалъ: если при полученіи этого предписанія не имѣется еще положительнаго извѣстія, что Гергей прошелъ уже сквозь нашу коммуникаціонную линію, то генералу Чеодаеву слѣдовать немедленно со всѣми ввѣренными ему войсками къ Мишкольцу и атаковать Гергея, когда онъ будетъ къ ней (коммуникаціонной линіи) подходить,

потомъ преслѣдовать его до окрестностей Токая, не атакуя позиціи впереди сего послѣдняго города, такъ какъ она весьма крѣпка, и отсюда возвратиться въ Мезо-Кевездъ; если же генералу Чеодаеву извѣстно, что корпусъ Гергея прошелъ уже сквозь нашу коммуникаціонную линію и слѣдуетъ къ Токаю, то преслѣдованіе непріятеля предоставить генералу Кузнецову, а генералу Чеодаеву съ корпусомъ остаться въ Мезо-Кевездѣ, или воротиться туда, такъ какъ этотъ корпусъ предназначается для перехода черезъ Тейсу при м. Тисса-Фюредѣ.

Изъ этого предписанія, совершенно противорѣчащаго, по духу, предыдущимъ, можно видѣть, что главнокомандующій рѣшился приказать генералу Чеодаеву дѣйствовать наступательно на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ двумя нашими офицерами, видѣвшими войска Гергея; но въ этихъ свѣдѣніяхъ не было ничего вѣрнаго и новаго. Наши офицеры видѣли только арріергардъ и слѣдовавшую впереди его колонну, при которой находился самъ Гергей; но это не давало права заключать, что впереди послѣдней колонны, между Рима-Шомбатомъ и Мишкольцемъ, не находилось никакихъ войскъ и что вся армія Гергея состояла только изъ тѣхъ двухъ колоннъ, которыя видѣли офицеры. Что Славяне шли въ венгерскія войска неохотно, бѣжали при первомъ удобномъ случаѣ и были вообще ненадежными защитниками мадьярскихъ интересовъ, это было извѣстно при вступленіи нашемъ въ Венгрію и при преслѣдованіи Дембинскаго до Кашау и было ясно изъ смысла всѣхъ настоящихъ событій. Безъ сомнѣнія, въ арміи Гергея находилось много кар-

патскихъ Славянъ; они, при вступленіи въ горы, пользовались случаемъ и бѣжали домой. Если главнокомандующій находилъ возможнымъ разрѣшить 11 іюля 4-му корпусу дѣйствовать наступательно, то также могъ дать такое разрѣшеніе ранѣе; тогда 4 корпусъ могъ что-нибудь сдѣлать. Теперь было поздно атаковать Гергея, когда онъ будетъ подходить къ нашей коммуникаціонной линіи, т. е. до занятія имъ Мишкольца: обозы его арміи проходили чрезъ этотъ городъ 10, 11 и 12 іюля и были уже внѣ опасности. Впрочемъ, давая 11 іюля 4-му корпусу приказаніе дѣйствовать наступательно, главнокомандующій могъ предвидѣть, что Гергей этого числа слѣдуетъ уже чрезъ Мишкольцъ или даже прошелъ его, потому что отъ Рима-Шомбата, гдѣ его видѣли 7 іюля, до Мишкольца только три перехода и онъ могъ быть въ этомъ послѣднемъ городѣ 10 іюля, что дѣйствительно исполнилось; а изъ всего этого можно заключить, что главнокомандующій не ожидалъ особенныхъ послѣдствій и успѣховъ отъ дѣйствій 4-го корпуса. Можно было предвидѣть, что генераль Чеодаевъ, не имѣя уже возможности исполнить перваго условія предписанія—предупредить Гергея въ Мишкольцѣ—и зная, что его корпусъ предназначается для движенія на Тисса-Фюредъ, что главные силы арміи не пойдутъ на Мишкольцъ и что онъ, генераль Чеодаевъ, не долженъ рассчитывать на ихъ поддержку,—будетъ имѣть много основаній дѣйствовать осторожно или, вѣрнѣе сказать, не самостоятельно, безъ энергіи и цѣли побѣды.

По 4-му корпусу сдѣланы тотчасъ распоряженія для наступательныхъ дѣйствій. За войсками пошли только

патронные ящики и повозки для больныхъ и раненыхъ; остальной обозъ, провіантскій магазинъ, больные и слабые, не могшіе быть во фронтѣ, остались между Гарсанами и Ватою. Главныя силы корпуса могли выступить изъ Абранъ 12 іюля только въ первомъ часу по-полудни; въ с. Ватѣ онѣ соединились съ авангардомъ и двинулись отсюда въ 3 часа по-полудни чрезъ Гарсаны, по шоссе, на Мишкольцъ. Впереди шли: Донской № 41 полкъ, три сотни Донскаго № 51 полка, за ними 4 стрѣлковый баталіонъ, 1-я бригада 11-й пѣх. дивизіи съ батареею № 3 и легкою № 3 батареями, австрійская ракетная полубатарея, 12-я пѣхотная дивизія съ артиллеріей и наконецъ Вознесенскій уланскій и гусарскій ерцъ-герцога Фердинанда полки съ конною батареей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ дальній обходъ лѣваго фланга непріятельской позиціи были посланы отъ с. Ваты, вправо, долиною Тейсы и Саю, чрезъ Эмедъ и Маліи Ольвіопольскій уланскій и гусарскій Наслѣдника Цесаревича полки, три сотни Донскаго № 51 полка, конно-легкая № 7 и Донская казачья № 6 батареи.

Лѣсъ за Гарсанами былъ оставленъ непріателемъ; голова нашей колонны прошла его безпрепятственно и въ 4 часу заняла опушку при выходѣ. Но такъ какъ войска шли только по шоссе, какъ по узкому дефиле, то растянулись въ длинную колонну; головныя части ея вышли изъ лѣса и дѣло завязалось, а 12-я пѣхотная дивизія только-что двинулась отъ Гарсанъ.

Бѣжавшіе впереди увидѣли изъ опушки лѣса, въ разстояніи пушечнаго выстрѣла, рядъ венгерскихъ эскадроновъ, вытянутыхъ въ одну линію; но лишь

только между деревьями замелькала бѣлая аммуниція: нашихъ солдатъ и батареи начали выѣзжать изъ лѣса, непріятельскіе эскадроны отошли назадъ, за ними открылась батарея въ 30 орудій, расположенная полукружіемъ, сосредоточивавшимъ свои выстрѣлы на выходъ шоссе изъ лѣса, и открыла огонь. Надъ нашими головами въ густотѣ лѣса вдругъ заревѣли ядра и гранаты; воздухъ застоналъ и загудѣлъ; деревья ломались съ трескомъ и падали; лѣсное эхо увеличивало этотъ громъ. Но выстрѣлы, какъ и наканунѣ, были худо направлены: ядра летѣли высоко надъ головами и не сдѣлали намъ почти никакого вреда. Пѣхоты непріятеля не было видно; только по флангамъ его расположенія были разсыпаны густою цѣпью, съ сильными резервами, стрѣлки въ виноградникахъ и кустахъ, находившихся нѣсколько впереди линіи батарей.

Это была та же позиція, что и наканунѣ, 11 іюля. Полемъ дѣйствія была возвышенная, засѣянная хлѣбомъ поляна, находившаяся на послѣднихъ отлогахъ отрасляхъ Карпатовъ, отходившихъ отъ болѣе высокаго хребта (лежавшаго лѣвѣе насъ) отдѣльными невысокими гребнями, раздѣленными, поперекъ шоссе, отлогими ложбинами, и имѣвшая склонъ къ долинѣ Саю и Тейсы, т. е. отъ нашей лѣвой къ правой сторонѣ и къ Мишкольцу, т. е. къ лѣвому флангу и тылу расположенія непріятеля; наша позиція была нѣсколько выше позиціи Венгерцевъ. Поляна эта была ограничена съ нашей стороны лѣсомъ, съ правой и лѣвой сторонъ виноградниками и кустарникомъ, соединявшимся съ лѣсомъ, изъ котораго мы вышли, а съ чет-

вертой, обращенной къ Мишкольцу, была открыта, и отлогою покатостію соединялась съ открытою же долиною р. Саю. Венгерцы расположились на гребнѣ одной изъ отлогихъ отраслей, поперекъ шоссе; дула ихъ орудій виднѣлись на высшей точкѣ; остальные части войска стояли на покатости, обращенной къ сторонѣ Мишкольца, такъ что глубина и тылъ ихъ расположенія были отъ насъ скрыты.

Наши двѣ батареи, слѣдовавшія впереди, были выдвинуты и поставлены: батарейная № 3 (12 орудій) правѣе шоссе, въ самой опушкѣ лѣса, и легкая № 3 по лѣвѣ стороны шоссе, на открытомъ мѣстѣ, и открыли огонь. Послѣ непродолжительнаго дѣйствія артиллеріи, были посланы для обхода фланговъ непріятеля казаки № 41 и 51 полковъ. Хотя имъ трудно было бы обойти фланги, прикрытые кустами, виноградниками и крутыми обрывами овраговъ, но, какъ оказалось, движеніе ихъ впередъ, а можетъ-быть и другія причины — заставили Гергея нѣсколько отступить; батареи его снимались по частямъ и занимали новую позицію, около 200 сажень позади прежней, на гребнѣ такой же, болѣе низкой, отрасли, откуда однако могли дѣйствовать такъ же удобно, какъ и прежде. За непріятелемъ и мы подвинулись впередъ. Сначала легкая, а потомъ батарейная батареи рысью выѣхали на удобныя мѣста ближе къ непріятелю, снялись съ передковъ подъ его выстрѣлами и открыли вновь огонь; за ними двинулась въ боевомъ порядкѣ 1-я бригада 11-ой пѣх. дивизіи и 4-ый стрѣлковый баталіонъ. Во время этого наступленія, непріятельскіе стрѣлки, находившіеся на его правомъ флангѣ, сомкнулись въ

колонну и выступили впередъ изъ виноградниковъ, чтобъ атаковать нашъ лѣвый флангъ; но, встрѣченные картечнымъ огнемъ легкой батареи и видя, что лѣвый фланговый баталіонъ Якутскаго полка готовъ былъ идти въ штыки, отступили на прежнія мѣста. На нашемъ правомъ флангѣ между застрѣльщиками обѣихъ сторонъ происходила перестрѣлка. Въ этомъ положеніи наша и непріятельская артиллерія продолжала дѣйствовать до ночи.

Между тѣмъ кавалерійскіе полки, посланные въ обходъ на с. Емедъ, продолжали наступленіе; непріятель, безъ сомнѣнія, зналъ о томъ. Опасеніе ли быть обойденнымъ этими полками, наступавшая ли ночь, а болѣе всего, вѣроятно, то, что Гергей достигъ уже своей цѣли — прикрылъ движеніе своей арміи и обозовъ чрезъ Мишкольцъ на Токай и не имѣлъ болѣе надобности оставаться на этомъ мѣстѣ, — заставили его отступить окончательно. Онъ снимался съ позиціи и отправлялъ свою пѣхоту и артиллерію по частямъ, отступилъ послѣднею колонною, когда сдѣлалось уже темно, прошелъ Мишкольцъ, поворотилъ изъ него направо по шоссе, ведущему къ Токаю, и прошелъ за р. Саю, текущую около $1\frac{1}{2}$ версты отъ Мишкольца. За Саю стояли уже другія венгерскія войска на избранной прежде позиціи.

Наши стрѣлки преслѣдовали непріятеля до Мишкольца. 4-й стрѣлковый баталіонъ и два баталіона Якутскаго пѣхотнаго полка съ двумя орудіями заняли предмѣстія города; остальные части авангарда, подъ командою генераль-лейтенанта Кузнецова, расположились около с. Чаба — казаки впереди, регулярная кавалерія правѣе и пѣхота позади. 12-я пѣхотная дивизія, вышед-

шая изъ лѣса на поле сраженія вечеромъ, пришла на мѣсто ночлега уже въ полночь и стала бивуакомъ у подошвы горъ, на равнинѣ, по обѣ стороны шоссе, примыкая лѣвымъ флангомъ къ с. Герембели, именемъ котораго названо было это сраженіе въ официальномъ донесеніи. Кавалерія, ходившая въ обходъ лѣваго фланга непріятеля, присоединилась къ корпусу и стала у Герембели. При обходномъ движеніи ея не произошло ничего примѣчательнаго. Во время движенія войскъ на бивуаки, влѣво отъ шоссе, въ виноградникахъ и кустахъ были слышны стоны раненыхъ Венгерцевъ; ихъ подбирали и перенесли къ нашимъ походнымъ лазаретамъ. Бивуачные огни запылали. Войска, утомившіяся походомъ и жаркимъ днемъ, заснули скоро. Ночь прошла тихо; непріятель не беспокоилъ насъ.

Отступленіе Гергея показывало, что онъ не имѣлъ въ виду наступательныхъ дѣйствій.

Во время сраженія, пока было еще свѣтло, мы съ занимаемыхъ нами высотъ видѣли въ зрительную трубу безконечную цѣпь обозовъ венгерской арміи, тянувшихся по одному шоссе изъ Мишкольца въ с. Жолчу, лежащее на шоссе, на лѣвомъ берегу р. Саю; ихъ скрыла отъ насъ только наступившая темнота; но потомъ мы узнали, что обозъ частныхъ повозокъ тянулся изъ Мишкольца за р. Саю всю ночь съ 12 на 13 іюля. Говорили, что въ венгерской арміи было до шести тысячъ частныхъ повозокъ. Въ республиканской вновь сформированной арміи, наполненной множествомъ охотниковъ изъ богатыхъ сословій, не могло быть такихъ обычаевъ, порядка и дисциплины, какія существуютъ въ старыхъ благоустроенныхъ арміяхъ. Въ ней находились, съ многими

генералами, офицерами и даже богатыми нижними чинами, ихъ жены, или любовницы; были также мелкіе промышленники, маркитанты, многіе частные, вовсе не принадлежащіе къ арміи, люди, компрометированные въ послѣднихъ событіяхъ передъ австрійскимъ правительствомъ и спасавшіеся съ арміей, и наконецъ множество публичныхъ женщинъ. По окончаніи войны говорили, что самъ Гергей высказывалъ сожалѣніе, что мы не отбили у него въ ночь съ 12 на 13 іюля этотъ безконечный обозъ частныхъ повозовъ, очень затруднявшій движенія его арміи.

Жители Мишкольца рассказывали также, что всю эту ночь венгерскіе гусары пили и гуляли въ трактирахъ города. Это вѣроятно, потому что утромъ 13 іюля мы убѣдились, что венгерскіе наблюдательные посты пробыли всю ночь на правой сторонѣ р. Саю, недалеко отъ нашего бивуака, между прочимъ въ с. Ширмѣ, отстоявшемъ менѣе полуверсты отъ нашего праваго фланга. Передъ разсвѣтомъ въ с. Ширмѣ произошла даже драка между венгерскими солдатами и нашими деньщиками и фурштатами, отправившимися туда, вѣроятно, за курами и фуражомъ.

Въ Мишкольцѣ мы узнали, что въ дѣлѣ 12 іюля у с. Герембели находилась не вся венгерская армія. По занятіи 10 іюля Мишкольца, Гергей выдвинулъ по Гарсанскому шоссе къ нашей сторонѣ отдѣльный корпусъ, а другія войска направилъ по шоссе на Токай и расположилъ ихъ за р. Саю въ сильной позиціи, прикрывавшей отступленіе его къ Токаю. 11 іюля р. Саю была уже занята отъ с. Шикшо до с. Керема, близъ котораго находится бродъ черезъ эту рѣку у Пога; изъ Керема

отдѣльные посты наблюдали за всеѣмъ протяженіемъ Саю до впаденія ея въ Тейсу. Въ позиціи за Саю венгерская армія перемѣняла фронтъ въ обратномъ направленіи и становилась лицомъ къ пути прежняго своего слѣдованія и тыломъ къ Токаю. Обозы также направлялись за Саю, и менѣе нужные войскамъ шли безостановочно къ Токаю. Но во всякомъ случаѣ, вѣроятно, по Герсанскому шоссе за Герембели была выдвинута лучшая и бѣльшая часть арміи и Гергей находился при ней, что показывали и плѣнные, такъ какъ съ этой стороны наступали Русскіе.

Нельзя не замѣтить, что дѣйствія 4-го корпуса 12 іюля не отличались энергіей и едва ли могли имѣть какой-либо успѣхъ. Войска выступили поздно, шли растянутою колонною по одному шоссе и вступили въ дѣло отдѣльною частію, одною бригадою; для дѣйствій былъ избранъ планъ, устранявшій всякую возможность рѣшительнаго успѣха; кавалерію послали въ дальній обходъ, за нѣсколько верстъ отъ главныхъ силъ корпуса, съ цѣлью заставить непріятеля скорѣе отступить, что было, какъ оказалось, и его собственною цѣлью, чего онъ старался достигнуть безъ всякихъ съ нашей стороны понужденій, и чего, вмѣстѣ съ этимъ, надо полагать, вовсе не желалъ нашъ главнокомандующій, приготавливавшійся въ это время отрѣзать Гергею отступление въ Дебречинѣ, куда мы не поспѣли бы, если бы Гергей отступилъ отъ Мишкольца слишкомъ скоро. Мы не атаковали съ твердымъ намѣреніемъ разбить непріятеля, а маневрировали общеупотребительнымъ маневромъ, угрозой обходить фланги издали, при чемъ можетъ и не быть боя. Можетъ-быть это было самое

лучшее, что 4-й корпус могъ сдѣлать. При заданной себѣ Гергеємъ цѣли только отступать, наши слабыя атаки не вызывали сильнаго отпора и не доводили дѣла до крайности. Передъ 4-мъ корпусомъ могли стоять главные силы и даже вся венгерская армія, и наши атаки, какъ онѣ велись, при большемъ упорствѣ, могли имѣть сомнительныя для насъ послѣдствія. Впрочемъ, едва ли начальство 4-го корпуса имѣло въ виду рѣшительное пораженіе непріятеля, что однако не должно было мѣшать держать корпусъ болѣе сосредоточеннымъ. Приказаніе атаковать, но преслѣдовать на опредѣленномъ пространствѣ, т. е. не пользоваться вполне побѣдою, а потомъ отступить въ Мезо-Кевездъ, такъ какъ корпусъ предназначался для перехода черезъ Тейсу при Тисса-Фюредѣ, — опредѣляло характеръ дѣйствія 4-го корпуса, заставляло начальство его отгадывать намѣренія главнокомандующаго и руководствоваться окончательною цѣлью — движеніемъ чрезъ Тисса-Фюредъ. Такое отгадываніе чужихъ намѣреній не всегда легко и выгодно; — намѣренія могутъ измѣняться вмѣстѣ съ обстоятельствами. Послѣ Дебречинскаго дѣла во всей арміи говорили, что главнокомандующій былъ недоволенъ дѣйствіями генерала Чеодаева.

Генералъ самостоятельный, честолюбивый, имѣющій въ виду общій успѣхъ войны и славу, могъ дѣйствовать 12 іюля подъ Мишкольцемъ иначе, даже не выходя изъ границъ послѣдняго предписанія главнокомандующаго, — могъ сдѣлать многое, командуя русскими войсками. Въ 4 корпусъ было въ строю около 20 тысячъ человѣкъ; въ арміи Гергея, на позиціи у Герембели, могло быть столько же, или немного болѣе,

потому что часть ея была уже расположена за р. Саю. Хотя у Венгерцевъ часть пѣхоты была вооружена лучше нашей, игольчатыми ружьями, а артиллерія имѣла орудія бѣльшаго калибра, чѣмъ наша, но мы могли разсчитывать на превосходство духа нашего войска, основываясь на долговременной прошедшей славѣ и коренномъ могуществѣ народа; — надежда на успѣхъ не могла казаться несбыточною. Атакующій смѣло и рѣшительно имѣетъ большое нравственное преимущество передъ отступающимъ, — и мы уже имѣли его, потому что въ сущности, несмотря на превосходный маневръ Гергея, мы съ самаго начала войны постоянно наступали для боя, а Венгерцы только отступали, уклоняясь отъ боя. На войнѣ можно сказать, что за нападающаго Богъ. Можетъ-быть мы нашли бы Венгерцевъ сильно упавшими духомъ; можетъ-быть ихъ армія была карточный домикъ, который разсыпался бы отъ одного рѣшительнаго прикосновенія; можно было хотя попробовать.

При твердомъ намѣреніи вступить въ рѣшительный бой и атаковать на-проломъ, мы могли дѣйствовать различно, но во всякомъ случаѣ сосредоточенно, не посылая кавалерію въ дальній обходъ. Не зная еще вѣрно о расположеніи Венгерцевъ за р. Саю, мы проще всего могли атаковать ихъ тамъ, гдѣ они находились и гдѣ были ближе къ намъ, — на томъ же полѣ, на которомъ происходило дѣло 12 іюля и къ которому вело прямое и единственное шоссе; для этого, занявъ прежде опушку лѣса при выходѣ изъ него, сосредоточить къ ней всѣ силы корпуса (можно было выступить ранѣе и вести регулярную кавалерію и артил-

лерію по шоссе, а пѣхоту и казаковъ частію по сторонамъ), не начинать дѣла одною бригадою, а наступать рѣшительно всѣми силами въ совокупности и атаковать непріятеля съ фронта и даже съ фланговъ, — что было возможно по небольшому протяженію его позиціи. Еслибы мы сбили его на равнину къ сторонѣ Мишкольца, то наша кавалерія могла атаковать его на этой равнинѣ массою, докончить пораженіе и преслѣдовать. Венгерская армія, или часть ея, находившаяся у Герембели, могла быть отброшена къ горамъ, отрѣзана отъ р. Саю и разсѣяна. Для этого достаточно было тѣхъ нѣсколькихъ часовъ, въ продолженіе которыхъ тянулось дѣло до ночи. Разбивъ лучшую часть венгерской арміи, мы на другой день могли дѣйствовать болѣе свободно противъ войскъ, находившихся за р. Саю; они не ушли бы отъ насъ до Токая. Такимъ способомъ дѣйствій венгерская армія могла быть разбита по частямъ.

Мы могли также наступать всѣми силами низменною долиною р. Саю отъ с. Ваты на Емедъ къ броду черезъ р. Саю у д. Пога, овладѣвъ которымъ, могли обойти позиціи непріятеля на рѣкахъ Саю и Гернадъ и отрѣзать ему отступление на Токай. Это мнѣніе высказано самимъ Гергеемъ. Но такое предпріятіе для 4-го корпуса было неопредѣленно и нѣсколько отвлеченно. Въ немъ нѣтъ точной цѣли и желанія не упустить и скорѣе разбить непріятеля, но опять — маневръ дальняго обхода, могшій заставить непріятеля ускорить отступление, а насъ гоняться за нимъ и длить войну. Оно было даже менѣе осторожно при расположеніи венгерской арміи на шоссе у Герембели и при возможности перехода

Гергея въ наступательныя дѣйствія. При движеніи изъ с. Ваты на бродъ у Пога, сойдя съ шоссе на равнину, мы могли быть сами атакованы съ лѣвой стороны венгерскими войсками, находившимися у Герембели близъ подошвы горъ, готовыми къ бою и имѣвшими слѣдовательно, надлежащую подвижность. Тогда мы по необходимости обратились бы къ этимъ войскамъ, т. е. къ предыдущему способу дѣйствій—прямой атакѣ ихъ; а всякое измѣненіе и разстройство первоначальныхъ намѣреній въ самомъ началѣ боя даетъ уже нѣкоторое преимущество непріятелю. Въ дѣйствіяхъ на равнинѣ у р. Саю могли принять нѣкоторое участіе и тѣ венгерскія войска, которыя находились уже за этою рѣкою; въ сраженіи же на Гарсанскомъ шоссе ихъ содѣйствіе выдвинутымъ туда войскамъ было невозможно, и это облегчало нашъ успѣхъ.

Мы могли нанести непріятелю еще болѣе вреда, если бы напали на него 10 іюля, при вступленіи его въ Мишкольцъ и при движеніи чрезъ этотъ городъ, когда онъ не успѣлъ еще оглядѣться и установиться.

Все это одни предположенія, которыя могутъ быть названы фантазіей; но безъ предположеній нельзя имѣть надлежащаго вѣрнаго понятія о войнѣ.—Безъ сомнѣнія, при рѣшительныхъ дѣйствіяхъ мы могли быть сами разбиты. Но едва ли можно допустить, чтобъ отбитая атака сосредоточеннаго корпуса отличныхъ войскъ могла повести къ крайнимъ пагубнымъ послѣдствіямъ; мы могли быть отбиты — и отступили бы, но не могли быть совершенно разстроены. При отступленіи мы могли задерживать непріятеля на каждомъ шагу, пользуясь гористою мѣстностію, лежавшею позади насъ. Дѣйствія

корпуса нельзя оцѣнивать только соображеніемъ, что, находясь въ отдѣлѣ отъ арміи, онъ прежде всего долженъ дѣйствовать осторожно, чтобы не быть разбитымъ; при одномъ опасеніи быть разбитымъ нельзя ничего предпринимать.

Допустивъ возможность, что мы могли быть разбиты, нельзя не допустить, что мы могли быть легче всего разбиты, съ болѣе опасными послѣдствіями, именно при тѣхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ и при такомъ порядкѣ наступленія, какія были избраны 4-мъ корпусомъ 12 іюля. Предпринимая ихъ, мы не имѣли права рассчитывать, и несомнѣнно не рассчитывали, на негодность венгерскаго войска и не знали еще, какъ будетъ дѣйствовать Гергей и останется ли онъ спокойнымъ зрителемъ нашихъ маневровъ. Все зависѣло отъ его предприимчивости. Если онъ не воспользовался нашими маневрами 12 іюля, то надо допустить, что онъ не воспользовался бы и своимъ успѣхомъ, отбивъ нашу атаку, произведенную рѣшительно сосредоточенными силами корпуса. По обыкновеннымъ расчетамъ, перейдя въ наступленіе въ то время, когда бригада 11-й пѣхотной дивизіи выдвинулась изъ лѣса и развернулась, Гергей нашелъ бы русскій корпусъ, какъ замѣчено выше, совершенно раздробленнымъ. Передъ нимъ стояла одна бригада, которую онъ могъ легко разбить; 12-я дивизія была въ слѣдованіи и растянута на 6 верстъ въ лѣсномъ дефиле; одна бригада кавалеріи стояла еще у Гарсанъ, а другая бригада, посланная въ обходъ по равнинѣ Саіо, была отдѣлена отъ дѣйствовавшей уже пѣхотной бригады на 12 верстъ, потому что, выдвинувшись на одну высоту съ брига-

дою 11-й дивизіи, она хотя по прямому направленію отстояла отъ нея на 4 версты, — разстояніе также большее въ виду непріятели и во время самого сраженія, — но на этомъ пространствѣ находились послѣднія крутизны и овраги отраслей Карпатовъ, покрытыя лѣсомъ, и не было ни одной удобной дороги; — чтобы соединиться съ корпусомъ, кавалерійская бригада должна была возвратиться въ с. Вату и потомъ идти по шоссе вслѣдъ за пѣхотою. Отбросивъ бригаду 11-й пѣхотной дивизіи, Гергей могъ обратиться влѣво и еще легче разбить нашу обходную колонну кавалеріи, отбросить ее, идти по ея слѣдамъ на с. Вату, въ тылъ 4-му пѣхотному корпусу, уничтожить здѣсь его обозы и магазины и дѣйствовать противъ 12-й пѣхотной дивизіи и другой бригады кавалеріи, которая онъ нашелъ бы растянутыми по шоссе въ лѣсу, или торопившимися выйти изъ лѣса назадъ, чтобы защищать свой тылъ и не потерять свои сообщенія. Тогда послѣдствія могли быть чрезвычайно важны; отъ искусныхъ дѣйствій Гергея зависѣло уничтоженіе всего нашего корпуса. Еслибы предпріятіе и не имѣло такого полного и блестящаго успѣха, то Гергей все-таки имѣлъ бы надъ нами значительный перевѣсъ и ничѣмъ при этомъ не рисковалъ. Дѣйствуя по равнинѣ къ с. Ватѣ, онъ имѣлъ позади себя свой путь отступленія за р. Саю — прямо на бродъ у Пога или Верхнюю-Жолчу, минуя Мишкольць, гдѣ къ вечеру 12 іюля могли оставаться только ненужные ему обозы. Къ счастью, ничего подобнаго не случилось.

VIII.

Мишкольцскія сраженія. 13-го іюля на р. Саіо у с. Жолча.

Утромъ 13 іюля наши разъѣзды донесли, что непріятель находится за рѣкою Саіо у с. Жолча. 4-й корпусъ двинулся впередъ въ 9 часовъ утра. Для занятія Мишкольца отдѣленъ Селенгинскій полкъ съ четырьмя орудіями легкой № 4 батареи. Вмѣсто этого полка въ авангардъ генераль-лейтенанта Кузнецова назначенъ Охотскій егерскій полкъ.

При проходѣ войскъ черезъ Мишкольцъ, улицы его были пусты, ворота въ домахъ, лавки, трактиры и проч. заперты. Но войска шли въ порядкѣ; ни одинъ солдатъ не выходилъ изъ рядовъ. Это видимо успокоило жителей и многіе изъ нихъ стали выносить солдатамъ хлѣбъ и вино. Впослѣдствіи говорили, не знаю справедливо ли, будто Гергей утромъ 13 іюля находился еще въ Мишкольцѣ и, одѣтый въ штатское платье, смотрѣлъ изъ окна одного дома на проходив-

шія русскія войска; онъ могъ пересчитать насъ. По выходѣ нашемъ изъ Мишкольца, онъ сѣлъ на коня и обогналъ насъ окольными дорогами влѣво. Говорили также, что венгерскія войска запаслись въ Мишкольцѣ значительнымъ количествомъ продовольствія.

Въ Мишкольцѣ наши войска поворотили круто направо, вышли изъ города и продолжали наступать по шоссе, по которому войска Гергея отступали на Токай.

Шоссе между Мишкольцемъ и Токаемъ идетъ по открытой равнинѣ, въ направленіи съ запада на востокъ, и пересѣкаетъ подъ прямымъ угломъ нѣсколько рѣчекъ, текущихъ изъ Карпатовъ съ сѣвера на югъ и впадающихъ въ р. Тейсу. У всѣхъ этихъ рѣчекъ лѣвые берега нѣсколько выше правыхъ, что давало Гергею возможность, отступивъ за эти рѣчки, занимать удобныя позиціи на лѣвомъ берегу, командующія мѣстностію, по которой мы наступали. Первая изъ этихъ рѣчекъ, которая встрѣчается тотчасъ за Мишкольцемъ, р. Саіо, выходитъ изъ горъ въ 10 верстахъ выше города и раздѣляется на два рукава; изъ нихъ правый течетъ въ 1¹/₂ верстахъ отъ Мишкольца, а лѣвый нѣсколько болѣе полверсты отъ праваго. На лѣвомъ берегу лѣваго рукава, за которымъ остановилась венгерская армія, находятся на самомъ шоссе с. Верхняя-Жолча, выше ея с. Арнотъ и ниже с. Нижняя-Жолча. Оба рукава соединяются близъ Нижней-Жолчи. Въ двухъ верстахъ за р. Саіо шоссе пересѣкается рѣкою Гернадъ, которая впадаетъ въ Саіо у с. Онедь, въ 7 или 8 верстахъ ниже Верхней-Жолчи. За Гернадомъ встрѣчаются рѣчки Диктай, Гомони и другія менѣе значительныя, текущія въ одномъ направленіи съ преды-

дущими. Въ самомъ селеніи Верхняя-Жолча, отъ шоссе идущаго на Токай, отдѣляется влѣво другое шоссе, идущее къ сѣверу на Форро и Кашау — главный путь нашихъ сообщеній съ Галиціей. Еслибы 4-й пѣх. корпусъ могъ 10 іюля предупредить Гергея въ Мишкотьцѣ и послѣ боя съ нимъ былъ бы принужденъ отступать по шоссе на Кашау или Токай, т. е. еслибы обѣ стороны находились въ обратномъ настоящему положеніи, то Гергей встрѣтилъ бы также большія затрудненія выбивать насъ изъ тѣхъ позицій, которыя теперь онъ занималъ самъ, и могъ быть задержанъ до прихода главныхъ силъ нашей арміи. Это одно изъ многихъ предположеній, которыя можетъ внушить война, и которое отчасти указываетъ, что не было крайней опасности разрѣшить 4-му корпусу дѣйствовать наступательно тотчасъ послѣ Вайценскаго дѣла.

13 іюля мы нашли непріятеля расположеннымъ на лѣвомъ берегу лѣваго рукава Саю, правымъ флангомъ въ Арнотѣ, центромъ на шоссе въ Верхней-Жолчѣ и лѣвымъ флангомъ въ Нижней-Жолчѣ. Между этими селеніями на самомъ лѣвомъ берегу находились отдѣльныя рощи и изгороди; мѣстность представляла непріятелю всѣ выгоды скрытаго расположенія; его орудія были намъ невидны. Выше Арнота и ниже Нижней-Жолчи Венгерцы занимали Саю отдѣльными отрядами, въ особенности ниже, с. Керемъ и окрестности противъ брода у д. Пога. Все пространство отъ лѣваго рукава Саю до Мишкотьца было совершенно открыто, и непріятель видѣлъ ясно каждое наше движеніе. Каменный мостъ на шоссе черезъ правый рукавъ остался цѣлъ; мостъ на лѣвомъ рукавѣ у Верхней-Жолчи былъ

разрушенъ еще прежде. Правый рукавъ былъ проходимъ въ бродъ во многихъ мѣстахъ; впоследствии оказалось, что и лѣвый рукавъ былъ также проходимъ, что впрочемъ могло быть извѣстно намъ еще прежде.

По приближеніи нашего авангарда по шоссе къ правому рукаву Саю, Венгерцы открыли огонь изъ 12 орудій, расположенныхъ въ Верхней-Жолчѣ. Генераль Кузнецовъ, не переходя праваго рукава, выдвинулъ вправо отъ шоссе батареиную № 3, легкую № 3 и Донскую № 6 батареи, которыя расположились по правому берегу праваго рукава и открыли огонь, сосредоточивая выстрѣлы противъ Верхней-Жолчи; два орудія батарейной № 3 батареи были поставлены на самомъ шоссе за мостомъ, на другомъ берегу праваго рукава; въ продолженіе сраженія они выдержали самый сильный огонь непріятеля и потеряли, сравнительно, болѣе другихъ убитыми и ранеными. Полки Якутскій пѣхотный, Охотскій егерскій, Ольвиопольскій уланскій и Донскіе казачьи № 41 и 51 стали позади батарей, внѣ непріятельскихъ выстрѣловъ, такъ какъ протекавшіе между нами и Венгерцами два рукава Саю обезпечивали нашу артиллерию отъ внезапнаго нападенія. Гусарскій полкъ съ конно-легкою № 7 батареей и австрійская ракетная полубатарея остались въ резервѣ позади вышепоименованныхъ войскъ. По прибытіи на поле остальныхъ частей корпуса, онѣ были расположены: 12-я пѣхотная дивизія и ея артиллерія правѣе шоссе, позади полковъ авангарда, а кавалерійская бригада съ конно-легкою № 8 батареей правѣе 12-й пѣхотной дивизіи.

Едва наши батареи начали стрѣлять, какъ непріа-

тель открылъ огонь изъ другихъ орудій, число которыхъ можно было насчитать по выстрѣламъ до 30. Наши артиллеристы могли прицѣливаться въ непріятельскія орудія только по клубамъ дыма, которые бѣлыми шарами вылетали изъ-за плетней и садовъ и катились по равнинѣ къ нашей сторонѣ. Вскорѣ къ нашимъ дѣйствовавшимъ батареямъ была присоединена австрійская ракетная и поставлена на самомъ шоссе позади каменнаго моста и взвода батарейной № 3 батареи. Ракеты съ визгомъ летѣли надъ головами нашихъ артиллеристовъ и, обрисовывая на ясной синевѣ неба сначала дымную, а потомъ огненную линію, падали въ Жолчу. Отъ дѣйствія ракетъ селеніе это нѣсколько разъ загоралось. Съ самаго начала стрѣльбы можно было замѣтить превосходство надъ нами непріятеля въ орудіяхъ бѣльшаго калибра; ядра нашихъ легкихъ батарей только-что долетали до лѣваго рукава Саіо, и наши артиллеристы старались давать своимъ орудіямъ какъ можно болѣе возвышенія для увеличенія дальности полета. Но Венгерцы опять дурно цѣлили: почти всѣ ихъ ядра перелетали черезъ наши батареи, падали позади ихъ, катились по равнинѣ и останавливались передъ фронтомъ пѣхоты, почти у ногъ солдатъ; къ вечеру все поле между нашими пѣхотою и дѣйствовавшими батареями было усыяно ими. Только изрѣдка ядромъ вырывало изъ фронта батарей лошадей или человѣка, или ранило осколкомъ гранаты. Для усиленія нашего огня, отъ 12-й пѣхотной дивизіи выдвинули батарейную № 4 батарею, которая стала между Донскою № 6 и конно-легкою № 7 батареями подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ Азовскаго пѣхотнаго полка.

Видя, вѣроятно, что мы ничего не предпринимаемъ и ограничиваемся одною артиллерійскою стрѣльбой, Гергей, для дѣйствія противъ нашей артиллеріи продольными выстрѣлами въ правый ихъ флангъ, выдвинулъ на своемъ лѣвомъ флангѣ, ближе къ Нижней-Жолчѣ, еще одну батарею изъ 12 орудій. Это обстоятельство заставило насъ вывести вправо конно-легкую № 7 батарею, которая, подъ прикрытіемъ гусарскаго полка, расположилась такъ, что могла поражать въ свою очередь продольными выстрѣлами непріятельскую 12-орудійную батарею, дѣйствовала успѣшно и заставила ее сняться съ позиціи. Тогда, вмѣсто нея, Венгерцы открыли другую батарею изъ орудій бѣльшаго калибра, на дальнѣйшемъ разстояніи, такъ что она, причиняя вредъ нашимъ легкимъ батареямъ, сама оставалась внѣ выстрѣловъ.

Послѣ полудня, во время самаго разгара артиллерійской стрѣльбы, съ нашего тыла и лѣваго фланга показались войска, выходившія изъ горъ возлѣ Мишкольца. Это былъ кавалерійскій отрядъ, посланный отъ 3-го пѣхотнаго корпуса, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Засса, вслѣдъ за арміей Гергея по дорогѣ отъ Вайцена на Рима-Шомбать и Мишкольць. Выйдя на равнину, отрядъ этотъ расположился въ нѣкоторомъ отдаленіи за войсками 4-го корпуса, влѣво отъ шоссе, и сдѣлалъ привалъ. Генералу Зассу было приказано отъ его начальства, не останавливаясь, слѣдовать отъ Мишкольца на присоединеніе къ своему корпусу, почему онъ не могъ принять участія въ сраженіи, тѣмъ болѣе, что, по характеру сраженія, полезное участіе въ немъ было невозможно. Во время привала своего от-

ряда, генераль Зассъ выѣхалъ впередъ къ мосту на шоссе, гдѣ стоялъ взводъ батарейной батареи. Здѣсь я въ первый разъ увидѣлъ этого генерала, прославившагося своими смѣлыми набѣгами на Кавказѣ. Онъ былъ еще не старъ, свѣжъ и бодръ, имѣлъ длинные рыжіе усы, одѣтъ былъ въ военный сюртукъ и штатскіе панталоны; его взглядъ выражалъ рѣшительность и смѣлость. Съ нимъ пріѣхалъ полковникъ Хрулевъ, личность тоже замѣчательная, — высокій, худощавый, постоянно молчаливый, съ склоненною головой и задумчивыми глазами; онъ со временъ Дуклы слѣдовалъ въ передовыхъ отрядахъ арміи, въ это время находился въ отрядѣ генерала Засса.

— Неужели мы будемъ стоять и смотрѣть, какъ стрѣляютъ другіе? сказалъ полковникъ Хрулевъ, обращаясь къ генералу Зассу. — Позвольте, ваше превосходительство, выдвинуть хотя батарею. Стыдно будетъ уйти, не сдѣлавъ выстрѣла.

Генераль Зассъ нахмурилъ брови и молчалъ. Полковникъ Хрулевъ повторилъ просьбу.

— Хорошо, отвѣчалъ генераль Зассъ; — выдвиньте батарею.

За батареей послали ординарца. Самъ полковникъ Хрулевъ съ двумя казаками съѣхалъ съ шоссе влѣво и осмотрѣлъ лѣвый рукавъ Саю, который былъ вездѣ проходимъ. Конная батарея выѣхала; полковникъ Хрулевъ перевелъ ее въ бродъ, выше моста, полною рысью вывелъ лѣвѣе шоссе значительно впередъ моста и линіи расположенія артиллеріи 4-го корпуса и открылъ бѣглый огонь. До сихъ поръ у непріятеля не было видно батарей на его правомъ флангѣ выше Верхней-Жол-

чи; но полковникъ Хрулевъ не успѣлъ еще сняться съ передковъ, какъ тамъ, противъ него, сверкнулъ выстрѣлъ; на нашей батарее закружилась лошадь и упала съ всадникомъ; потомъ другой, третій. Рядъ клубовъ дыма открылъ сильную батарею, расположенную непримѣтно за изгородями и въ рощѣ; ея выстрѣлы были мѣткі; наша батарея въ короткое время потеряла нѣсколько людей и лошадей.

„Этотъ сумасшедшій Хрулевъ!“ сказалъ генералъ Зассъ съ досадою. — „Вѣстовой! скажи полковнику Хрулеву, чтобъ онъ сейчасъ отвелъ батарею къ отряду!“

Вѣстовой поскакалъ. Батарея взяла на передки и возвратилась бродомъ къ своему мѣсту. Въ полѣ осталось только нѣсколько лошадей убитыхъ и раненныхъ; послѣдніе стояли грустно, повѣсивъ головы. Полковникъ Хрулевъ подѣхалъ къ генералу Зассу. Послѣдній молчалъ. — „Надо дать людямъ понюхать пороху!“ сказалъ полковникъ Хрулевъ, какъ бы въ свое оправданіе.

Послѣ привала, отрядъ генерала Засса вскорѣ ушелъ чрезъ Мишкольцъ на Гарсаны, на присоединеніе къ главнымъ силамъ арміи.

Между тѣмъ артиллерійская перестрѣлка продолжалась и протяженіе нашей боевой линіи постепенно увеличивалось вправо, внизъ по Саю. Въ третьемъ часу по полудни тамъ ввели въ дѣло, подъ начальствомъ начальника 4-й легкой кавалерійской дивизіи генералъ-лейтенанта Засса (другаго), войска кавалерійскаго резерва, стоявшія до сихъ поръ правѣе 12-й пѣхотной дивизіи, — для того, какъ сказано въ реляціи, чтобы поддержать

и отчасти замѣнить артиллерію авангарда, которая выдерживала огонь съ самаго утра, и обходомъ лѣваго фланга непріятеля принудить его къ отступленію. Конная № 8 батарея, подъ прикрытіемъ одного дивизіона гусаръ, открыла огонь продольно по батарее, находившейся на лѣвомъ флангѣ непріятеля, и дѣйствовала удачно; — непріятельская батарея отступала четыре раза далѣе отъ Саіо и занимала новыя мѣста, и четыре раза наступала, вслѣдъ за нею, наша батарея, перемѣняя фронтъ сообразно съ надобностію, но не переходя за Саіо, до тѣхъ поръ, пока непріятель не скрылся совершенно за лѣсомъ. вмѣстѣ съ этимъ начальникъ 4-й легкой кавалерійской дивизіи повелъ одинъ дивизіонъ гусаръ и два дивизіона уланъ съ двумя орудіями Донской резервной № 1 батареи еще правѣе и вышелъ на ту дорогу, которая черезъ бродъ у Пога вела, какъ упоминалось выше, въ тылъ расположенія Венгерцевъ. Бродъ былъ сильно защищенъ. Находившійся противъ него на лѣвомъ берегу Саіо лѣсъ былъ занятъ непріятельскою пѣхотой; по бокамъ лѣса стояли батареи. Наступленіе далѣе для одной кавалеріи было опасно и не могло имѣть никакихъ послѣдствій, почему дивизіоны отошли на мѣсто прежняго своего расположенія.

Другихъ наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны не предпринимали; пѣхота не трогалась съ мѣста. Сраженіе было артиллерійскимъ дѣломъ, какъ и подъ Вайценомъ. Войска желали чего-нибудь поживѣе. Въ началѣ дѣла распространился ложный слухъ, что пріѣхалъ главнокомандующій; всѣ обрадовались; слышались слова: „Ну, славу Богу! Пойдемъ впередъ!“ —

Раненые артиллеристы, послѣ перевязки, кто могъ, спѣшили возвратиться къ своей батарее, — на примѣръ, фейерверкеръ Абрамъ Горковенко, раненый довольно тяжело осколкомъ гранаты въ голову. Наши батареи въ продолженіе 8 или 9 часовъ стояли неподвижно на занятыхъ ими мѣстахъ подъ ядрами и гранатами непріятеля, которыя взрывали землю впереди и позади орудій, лопались надъ головами и убивали мало только благодаря дурной стрѣльбѣ Венгерцевъ; эта неподвижная стоянка подъ жаркимъ огнемъ годилась развѣ какъ практика для не обстрѣленныхъ еще молодыхъ людей. Въ движеніи имѣешь какую-нибудь цѣль и развлекающее ожиданіе; стоя на одномъ мѣстѣ, только смотришь на полетъ гранатъ и удары ядеръ, на убитыхъ и раненыхъ товарищей, которыхъ спѣшатъ относить назадъ, къ перевязочнымъ пунктамъ, и невольно ждешь, что вотъ скоро ядро и меня срѣжетъ; душа, какъ говорится, высыхаетъ въ этомъ долгомъ ожиданіи; но всѣ исполняютъ свой долгъ и стоятъ на мѣстѣ; наконецъ, утомляешься и дѣлаешься равнодушнымъ.

Для всѣхъ, кромѣ переднихъ батарей, сраженіе представляло только великолѣпное зрѣлище. Громъ орудій, полетъ гранатъ, которыя иногда лопались въ высотѣ, огненные дуги ракетъ, пожаръ Жолчи, небольшіе столбы пыли, которые на всемъ полѣ между нами и непріятелемъ отъ удара ядеръ взлетали надъ землею, какъ фонтаны, и тотчасъ улегались, и клубы дыма, которые, какъ жемчужныя ожерелья, низались по линіи непріятельскаго расположенія.

Пѣхотинцы за водой для питья могли ходить или назадъ къ колодцамъ Мишкольца, или впередъ на-

шихъ батарей къ р. Саіо; всѣ старались идти впередъ, чтобы сколько-нибудь постоять подъ ядрами, оставались по возможности дольше, разсуждали между собою и дѣлали разныя замѣчанія. Особенно много солдатъ и фурштатовъ съ пустыми манерками и ведрами шло по шоссе къ мосту, куда противъ двухъ орудій былъ направленъ сильнѣйшій огонь. Стоя за каменными перилами моста, нѣкоторые, при паденіи по близости ядра, прятались за перила и потомъ, хохоча, высовывали опять свои головы. — „Что вы здѣсь дѣлаете? говорили имъ. — Уходите! Васъ тутъ убьютъ задаромъ“. — „Ничаво, отвѣчали они. — Авось не убьютъ! Позвольте постоять“.

Къ вечеру выстрѣлы съ обѣихъ сторонъ дѣлались рѣже и въ 6 часовъ прекратились совершенно. Наши батареи оставались еще нѣкоторое время на своихъ мѣстахъ, къ сумеркамъ снялись и отошли къ пѣхотѣ, и весь корпусъ расположился бивуакомъ: 12-я пѣхотная дивизія — на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла во время сраженія, пѣхота, артиллерія и кавалерія авангарда — впереди и кавалерія арріергарда — правѣе 12-й дивизіи, къ сторонѣ с. Чаба.

Въ обоихъ сраженіяхъ потеря съ нашей стороны, только въ 4-мъ корпусѣ, состояла: 12 іюля убитыхъ 4 и раненыхъ 23 человека, 13 іюля убитыхъ 1 оберъ-офицеръ и 13 нижнихъ чиновъ, раненыхъ — 6 оберъ-офицеровъ и 67 нижнихъ чиновъ, преимущественно изъ артиллеріи.

Непріятель оставилъ с. Жолчу и все протяженіе р. Саіо до соединенія ея съ р. Гернадомъ 14 іюля, въ 5½ часовъ утра. По 4-му корпусу сдѣлано распоряженіе

къ дальнѣйшему наступленію на Токай. 14 іюля авангардъ тронулся по шоссе въ полдень. Казаки открыли венгерскія войска въ сильной позиціи, на лѣвомъ берегу р. Гернада въ с. Гештели, находящемся на шоссе, — и ниже къ сторонѣ Тейсы. Мостъ на шоссе чрезъ рѣку былъ разрушенъ. Пройдя с. Жолчу, авангардъ остановился на шоссе у д. Онга. Одновременно съ выступленіемъ отъ Мишкольца авангарда былъ посланъ начальникъ 4-й легкой кавалерійской дивизіи съ кавалерійскою бригадою и конною батареей (бывшими 13 числа въ арріергардѣ) вправо на Онедъ и Пога съ приказаніемъ открыть движеніе непріятеля въ направленіи на с. Лучъ (находится близъ Тейсы, недалеко отъ впаденія въ нее Саіо), переправиться бродомъ у Пога въ с. Керемъ въ то время, когда 4-й корпусъ будетъ наступать на Гештели, дѣйствовать непріятелю во флангъ и показывать видъ, что этотъ отрядъ есть авангардъ корпуса, и для того приказывать жителямъ заготовить продовольствія на 40 тысячъ человѣкъ и 15 тысячъ лошадей. Главными силами корпуса предполагалось начать наступленіе къ Гештели между 12 и 2 часами по-полудни.

Начальникъ 4-й кавалерійской дивизіи, проходя съ своимъ отрядомъ чрезъ с. Онедъ, узналъ, что Венгерцы расположены на лѣвомъ берегу Саіо ниже впаденія въ нее Гернада, въ лѣсу около Керема, защищая, какъ и наканунѣ, бродъ у Пога, и сдѣлалъ къ броду наступленіе, но былъ встрѣченъ выстрѣлами изъ орудій. Окрестности брода были защищены значительными силами непріятеля. Послѣ непродолжительной перестрѣлки нашъ конный отрядъ долженъ былъ отказаться отъ

невозможной для него попытки перейти бродомъ за рѣку и остановился внѣ выстрѣловъ.

Вообще, Венгерцы въ расположеніи ихъ на рр. Саю и Гернадѣ могли оказать прямымъ атакамъ 4-го корпуса болѣе сильное сопротивленіе, чѣмъ въ дѣлѣ 12 іюля. 13 и 14 числа корпусъ могъ съ большею пользою, чѣмъ 12 числа, дѣйствовать сосредоточенными силами въ направленіи на бродъ у Пога, для обхода обѣихъ позицій непріятеля на Саю и Гернади, о чемъ предположеніе, а также мнѣніе Гергея высказано выше. Впрочемъ 13 и 14 числа корпусъ могъ дѣйствовать также и противъ праваго фланга непріятеля, и дѣйствія въ этомъ направленіи имѣли то преимущество, что верховья Саю и Гернада были проходимы во многихъ мѣстахъ, тогда какъ въ низовьяхъ былъ одинъ бродъ у Пога, сильно защищенный, — мы скорѣе овладѣвали путемъ на Кашау и очищали сообщенія наши съ Галиціей, могли также отрѣзать Гергею отступленіе на Токай и опрокинуть его на Тейсу, а еслибы были разбиты сами, то были бы отброшены не въ болота Тейсы, а на Мишкольць или Кашау, гдѣ нашли бы опору въ своихъ отрядахъ.

Дальнѣйшія движенія 4-го корпуса остановились у Онга и Пога вслѣдствіе новаго распоряженія.

Главнокомандующій съ главными силами русской арміи двинулся наконецъ обратно отъ Дуная для дѣйствій противъ Гергея. Австрійская армія, въ которой находилась и наша 9-ти пѣх. дивизія, наступала, какъ сказано выше, внизъ по Дунаю отъ Песта на Сегединъ и преслѣдовала корпусъ Дембинскаго.

Въ то время, когда происходили дѣла 12 и 13 іюля

подъ Мишкольцемъ, князь Паскевичъ отдѣлилъ вправо отрядъ подъ командою начальника главнаго штаба арміи, генералъ-адъютанта князя Горчакова, для овладѣнія переправою чрезъ Тейсу у Тисса-Фюреда, а самъ съ двумя дивизіями пѣхоты, бригадою регулярной и бригадою иррегулярной кавалеріи шелъ къ сторонѣ Мишкольца, чтобы, сообразно съ обстоятельствами, имѣть возможность поддержать 4-й пѣхотный корпусъ, и если непріятель стоитъ еще на рѣкахъ Саю и Гернадъ, атаковать его болѣе многочисленными силами, — для этого двинуться (изъ Гарсанъ или Ваты) къ Онеду, притянуть туда 4-й пѣхотный корпусъ, овладѣть бродомъ у Пога, обойти обѣ позиціи непріятеля на Саю и Гернадъ и отрѣзать ему отступление на Токай. 13 іюля голова колонны, шедшей съ главнокомандующимъ, находилась уже въ с. Абранахъ. Но, получивъ въ Мезо-Кевездѣ донесеніе командира 4-го пѣх. корпуса о сраженіи, происшедшемъ 13 іюля, и объ отступленіи 14 іюля непріятеля изъ Жолчи за Гернадъ, фельдмаршалъ далъ генералу Чеодаеву слѣдующее предписаніе (подписано въ Мезо-Кевездѣ 14 іюля): „Усматривая изъ донесенія вашего, что вы, соединивъ (13 іюля) въ одну батарею около 100 орудій, въ продолженіе цѣлаго дня не могли сбить непріятельской артиллеріи, я долженъ заключить, что непріятельскія батареи закрыты самою мѣстностію, а потому предписываю отодвинуть ваши батареи изъ подъ выстрѣловъ непріятеля, для избѣжанія безполезной траты зарядовъ. Вы не можете форсировать переправы, но достаточно сильны, чтобы справиться съ непріятелемъ, еслибъ онъ началъ наступать; посему стойте противъ него и наблюдайте, что онъ предпринимаетъ. Всѣ мои

предположенія были, чтобы вы взяли непріятеля во флангъ. Вы въ этомъ не успѣли и находитесь теперь противъ его фронта; предполагаемый маневръ не удался, то и нечего за нимъ гоняться. Но если непріятель будетъ отступать, то преслѣдуйте только авангардомъ, при чемъ пѣхотѣ онаго далѣе полперехода идти не позволяйте, кавалерія же можетъ идти и на цѣлый переходъ: сами оставайтесь на позиціи до приказанія и старайтесь узнать, не взялъ ли непріятель, или какая его часть, другаго направленія. При отступленіи непріятеля вамъ уже должно будетъ не преслѣдовать его на Токай, а идти на Онедь. Для открытія его, какъ я сказалъ выше, пошлите по направленію къ Токаю авангардъ и сверхъ того отправьте на Онедь другой авангардъ, дабы узнать, не пойдетъ непріятель туда. Къ вамъ пришелъ генераль-лейтенантъ Зассъ съ частию кавалеріи 3-го корпуса. Вы можете на Онедь послать его, приказавъ ему, по прибытіи туда, донести мнѣ въ то мѣсто, гдѣ находится будетъ моя главная квартира. Вчера было приказано послать изъ Абранъ сильную конную партію на р. Саю, по направленію къ Онеду; но донесенія оттуда я еще не имѣю. Если, чего я не думаю, вы будете атакованы, то посылайте съ донесеніемъ вѣрнаго офицера. Если непріятель уже отступилъ, то станьте такъ, чтобы послѣ-завтра вы могли выступить на Абраны“.

Приказаніе это было получено 4-мъ корпусомъ 14 іюля въ 2 часа по-полудни, и корпусъ тотчасъ возвратился отъ Онга и Онеда на свои прежніе бивуаки къ Миш-кольцу. Здѣсь мы простояли 14 и 15 іюля до вечера и нѣсколько отдохнули, починились и запаслись кое-

чѣмъ послѣ долгихъ движеній. Разнощики постоянно ходили по бивуаку войскъ и продавали вино, закуски, сигары и разные товары; они даже во время сраженія 13 іюля разносили свои товары между войсками, стоявшими въ резервѣ, внѣ выстрѣловъ. Здѣсь въ первый разъ кругомъ бивуака появились толпы женщинъ легкаго поведенія; изъ нихъ большая часть отстала отъ арміи Гергея, — единственная добыча, которую мы отбили у него. Болѣе, на всемъ пути отступленія, онъ не оставилъ намъ ни одного сломаннаго колеса.

14 іюля прибылъ къ Мишкольцу 20-ти тысячный отрядъ генераль-адъютанта Граббе, находившійся прежде въ западной Галиціи. Еслибъ этотъ отрядъ прибылъ днемъ или двумя ранѣе, то могъ бы дѣйствовать совокупно съ 4-мъ корпусомъ.

15 іюля, для удостовѣренія, находится ли непріятель еще на Гернадѣ, были посланы въ рекогносцировку двѣ сотни казаковъ. На позиціи у Гештели виднѣлись еще войска и орудія. Впослѣдствіи, при движеніи на Токай, я осматривалъ мѣсто венгерскаго бивуака, неправильно разбросаннаго позади Гештели по обѣимъ сторонамъ шоссе. Судя по потоптаннымъ мѣстамъ и оставшейся соломѣ, здѣсь находилось до 40 баталіоновъ; кромѣ того, по показанію жителей, самое селеніе занималось небольшимъ числомъ войскъ. Другія колонны и обозы ночевали въ другихъ селеніяхъ, лежащихъ на шоссе и на Гернадѣ и Саіо. Впрочемъ, по бивуакамъ трудно опредѣлить вѣрно число войскъ, особенно венгерской арміи, имѣвшей большой обозъ.

15 же числа въ Мишкольцъ пріѣхали два венгерскихъ офицера въ видѣ парламентеровъ. Они привезли

отъ Гергея письмо и въ подарокъ по парѣ пистолетовъ генералу Зассу и полковнику Хрулеву, преслѣдовавшимъ Венгерцевъ съ войсками 3-го корпуса отъ Вайцена и имѣвшимъ случай входить съ Гергеемъ въ нѣкоторыя сношенія, какъ упоминалось выше. Вѣроятно также, что Гергей желалъ узнать, какія войска стоятъ у Мишкольца. Впослѣдствіи пистолеты были возвращены ему. Русскій офицеръ, провожавшій парламентаревъ обратно того же числа, видѣлъ еще въ Гештели до 30 орудій.

IX.

Движеніе русской арміи къ Дебре- чину.

Между тѣмъ начальникъ главнаго штаба арміи, князь Горчаковъ, устраивалъ переправу чрезъ Тейсу у Тисса-Фюреда. Не знаю, что при этомъ было. Венгерскихъ войскъ у Тисса-Фюреда не могло быть много, развѣ наблюдательный отрядъ, потому что наступленіе австрійской арміи на югъ отвлекло отсюда всѣ отдѣльные отряды. Въ арміи ходили рассказы, что Венгерцы не оказали намъ сопротивленія и что въ ночь прибытія нашихъ войскъ, подъ командою князя Горчакова, къ Тейсѣ вышло какое-то недоразумѣніе и суета и сдѣлалась ложная тревога. 14 іюля дивизія генераль-лейтенанта Лабинцева находилась уже на лѣвомъ берегу рѣки, а къ слѣдующему утру былъ готовъ понтонный мостъ. Тогда главнокомандующій, намѣреваясь переправиться у Тисса-Фюреда со всѣми силами своей арміи, въ томъ числѣ и съ 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, приказалъ этому корпусу слѣдовать въ с. Абраны, откуда велъ

прямой путь на Тисса-Фюредъ чрезъ с. Поросло, находящееся на правомъ берегу Тейсы, недалеко отъ переправы.

Вечеромъ 15 іюля 4-й корпусъ выступилъ изъ Мишкольца въ полномъ составѣ и ночевалъ на 16 число въ Абрахахъ; 16-го предполагалось идти въ Поросло. 2 и 3-й пѣхотные корпуса перешли 16 іюля на лѣвый берегъ Тейсы. Отрядъ генераль-адъютанта Граббе оставался въ Мишкольцѣ и на другой день по выступленіи 4-го корпуса, т. е. 16 же іюля, продолжалъ наступать отдѣльно по прежнему пути дѣйствій 4-го корпуса на Токай. Получивъ другое назначеніе и отойдя отъ Мишкольца, 4-й корпусъ не слѣдилъ уже за неприятелемъ на Саю и Гернадѣ; движенія Гергея оставались намъ неизвѣстными въ продолженіе 16 числа, въ самую рѣшительную минуту, и это имѣло вредное вліяніе на успѣхъ движенія всей арміи на Дебречинъ. — Можно было надѣяться, что неприятель находится подъ наблюденіемъ отряда генерала Граббе; но отрядъ этотъ былъ далѣе отъ главной квартиры арміи, чѣмъ 4-й корпусъ; донесенія изъ отряда могли опаздывать, а дѣйствія его приняли такой оборотъ, какъ будетъ видно вслѣдъ за симъ, что даже въ 4-мъ корпусѣ не знали, гдѣ находится и самый отрядъ генерала Граббе.

Но получивъ донесеніе генерала Чеодаева о произведенной 15 іюля рекогносцировкѣ и увидѣвъ изъ него, что Гергей стоитъ еще этого числа на р. Гернадѣ у Гештели, главнокомандующій измѣнилъ прежнія свои распоряженія и, желая очистить наконецъ наши сообщенія съ Галиціей и выбить Гергея съ Саю и

Гернада, предписалъ 4-му корпусу и отряду генерала Граббе сосредоточиться на правомъ берегу р. Саю, у Онеда и Пога, съ тѣмъ чтобы двинуть туда и остальные силы арміи для дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій въ этомъ направленіи.

По этому новому распоряженію 4-й пѣхотный корпусъ съ 16-го на 17-е іюля ночевалъ по частямъ въ Абрахахъ и Ватѣ, 17-го іюля сосредоточился въ Ватѣ, а авангардъ его выдвинулся къ Пога, лежащему на правомъ берегу р. Саю. 17 же іюля нѣкоторыя части главныхъ силъ арміи сдѣлали отъ Тисса-Фюреда одинъ переходъ вверхъ по лѣвому берегу Тейсы, къ с. Чеге, гдѣ былъ немедленно наведенъ черезъ р. Тейсу понтонный мостъ. По прибытіи 17 іюля къ Пога нашего авангарда, оказалось, что рр. Саю и Гернадъ уже оставлены непріятелемъ, какъ объяснили жители, въ ночь съ 16 на 17 іюля. Казаки немедленно переправились на лѣвый берегъ и заняли с. Керемъ. Отсюда казачьи разъѣзды проѣхали далѣе и узнали, что арріергардъ венгерскихъ войскъ прошелъ уже 17 числа въ одинъ переходъ въ Токай. Въ то же время отъ 4-го корпуса были посланы разъѣзды во все стороны, какъ для открытія непріятеля, такъ и для сообщенія съ главными силами арміи и съ отрядомъ генераль-адъютанта Граббе, который, по сдѣланному распоряженію, долженъ бы былъ соединиться съ 4-мъ корпусомъ 17 іюля близъ Онеда, но не приходилъ и неизвѣстно гдѣ находился.

Одинъ изъ казачьихъ разъѣздовъ 4-го корпуса, доѣхавъ до мѣста прежняго расположенія венгерской арміи у с. Гештели, неожиданно нашелъ близъ него въ полѣ, на правой сторонѣ р. Гернада, убитыхъ и ране-

ныхъ русскихъ солдатъ. Раненые показали, что 16-го іюля генераль Граббе, вѣроятно не получившій еще распоряженія о слѣдованіи къ Онеду на соединеніе съ 4-мъ корпусомъ, шелъ по Токайскому шоссе, встрѣтилъ утромъ 16-го іюля на р. Гернадѣ венгерскія войска въ той самой позиціи, въ которой видѣли ихъ прежде войска 4-го пѣх. корпуса, и атаковалъ ихъ, но, встрѣченный сильнѣйшимъ артиллерійскимъ огнемъ, отступилъ къ Мишкольцу. Потомъ оказалось, что отрядъ отступилъ за Мишкольцъ въ горы, по прежнему пути своего слѣдованія изъ Галиціи. Отъ полковъ 4-го корпуса были посланы къ Гештели команды и повозки: убитыхъ похоронили, а раненыхъ привезли въ полковые лазареты 4-го корпуса.

Въ то же время со всѣхъ сторонъ получались самыя противорѣчащія другъ другу свѣдѣнія. Говорили объ отступленіи Гергея на Кашау; изъ Мишкольца увѣдомили о намѣреніи его возвратиться къ Песту прежнею дорогою на Мишкольцъ, Рима-Шомбать и Лозончъ, потому что путь этотъ открытъ, тогда какъ путь на Токай и Дебречинъ можетъ быть перерѣзанъ нами. Очевидно, распускались ложные слухи, чтобы держать насъ въ продолжительномъ заблужденіи.

Что нашъ главнокомандующій находился 17-го іюля въ полной неизвѣстности, гдѣ Герей, въ то время, когда главныя силы Венгерцевъ были уже на лѣвой сторонѣ Тейсы и шли изъ Токая къ сторонѣ Дебречина и Гросъ-Вардейна, служитъ доказательствомъ сообщеніе его генералу Чеодаеву, подписанное 17-го іюля въ с. Чеге: „Я предполагаю, писалъ кн. Паскевичъ, прибыть лично съ войсками 2-го

и 3-го пѣхотныхъ корпусовъ для дѣйствій, совмѣстно съ вами, противъ Гергея на правомъ берегу Тейсы, и посему предписываю: если Гергей въ отступленіи и ввѣренный вамъ корпусъ съ отрядомъ генераль-адъютанта Граббе его преслѣдуютъ, то корпусу сему и отряду остановиться въ мѣстахъ, гдѣ настоящее повелѣніе ихъ застанетъ, донести о томъ мнѣ и не идти далѣе, а наблюдать только за непріателемъ, слѣдя его казаками, и каждые два часа доносить мнѣ о направленіи непріателя. Если, напротивъ того, Гергей не отступилъ, то 4-му корпусу и отряду генерала Граббе, прибывъ 18 числа къ Саю у Онеда и Пога, остановиться на правомъ берегу сей рѣки; если противоположный берегъ не занятъ непріателемъ, то перевести на оный походнаго атамана (генераль-лейтенанта Кузнецова) съ казаками, поручивъ ему наблюдать за непріателемъ. Если непріатель занимаетъ лѣвый берегъ Саю, то нашихъ войскъ совсѣмъ на этотъ берегъ не переводить. Прибытіе мое съ 2-мъ и 3-мъ корпусами къ Онеду не можетъ быть прежде ночи съ 19-го на 20-е іюля; съ 19-го на 20-е я прибуду въ то мѣсто, гдѣ будетъ находиться 4-й корпусъ. Главное наше дѣло теперь — возстановленіе нашихъ сообщеній; второе — не упускать Гергея, если онъ выйдетъ изъ Токая на Дебречинъ. Въ этомъ состоитъ весь планъ. Итакъ, вамъ должно остановиться, чтобы мы могли подтянуться. Если Гергей будетъ такъ дерзокъ, что остановится противъ насъ и захочетъ дать намъ сраженіе, то я намѣренъ его атаковать не съ тремя дивизіями, а съ семью“, и проч. Подобныя недоразумѣнія и неизвѣстность на войнѣ

неизбѣжны. Свѣдѣнія, доставляемыя шпионами и развѣздами, не всегда вѣрны; донесенія получаются поздно, когда положеніе дѣлъ уже измѣнилось; сообщенія между различными частями арміи не всегда исправны и безопасны, — приказанія и донесенія иногда теряются; при всемъ стараніи начальниковъ и усердіи подчиненныхъ и войскъ, все можетъ опаздывать и не идти съ желаемою точностію и своевременностію. Свѣдѣнія и слухи есть шаткое и невѣрное основаніе военныхъ дѣйствій. Хорошая аттака проникаетъ въ тайныя намѣренія и опредѣляетъ силы и дѣйствія непріятеля лучше и глубже всякаго шпиона.

Частыя передвиженія русскихъ и венгерскихъ войскъ на пространствѣ между Мишкольцемъ, Мезо-Кевездомъ и р. Саю опустошили ближайшія къ дорогамъ окрестности: поля были потоптаны, отдѣльные дома и крайніе дома селеній и сараи разобраны на топливо; самыя селенія брошены жителями. Но при этомъ и было видно неистощимое богатство Венгріи. Въ верстѣ отъ шоссе на поляхъ лежало безчисленное количество не убранныхъ копенъ хлѣба, а въ 5 верстахъ фуражиры находили въ изобиліи сѣно и овесъ и видѣли огромныя стада барановъ, рогатаго скота, гусей и другой домашней птицы, угнанныхъ жителями съ путей движенія войскъ.

Наконецъ дѣла разъяснились. Посланный отъ 4-го корпуса съ сотнею казаковъ для отысканія отряда генераль-адъютанта Граббе и для передачи ему предписанія главнокомандующаго о дальнѣйшемъ движеніи, генеральнаго штаба поручикъ Никольскій догналъ этотъ отрядъ за Мишкольцемъ на отступленіи обрат-

но въ горы. Со всѣхъ сторонъ, даже съ лѣваго берега Тейсы, подтверждались слухи объ отступленіи Гергея изъ Токая на Дебречинъ. Нашей арміи отданы окончательныя приказанія для дальнѣйшаго наступленія къ послѣднему городу. Отъ 4-го корпуса къ главнымъ силамъ присоединили 12-ю пѣхотную дивизію съ артиллеріей, одинъ гусарскій и одинъ уланскій полки съ конною батареей. Селенгинскій пѣхотный полкъ оставленъ въ Мишкольцѣ со всѣми больными и плѣнными, которые въ послѣдствіи были пересланы въ Кашау. Штабъ 4-го пѣхотнаго корпуса, три полка 11-й пѣх. дивизіи, 4-й саперный, 4-й стрѣлковый и австрійскій баталіонъ Парма, подъ начальствомъ генерала Чеодаева, получили назначеніе идти за непріателемъ на Токай, занять этотъ городъ вмѣстѣ съ отрядами генерала - отъ-кавалеріи барона Остенъ-Сакена и генераль-адъютанта Граббе и устроить здѣсь переправу.

Генераль Чеодаевъ выступилъ изъ мѣстъ расположенія своего отряда 19-го іюля, переправился чрезъ Саю у д. Пога по понтонному мосту и слѣдовалъ на Токай чрезъ Керемъ, Бекечъ и Шеренцъ. Въ послѣднемъ мѣстечкѣ узнали, что въ немъ находилась главная квартира Гергея съ 14 по 17 іюля, до самаго выѣзда его въ Токай, и здѣсь по конфирмаціи его разстрѣляли нѣсколькихъ офицеровъ за бѣгство съ поля сраженія. Передовыя части авангарда отряда генерала Чеодаева, выйдя 19-го іюля за Шеренцемъ на шоссе, идущее отъ Кашау къ Токаю, встрѣтили отрядъ генераль-адъютанта барона Остенъ-Сакена, двигавшійся отъ Кашау, и вступили въ Токай вмѣстѣ съ нимъ.

Городъ этотъ былъ оставленъ арріергардомъ арміи Гергея въ ночь съ 17 на 18 іюля. Мостъ на плотахъ черезъ Тейсу былъ разрушенъ отступившимъ непріятелемъ, но вскорѣ вновь устроенъ нами.

Главныя силы арміи тронулись отъ Тейсы на Уйварошъ къ Дебречину 19 іюля. 21 іюля произошло сраженіе подъ Дебречиномъ. Я не былъ въ этомъ дѣлѣ и все, что пишу о немъ, основано на свѣжихъ разсказахъ нашихъ военныхъ и жителей Дебречина. Несомнѣнно, что въ Дебречинѣ не было главныхъ силъ венгерской арміи и самого Гергея; онѣ и всѣ обозы шли отъ Токаю другою дорогою, на с. Надъ-Калло къ Гросъ-Вардейну; чрезъ Дебречинъ былъ направленъ изъ Токаю только корпусъ генерала Надчандора, который также успѣлъ бы уйти, но оставался потому, что приходъ русскихъ войскъ ожидали днемъ позже, 22 іюля. За движеніемъ русскихъ войскъ со стороны Уйвароша дурно наблюдали; Венгерцевъ застали почти върасплохъ: венгерскіе солдаты отдыхали; офицеры пирировали; жители угощали и честили ихъ за совершенныя ими походы и подвиги. Когда началось дѣло, они полагали, что прибылъ только нашъ передовой отрядъ. Генераль Надчандоръ выѣхалъ изъ города спокойно, съ сигарою во рту, и былъ очень удивленъ, увидѣвъ почти всю русскую армію, строящуюся въ боевой порядокъ. Нѣкоторыя части непріятельскаго корпуса были разсѣяны, одинъ баталіонъ почти истребленъ, однакоже большая часть корпуса, хотя въ величайшемъ безпорядкѣ, ушла изъ Дебречина и отступила на Гросъ-Вардейнъ, по случаю упущенія или недоразумѣнія съ нашей стороны; рассказывали, —

это впрочемъ было извѣстно всей арміи какъ фактъ, — что одна наша кавалерійская дивизія, выдвинутая въ обходъ къ пути отступленія Венгерцевъ, расположилась въ боевомъ порядкѣ близъ дороги въ кукурузѣ, которую засѣяны здѣсь огромныя поля и которая такъ высока, что въ ней не видно было всадника съ пикою, оставалась неподвижна и не атаковала непріятеля, проходившаго мимо въ недалекомъ разстояніи. Начальника дивизіи обвинили въ бездѣйствіи; онъ оправдывался тѣмъ, что ожидалъ и не получилъ приказаній.

Въ этотъ же день русская армія заняла Дебречинъ и расположилась въ немъ и его окрестностяхъ. Отступающій непріятельскій корпусъ не былъ преслѣдуемъ настойчиво, вѣроятно оттого, что, кромѣ вышесказаннаго недоразумѣнія съ кавалерійскою дивизіей, наши войска сдѣлали уже въ этотъ день порядочный переходъ.

Въ итогѣ, движеніе на Дебречинъ не вполнѣ удалось, не достигло своей прямой цѣли, опредѣляемой самимъ ходомъ дѣла: Гергей ускользнулъ отъ насъ въ третій разъ. Теперь, по исходѣ событія, можно вѣрнѣе опредѣлить, отъ чего это зависѣло.

Предпринятое русскимъ главнокомандующимъ съ многочисленною арміей быстрое движеніе отъ границъ Галиціи къ Вайцену, чрезъ всю глубину и середину Венгріи, въ разрѣзъ венгерскихъ силъ, съ намѣреніемъ скорѣе настигнуть и разбить непріятеля, повело къ общему успѣху войны; однакоже, исполненіе многихъ предпріятій, въ частности, намъ, очевидно, не удавалось. На успѣхъ имѣютъ вліяніе не одни личныя свойства и удачныя дѣйствія исполнителей, но и общіе стратегическіе расчеты,

двигающіе войсками: въ искусно руководимую войну и дурные исполнители дѣлаются хорошими; при успѣхѣхъ всѣ хороши. При тогдашнихъ понятіяхъ о достоинствахъ военнаго человека и отношеніяхъ начальствующихъ лицъ, нельзя было ожидать отъ второстепенныхъ начальниковъ самостоятельныхъ дѣйствій, а все, болѣе чѣмъ когда-либо, зависѣло отъ общихъ распоряженій арміею. Разъясненіе причинъ частныхъ неудачъ и вѣрности общихъ соображеній занимало всѣхъ участвовавшихъ въ Венгерскую войну, и объ этомъ въ нашихъ войскахъ много разсуждали въ продолженіе войны и по ея окончаніи. Изученіе войны полезно всѣмъ военнымъ людямъ; — оно разсѣваетъ теоретическую самонадѣянность, указывая, что для успѣха недостаточно одной заблаговременной подготовки и что каждая минута требуетъ особаго соображенія. О Вайценѣ я говорилъ выше; здѣсь скажу только о Мишкольцѣ и Дебречинѣ. Хотя мнѣ неизвѣстны документы главнаго штаба арміи, дѣйствовавшей въ Венгріи, но полагаю, что о дѣйствіяхъ, относящихся къ Мишкольцкому періоду, участвовавшему въ этихъ дѣйствіяхъ можно составить довольно опредѣленное мнѣніе изъ самаго хода дѣлъ. Вообще, въ приказаніяхъ, отдаваемыхъ во время войны, можно лучше доискаться истины, чѣмъ въ официальныхъ донесеніяхъ, дѣлаемыхъ по окончаніи событій; потому что приказывается необходимое для дѣла, а доносится, иногда, нужное для себя. 4-й корпусъ подъ Мишкольцемъ находился въ центрѣ дѣйствій, въ столкновеніи съ арміей Гергея или по близости ея, и въ немъ были извѣстны движенія непріятеля, нашихъ главныхъ силъ и отдѣльных отрядовъ

генераловъ Граббе и Остенъ-Сакена. Предоставляя другимъ разяснить и исправить то, что въ моемъ мнѣніи невѣрно, я считаю не бесполезнымъ высказать его. Изъ хода событій видно, что послѣ Вайценскаго дѣла нашъ главнокомандующій долго, неуслонно слѣдовалъ плану движенія всей арміи чрезъ Тисса-Фюредъ на Дебречинъ, не сближаясь съ Мишкольцемъ и какъ бы не обращая вниманія на пребываніе Гергея на нашихъ сообщеніяхъ. Изъ предписаній главнокомандующаго было видно, что у него было, между прочимъ, въ виду отрѣзать Гергею отступление, чтобы заставить его принять бой или положить оружіе, — маневръ, могшій окончить войну однимъ ударомъ, составлявшій славу великихъ полководцевъ и исполнимый, по видимому, только движеніемъ на Дебречинъ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что до Вайцена главнокомандующій слишкомъ опасался за наши сообщенія, двинувъ 2 іюля 4-й корпусъ назадъ къ Мишкольцу, а послѣ Вайцена былъ, по видимому, слишкомъ равнодушенъ къ нимъ. Потомъ, мы видимъ, выказывается новое обстоятельство: Гергей стоитъ долго на нашихъ сообщеніяхъ. Оно заставило главнокомандующаго по необходимости измѣнить свой прежній планъ — прямого движенія на Дебречинъ — и двинуться къ сторонѣ Мишкольца, чтобы выбить Гергея съ нашихъ сообщеній. „Главное дѣло теперь, — пишетъ онъ генералу Чеодаеву 17 іюля, — возстановленіе нашихъ сообщеній; второе — не упускать Гергея, если онъ выйдетъ изъ Токая на Дебречинъ“. Съ этою цѣлью и для совокупныхъ дѣйствій съ 4-мъ корпусомъ на правой сторонѣ Тейсы, онъ двинулся сначала съ двумя пѣ-

хотными дивизіями и двумя кавалерійскими бригадами, дошедшими 13 іюля до с. Абранъ. Хотя отъ Абранъ гораздо ближе до Мишкольца и р. Саіо у Онеда, чѣмъ до Дебречина, но, не упуская изъ виду свой первый планъ и предполагая, что Гергей началъ отступление за Тейсу, онъ перешелъ Тейсу въ Тисса-Фюредъ для дѣйствій на ея лѣвой сторонѣ къ Дебречину. Узнавъ, что Венгерцы не отступили, а стоятъ еще 15 іюля на р. Саіо и Гернадъ, онъ двинулся вторично 17 іюля лѣвымъ берегомъ Тейсы, вверхъ къ с. Чеге, для перехода обратно на правую сторону этой рѣки, чтобы выбить наконецъ непріятеля съ нашихъ сообщеній. Можетъ-быть движенія эти были только угрожающія, чтобы заставить Венгерцевъ отступить; но во всякомъ случаѣ движенія были вынуждены и необходимы, на нихъ потрачено время, и такое спугиваніе Гергея съ правой стороны Тейсы, чтобы поймать его на лѣвой сторонѣ, дозволило послѣднему отступить изъ Токая во-время. Арріергардъ Гергея двинулся отъ Тейсы къ Гросъ-Вардейну 18 іюля, а передовыя части ранѣе, тогда какъ наша армія тронулась отъ Тейсы на Дебречинъ 19 іюля. Къ тому же оказалось, что главныя силы Гергея вовсе не шли на Дебречинъ. Наша атака въ Дебречинъ вышла, можно сказать, ударомъ въ пустоту.

Указанныя измѣненія первоначальнаго плана, происшедшія отъ этого упущенія, и не достигнутая подъ Дебречиномъ цѣль даютъ много основаній сказать, что слѣдовательно этотъ планъ былъ неудобоисполнимъ и оттого невѣренъ, что Дебречинъ былъ неправильною цѣлью движенія, и что было бы лучше послѣ Вайцен-

скаго дѣла избрать цѣлью дѣйствій то, для чего этотъ первоначальный планъ былъ по необходимости измѣняемъ, т. е. прежде выбить непріятеля съ нашихъ сообщеній, а потомъ предпринимать что-нибудь другое, тѣмъ болѣе, что выбить значитъ разбить и извлекать изъ этого возможные послѣдствія, — и для того послѣ Вайценскаго дѣла тотчасъ двинуться на Мишкольцъ. Въ этомъ убѣждаютъ не только неудачныя послѣдствія исполненнаго предпріятія, дающія еще возможность сказать, что при другихъ обстоятельствахъ и при лучшемъ исполненіи подробностей они могли быть удачными, но и разсмотрѣніе всѣхъ условій и обстоятельствъ движенія, которыя можно было предвидѣть.

Намѣреніе отрѣзать Гергею отступление или настигнуть его дальнимъ движеніемъ чрезъ обширное пространство края отъ Вайцена къ Дебречину не было вѣрно-избранною цѣлью дѣйствій въ рѣшительную минуту, когда успѣхъ зависитъ отъ быстроты и вѣрности принятаго рѣшенія, потому что, какъ я говорилъ выше, намъ не было извѣстно, какъ будетъ дѣйствовать Гергей ставъ на нашихъ сообщеніяхъ, долго ли останется на нихъ, не предприметъ ли наступательныхъ дѣйствій и пойдетъ ли непременно на Дебречинъ. Нельзя было предполагать, что Гергей, занявъ на нашихъ сообщеніяхъ такой важный пунктъ, какъ Мишкольцъ, откуда онъ владѣлъ переправою чрезъ Тейсу въ Токаѣ и могъ маневрировать на обѣихъ сторонахъ этой рѣки, — уйдетъ оттуда скоро. Въ его власти было еще большое пространство своего края, который могъ продовольствовать его армію, и

онъ, по обыкновеннымъ расчетамъ, безъ предварительнаго и неизвѣстнаго еще намъ вѣрно намѣренія отступать скорѣе къ Араду, могъ держаться здѣсь дольше и сдѣлать намъ вреда болѣе, чѣмъ въ какомъ другомъ мѣстѣ. Нельзя было также надѣяться захватить его въ Дебречинѣ, перейдя Тейсу у Токая, онъ выходилъ на равнины Венгріи, гдѣ имѣлъ передъ собою много свободныхъ путей, могъ легче уклониться отъ боя, и гдѣ вообще труднѣе отрѣзать отступление, чѣмъ между горами и большою рѣкой. Цѣлью нашихъ дѣйствій долженъ бы быть Гергей не тамъ, гдѣ онъ могъ быть предположительно, въ отдаленномъ отъ насъ пунктѣ, и гдѣ можетъ-быть не будетъ, а тамъ, гдѣ онъ находился дѣйствительно и ближе къ намъ, т. е. Гергей опять въ Мишкольцѣ, а не въ Дебречинѣ. Кроме вреда нашимъ сообщеніямъ, гораздо важнѣе сложенія имъ оружія на равнинахъ среди мадьярскаго населенія было пораженіе его арміи въ Карпатахъ, населенныхъ Славянами. Было полезно ловить моментъ пребыванія мадьярской арміи среди славянскаго населенія; уничтоженіе этой арміи въ Карпатахъ дало бы войнѣ другое значеніе, чѣмъ сложеніе оружія, похожее издали для темнаго народа на обыкновенный миръ. Если допустить, что Гергей при движеніи нашей арміи на Мишкольцъ успѣлъ бы уйти за Тейсу, то это не было бы хуже того, что случилось; — онъ ушелъ и при движеніи нашемъ на Дебречинѣ. Наше дальнѣйшее наступленіе въ глубину Венгріи для пораженія собранныхъ въ кучу венгерскихъ войскъ могло производиться отъ Токая такъ же удобно, какъ и отъ Тисса-Фюреда. Но Гергей не успѣлъ бы уйти отъ главныхъ силъ

нашей арміи изъ Мишкольца за Тейсу. По расчету времени и переходовъ, наши главные силы могли прибыть къ Мишкольцу во-время и достигнуть значительныхъ еще успѣховъ. Отъ Вайцена до Мишкольца семь переходовъ. Еслибы главные силы выступили отъ Вайцена 6 іюля, то могли бы прибыть къ Мишкольцу 12 іюля, въ день сраженія того числа. Дѣлая усиленные переходы, они могли прибыть 11 іюля. Изъ предписанія главнокомандующаго генералу Чеодаеву 6 іюля видно, что онъ предполагалъ быть съ главною квартирой въ Гіонгіосѣ 9 іюля, т. е. онъ самъ находилъ возможнымъ выступить отъ Вайцена 7 іюля. Въ такомъ случаѣ, онъ могъ поспѣть къ Мишкольцу 13 іюля, когда Гергей стоялъ на Саю, а дѣлая усиленные переходы—12 іюля. Это не было исполнено. 11 іюля главная квартира находилась еще въ Гатванѣ, и того же числа было разрѣшено генералу Чеодаеву дѣйствовать наступательно. Еслибы наша армія двинулась изъ Гатвана къ сторонѣ Мишкольца хотя 11 іюля (отъ Гатвана до Мишкольца пять переходовъ), то могла быть на Саю 13, а при усиленныхъ переходахъ—14 іюля.

Естественно, главнокомандующій могъ довѣрять болѣе всего самому себѣ и желать лично командовать войсками въ важнѣйшихъ событіяхъ, рѣшавшихъ судьбу войны, — и для вѣрнѣйшаго успѣха, не рискуя своею прошедшею славой, могъ желать имѣть подъ своимъ личнымъ начальствомъ наибольшее по возможности число войскъ.

Однако, онъ разрѣшилъ 4-му корпусу отдѣльные наступательныя дѣйствія, исполненныя 12 іюля. Въ

такомъ случаѣ, если всѣ главныя силы не могли двигаться быстро, ничто не препятствовало главнокомандующему передвигаться самому съ своею главною квартирой къ тѣмъ войскамъ, которыя были ближе къ непріятелю, и на тѣ пункты, гдѣ рѣшались главные вопросы войны и происходили важнѣйшія дѣйствія. Выше было видно, что для совокупныхъ дѣйствій съ 4-мъ корпусомъ на Саю онъ считалъ достаточнымъ двинуться съ двумя пѣхотными дивизіями и двумя кавалерійскими бригадами, переднія части которыхъ дошли 13 іюля до Абранъ. Безъ сомнѣнія, эти войска, отдѣленные отъ главныхъ силъ, могли идти на-легкѣ и быстрѣе, и еще вѣрнѣе, чѣмъ вся армія, соединиться съ 4-мъ корпусомъ 11 и даже 10-го іюля, а съ нимъ и отрядомъ генерала Граббе — 14 іюля. Было бы еще лучше, еслибъ отрядъ генерала Граббе могъ прибыть изъ Галиціи ранѣе и тѣснить Гергея на отступленіи его отъ Путнока къ Мишкольцу. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ главнокомандующій, съ слѣдовавшими съ нимъ тремя дивизіями и съ 4-мъ корпусомъ, настигалъ Гергея или въ Мишкольцѣ 10-го, или у Гарсанъ 11 іюля, или у Герембели 12 іюля, или на Саю 13 іюля.

Допустивъ самое позднее прибытіе трехъ дивизій — 15 іюля, для нашихъ наступательныхъ дѣйствій между Мишкольцемъ и Токаемъ оставались еще 15, 16 и 17 числа. Переправа венгерскихъ войскъ чрезъ Тейсу въ Токаѣ не могла происходить скоро. Въ продолженіе этихъ трехъ дней сильный непріятельскій арріергардъ, т. е. лучшая часть венгерской арміи, а можетъ быть и большая ея часть, находился еще на

правой сторонѣ Тейсы, и мы могли припереть его у Токая къ этой рѣкѣ, разсѣять или взять въ плѣнъ.

При наступленіи и атакѣ самимъ главнокомандующимъ 11, или 12, или 13 іюля, то же самое постигло бы всю венгерскую армію. Это не было бы отрѣзаніемъ отступленія, а просто достиженіе и пораженіе, а можетъ-быть и уничтоженіе всей арміи Гергея, если не у Мишкольца и не на Саю и Гернадѣ, то у Токая.

О причинахъ, препятствовавшихъ нашей арміи выступить отъ Вайцена тотчасъ послѣ Вайценскаго сраженія, я нѣсколько говорилъ выше. Повидимому, важныхъ, уважительныхъ причинъ не было. Самъ главнокомандующій находилъ возможнымъ прибыть въ Гюнгиосъ 9, т. е. выступить изъ Вайцена 7 іюля. Сборъ продовольствія не могъ быть помѣхою для быстрыхъ движеній хотя тѣхъ трехъ дивизій, съ которыми главнокомандующій шелъ къ Мишкольцу послѣ. Войска съѣдали одинаковое количество провіанта стоя на мѣстѣ или двигаясь. Если происходилъ сборъ продовольствія, то онъ могъ производиться на всемъ пространствѣ расположенія нашей арміи между Гатваномъ и Мишкольцемъ одинаково, была ли главная квартира ближе къ Гатвану или къ Мишкольцу. При движеніи главной квартиры съ частію войскъ къ Мишкольцу, въ отдѣлѣ у Гатвана или у Гюнгиоса могъ оставаться 2-й или 3-й пѣхотный корпусъ такъ же удобно, какъ былъ въ отдѣлѣ 4-й корпусъ у Мишкольца. Отдѣльное положеніе 4-го корпуса у Мишкольца было даже опаснѣе, чѣмъ отдѣльное положеніе другаго корпуса у Гюнгиоса, потому что у Мишкольца находились глав-

*

ныя силы Венгерцевъ, армія Гергея, тогда какъ въ сторонѣ Дуная находились болѣе слабые венгерскіе корпуса, занятые Австрійцами. Сборъ продовольствія, печеніе хлѣба и сушка сухарей могли производиться этимъ оставленнымъ у Гюнгиуса корпусомъ безъ личнаго присутствія главнокомандующаго или его штаба, и провіантскіе магазины могли быть отправляемы къ сторонѣ Мишкольца безпрепятственно. Все зависѣло отъ порядка и устройства. Желаніе сохранить силы войскъ медленными, не изнурительными переходами имѣть свои границы и не всегда достигаетъ и достигало цѣли; — военныя обстоятельства могутъ заставить, послѣ спокойнаго движенія, сдѣлать въ нужную минуту усиленные переходы и привести войска на мѣсто боя усталыми. Разрозненность военныхъ цѣлей, продовольствія и сохраненія силъ войска составляетъ дурную сторону военныхъ дѣйствій. Если переговоры съ Австрійцами не могли привести ни къ чему другому, какъ къ движеніямъ за арміей Гергея, что было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ расположенія и движеній армій и отдѣльныхъ отрядовъ враждующихъ сторонъ, — то было бы лучше не тратить на нихъ время, если оно потрачено. Русская армія была единственною отвѣтчицею за свои дѣйствія.

При несуществованіи же видимыхъ вещественныхъ причинъ, могшихъ замедлить движеніе нашей арміи отъ Вайцена, остается только одна причина — впередъ составленный планъ движенія на Дебречинъ, и въ этомъ планѣ лучшая сторона, сравнительно съ другимъ способомъ дѣйствій (на Мишкольцъ), была — представлявшаяся еще возможность, при медленномъ движе-

ніи, отрѣзать непріятелю отступленіе и однимъ ударомъ покончить войну.

Представляется также вопросъ: не было ли лучше идти нашей арміи изъ Тисса-Фюреда лѣвою стороною Тейсы на Токай, гдѣ можно было вѣрнѣе отрѣзать непріятелю отступленіе при переправѣ его черезъ рѣку въ одномъ опредѣленномъ пунктѣ. — Но при такомъ движеніи могло все-таки почувствоваться неудобство долгаго пребыванія Гергея на нашихъ сообщеніяхъ. Предупредивъ переправу его въ Токаѣ и заставивъ его остаться на правой сторонѣ Тейсы, наша армія, чтобы не стоять въ бездѣйствіи, должна была бы форсировать переправу, т. е. возвратиться къ дѣйствіямъ на правой сторонѣ этой рѣки, или предоставить отдѣльнымъ отрядамъ, находившимся на правой сторонѣ, дѣйствовать самостоятельно, безъ участія главныхъ силъ, — что измѣняло роли, искажало положеніе и не могло входить въ расчеты главнокомандующаго.

Прямое движеніе отъ Вайцена правою стороною Тейсы къ Мишкольцу удовлетворяло всѣмъ предположеніямъ, отвѣчало всѣмъ случаямъ: армія была бы болѣе сосредоточена и ея дѣйствія могли быть болѣе опредѣленны и рѣшительны. Планъ движенія на Дебречинъ заставилъ упустить изъ виду другую цѣль — наши сообщенія — и другія болѣе вѣрныя и ближайшія послѣдствія — простое настиженіе и разбитіе непріятеля; онъ раздвоилъ наши дѣйствія для преслѣдованія то одной, то другой цѣли, производилъ недоразумѣнія, сомнѣнія и неизвѣстность, поставилъ общій успѣхъ въ зависимость отъ случая и отъ искуснаго, отчетливаго, но очень труднаго исполненія общихъ

предначертаній подчиненными, заставлялъ раздроблять войска, подвергалъ 4-й корпусъ и другіе отдѣльные отряды возможности : пораженія и окончательно не имѣлъ успѣха.

Х.

Сложеніе Гергеемъ оружія.—Гросъ-Вардейнъ.

31 іюля отряды генераловъ Чеодаева и барона Остенъ-Сакена прибыли въ Дебречинъ. Здѣсь находились еще съ 21 іюля главнокомандующій, главная квартира и части 2-го пѣхотнаго корпуса. Остальныя войска 2-го и 3-го пѣхотныхъ корпусовъ выступили прежде для преслѣдованія Гергея.

Отыскивая себѣ квартиру, я находилъ всѣ дома занятыми нашими военными. Наконецъ, въ одной изъ второстепенныхъ улицъ увидѣлъ домъ, въ которомъ ворота были заперты и окна закрыты ставнями. Калитку отворили послѣ долгаго и неотвязчиваго стучанья. Войдя на дворъ, я увидѣлъ, что ворота были загромождены разными вещами, образовавшими баррикаду. Ко мнѣ вышелъ хозяинъ, старикъ около 70 лѣтъ, сѣдой, почтенной наружности. Онъ говорилъ по-французски. Я не требовалъ, а просилъ пріюта. Хозяинъ былъ обезоруженъ просьбою, велѣлъ разбросать баррикаду и от-

ворить ворота и отдалъ мнѣ лучшія комнаты. Это былъ настоящій Мадьяръ, Іосифъ Закани, профессоръ Дебречинскаго университета (коллегіи) и въ настоящее время ничего не дѣлалъ, такъ какъ всѣ ученики его ушли въ войска и служили преимущественно въ артиллеріи. Онъ былъ холостой, одинокій, постоянно занятый чтеніемъ книгъ. Въ продолженіе пребыванія моего въ Дебречинѣ, мы проводили почти все время вмѣстѣ. Онъ спрашивалъ меня о Россіи; я спрашивалъ его о Венгріи и о настоящихъ событіяхъ. Когда я рассказывалъ ему о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ войны, не согласовавшихся съ прежними его свѣдѣніями и убѣжденіями, онъ иногда сначала будто сомнѣвался и потомъ говорилъ: „О! я вѣрю русскому офицеру! Мы, Мадьяры, уважаемъ васъ“.

1 августа главная квартира арміи готовилась выступить въ Гросъ-Вардейнъ, занятый уже нашими передовыми войсками, какъ вдругъ получено извѣстіе, что Гергей вступилъ въ переговоры о сложеніи оружія. Вѣсть эта мгновенно облетѣла городъ. Многіе не хотѣли вѣрить. Всѣ были удивлены, поражены неожиданностію. Профессоръ Закани говорилъ, что это невозможно, что Гергей не такой человѣкъ, чтобы могъ опозорить себя поступкомъ, во всякомъ случаѣ горькимъ для народнаго самолюбія. — Выступление главной квартиры было на время отложено. Въ слѣдующіе дни на стѣнахъ домовъ появилась прокламація на венгерскомъ языкѣ, объявлявшая о сложеніи $\frac{1}{13}$ августа у Вилягоша оружія всею арміей Гергея; она при этомъ состояла изъ 30 тысячъ человѣкъ, 8 тысячъ лошадей и 141 орудія. Сомнѣній не было. Война кончена, по-

тому что Гергей былъ лучший генералъ и его армія состояла изъ лучшихъ войскъ Венгріи.

Вечеромъ дня полученія этого извѣстія, когда всѣмъ уже стемнѣло, жители Дебречина дали главнокомандующему и Великому Князю Константину Николаевичу серенаду съ факелами подъ окнами домовъ, занимаемыхъ ими. Зрѣлище было великолѣпное. Громъ музыки сливался съ криками народа. Но въ этой толпѣ многіе утирали слезы; — для нихъ церемонія казалась погребальною самобытності Венгріи и горячихъ желаній и надеждъ послѣднихъ событій.

О причинахъ, заставившихъ Гергея положить оружіе, сначала ходили неясные слухи; вѣрнаго никто ничего не зналъ. Венгерцы говорили просто объ измѣнѣ. Потомъ, мало-по-малу, обстоятельства разъяснялись и мнѣнія измѣнялись. Вотъ что было извѣстно въ Дебречинѣ.

По слухамъ, исходившимъ отъ Венгерцевъ, прямою и окончательною причиною, заставившею Гергея положить оружіе, было пораженіе корпуса Дембинскаго австрійскою арміею у Темесвара. Но объ этомъ въ массѣ русскихъ войскъ не было извѣстно точно; многіе не придавали успѣхамъ Австрійцевъ большаго значенія и сложеніе оружія объясняли прямымъ послѣдствіемъ нашей Дебречинской побѣды. Рассказывали, что, созвавъ къ себѣ на военный совѣтъ многихъ начальствующихъ лицъ своей арміи, Гергей объяснилъ имъ положеніе дѣлъ и высказалъ мнѣніе, что имъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ непріателемъ, ничего не остается дѣлать, какъ положить оружіе; — онъ могъ бы еще длить войну нѣкоторое время, но она кончилась бы, можетъ-быть, совершеннымъ истребленіемъ

венгерскихъ войскъ.—Его мнѣніе было принято; сложеніе оружія рѣшено приговоромъ военнаго совѣта, что отстраняетъ отъ Гергея личную отвѣтственность. Это была минута трогательной сцены: Венгерцы отказывались отъ всѣхъ своихъ подвиговъ и трудовъ, отъ надеждъ на будущее, отъ самостоятельности и величія своего отечества, разставались съ любимымъ вождемъ и боевыми товарищами, съ которыми такъ долго дѣлили опасности, и, полные еще силъ, не разбитые, отдавались во власть Австрійцамъ, которыхъ привыкли побѣждать. Въ залѣ, гдѣ собрались военные у Гергея, слышались одни рыданія; офицеры плакали, какъ дѣти; Гергея благодарили, обнимали, цѣловали и прощались съ нимъ. Послѣ такого рѣшенія Гергей отправилъ къ командиру нашего 3-го пѣх. корпуса, генералъ-отъ-кавалеріи графу Ридигеру, слѣдующее письмо, копіи съ котораго быстро распространились въ нашихъ войскахъ.

„Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстна горестная исторія моего отечества. Я не стану утруждать васъ повтореніемъ событій, состоящихъ между собою въ непостижимой связи и вовлекшихъ насъ въ отчаянную борьбу—сначала за наши законныя преимущества, а потомъ за самое существованіе. Лучшая и, смѣю увѣрить, бѣольшая часть народа не искала легкомысленно этой борьбы, но выдержала ее съ честію, твердостію и успѣхомъ, при помощи многихъ честныхъ людей, не принадлежащихъ къ венгерскому народу, но по связямъ своимъ вовлеченныхъ въ борьбу вмѣстѣ съ нами. Европейская политика требовала, чтобъ Императоръ Россіи соединился съ Австріей для покоренія насъ и тѣмъ сдѣлалъ невозможною дальнѣйшую борьбу за консти-

туцію Венгрії. Такъ и случилось. Многіе венгерскіе патріоты предвидѣли и предвѣщали это. Исторія нашего времени обнаружитъ, что именно заставило большинство венгерскаго временнаго правительства не послушать голоса предвѣщателей. Временное правительство болѣе не существуетъ. Въ минуту величайшей опасности оно оказало себя слабымъ. Я—человѣкъ дѣйствія, но не дѣйствія безплоднаго, призналъ дальнѣйшее кровопролитіе бесполезнымъ и пагубнымъ для Венгрії; я призналъ это при самомъ началѣ русскаго вмѣшательства; и нынѣ я пригласилъ временное правительство сложить свою власть безусловно, потому что дальнѣйшее его существованіе сдѣлало бы будущность отечества болѣе горестнымъ, болѣе плачевнымъ. Временное правительство, признавъ это, добровольно отказалось отъ своей власти и передало ее мнѣ. Я, по крайнему моему убѣжденію, пользуюсь этимъ обстоятельствомъ для предупрежденія дальнѣйшаго пролитія человѣческой крови и бѣдствій моихъ мирныхъ согражданъ, которыхъ съ моими слабыми силами я не въ состояніи долѣе защищать, по крайней мѣрѣ отъ бѣдствій войны, и безусловно складываю оружіе, а это можетъ-быть послужить поводомъ къ тому, что и всѣ другіе предводители отдѣльных отъ меня отрядовъ венгерскихъ войскъ, признавъ, какъ я, что нынѣ для Венгрії ничего лучшаго невозможно сдѣлать, вскорѣ послѣдуютъ моему примѣру. Вполнѣ увѣренный въ прославленномъ великодушіи Его Величества Россійскаго Императора, я надѣюсь, что многочисленныхъ храбрыхъ моихъ товарищей, бывшихъ прежде австрійскими офицерами и вовлеченныхъ силою обстоятельствъ

въ несчастную противъ Австріи борьбу, — онъ не предасть невѣрной и горестной судьбѣ, а народы Венгріи, много уже страдавшіе и надѣющіеся на его правосудіе, не оставятъ безъ защиты отъ слѣпой мстительной злобы ихъ враговъ. Можетъ-быть, достаточно будетъ, чтобъ я одинъ палъ жертвою. Я обращаюсь къ вамъ, г. генералъ, съ этимъ письмомъ, потому что вы первый дали мнѣ доказательства уваженія, внушающія мнѣ довѣріе. Если вы желаете остановить дальнейшее бесполезное пролитіе крови, то поспѣшите исполнить въ самое короткое время горестное совершеніе дѣла — сложенія оружія, но такимъ образомъ, чтобъ это было исполнено только передъ войсками Его Величества Русскаго Императора, ибо я торжественно объявляю, что скорѣе рѣшусь подвергнуть весь мой корпусъ истребленію въ отчаянной битвѣ противъ сильнѣйшаго противника, чѣмъ безусловно сложить оружіе передъ австрійскими войсками.

„Завтра, 12 августа, я иду въ Вилягошъ (Vilagos), послѣ завтра, 13 числа, — въ Борошъ-Іено, а 14 числа — въ Беель, о чемъ я сообщаю вамъ для того, чтобы вы съ своими войсками могли направиться между австрійскими и моими войсками и такимъ образомъ окружить меня и отдѣлить отъ первыхъ. Если это движеніе не будетъ имѣть успѣха, и австрійскія войска станутъ слѣдовать за мною, то я съ рѣшимостью отражу нападеніе ихъ и путь свой направлю къ Гросъ-Вардейну для настиженія по этой дорогѣ русской арміи, единственно передъ которою войска мои изъявили готовность добровольно сложить оружіе. Я ожидаю вашего отвѣта въ самое кратчайшее время, и проч. Альтъ-

Арадъ. 11 августа въ 9 часовъ вечера. Артуръ Гергей (венгерскій генералъ).“

Графъ Ридигеръ поспѣшилъ къ Вилягошу. Сложеніе оружія произошло передъ находившимися подъ его начальствомъ войсками 3-го пѣхотнаго корпуса.

Выраженная въ письмѣ Гергея надежда не исполнилась. Впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что, по распоряженію австрійскаго правительства и по приговору военного суда, изъ арміи Гергея было разстрѣляно 14 человѣкъ генераловъ и другихъ чиновъ; впрочемъ за цифру не отвѣчаю. Самъ Гергей былъ помилованъ отъ смертной казни, какъ говорили, по особому ходатайству русскаго правительства, и наказанъ ссылкой.

Въ первыхъ числахъ августа главная квартира русскаго арміи перешла изъ Дебречина въ Гросъ-Вардейнъ. Отъ войскъ 4-го пѣхотнаго корпуса туда были направлены 12-я пѣхотная дивизія и одна бригада кавалеріи. Я находился въ этихъ войскахъ.

Приближаясь къ Гросъ-Вардейну, мы начали встрѣчать венгерскихъ военныхъ, распущенныхъ по домамъ, пѣшихъ, конныхъ, въ телѣгахъ и экипажахъ. Чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ толпы ихъ увеличивались; всѣ торопились домой; верховые и экипажи ѣхали рысью. Между распущенными было, какъ оказалось, много и такихъ, которые уѣхали безъ дозволенія, и которыхъ австрійскія власти впослѣдствіи розыскивали и арестовывали, какъ болѣе виновныхъ. Между солдатами было много Славянъ.

— Довольны ли вы, что война кончилась? спросилъ я первую встрѣтившуюся мнѣ толпу солдатъ.

— О, безъ сомнѣнія! отвѣчали Славяне. — Война намъ надоѣла.

Бывшіе между ними Марьяры спросили, о чемъ я спрашиваю. Имъ объяснили. Нѣкоторые Мадьяры покачали головой. — „Надо было драться!“ сказалъ одинъ изъ нихъ.

Всѣ солдаты имѣли утомленный видъ. Между ними встрѣчались люди разныхъ лѣтъ и роста, старики и молодые; нѣкоторые были почти дѣти. Славяне всегда говорили, что ихъ взяли въ военную службу насильно. Нѣкоторые изъ офицеровъ возвращались домой въ экипажахъ съ женами, а можетъ-быть съ любовницами, которыхъ, по рассказамъ, было очень много въ венгерскихъ войскахъ; всѣ эти женщины были молоды и хороши. На вопросы мои офицерамъ, какъ они смотрятъ на сложеніе оружія, одобряютъ ли Гергея и проч., одинъ офицеръ, среднихъ лѣтъ и полковничьяго чина, отвѣчалъ: „Гергею не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ положить оружіе. Можетъ-быть нѣкоторые не одобряютъ его; но большинство раздѣляетъ его мнѣніе. Онъ сложилъ оружіе по рѣшенію военнаго совѣта, по согласію большинства военныхъ. Мы всѣ убѣждены, что война не могла продолжаться съ успѣхомъ. Мы могли воевать съ одними Австрійцами и побѣждать ихъ; но противъ вашей арміи мы слабы. Гергей—благороднѣйшій человѣкъ; его никто не станетъ подозрѣвать въ дурныхъ побужденіяхъ. Еслибъ это сдѣлалъ какой другой генералъ, можетъ-быть поступокъ его былъ бы не понятъ.“

— Сложеніе оружія, сказалъ одинъ офицеръ, — больше ничего, какъ благоразумный расчетъ; мы оста-

немся цѣлы. Когда вы уйдете, мы опять возьмемся за него.

— Мы побьемъ Австрійцевъ палками! сказалъ другой молодой офицеръ.

Въ продолженіе войны въ Венгріи ходили ассигнаціи Кошута, потерявшія теперь всякую цѣну; за пачки бумажекъ, представлявшихъ недавно десятки тысячъ гульденовъ, нельзя было купить куска хлѣба. Военные возвращались домой безъ гроша, питались подаеніемъ и гостепріимствомъ и продавали нѣкоторыя болѣе цѣнныя вещи. Одинъ старый капитанъ, шедшій пѣшкомъ въ сопровожденіи своего слуги-ребенка, который почтительно шелъ позади него, предлагалъ Русскимъ купить у него старую офицерскую фуражку, стараясь доказать, что она съ золотымъ шнуркомъ и стоитъ дорого.

Русскимъ военнымъ военные Венгерцы оказывали уваженіе и сближались съ ними очень скоро, чему отчасти способствовали простота, сходство военныхъ привычекъ и соучастіе въ нѣкоторыхъ военныхъ событіяхъ. Венгерскій солдатъ всегда снималъ шапку передъ русскимъ офицеромъ. Было слышно, что Гергей, прощаясь съ своими подчиненными, совѣтовалъ оказывать Русскимъ дружелюбіе и передать этотъ совѣтъ всѣмъ Мадырамъ. Дѣйствительно, мы всегда встрѣчали у жителей Венгріи ласковый пріемъ, — обстоятельство, доказывающее политическій тактъ, который, надо замѣтить, бываетъ не у всѣхъ народовъ, выражающихъ, часто, свою вражду клеветою и ругательствами, что не ведетъ къ добру. Послѣ, какъ видно изъ

венгерской литературы, мирные гражданскіе либералы отступились отъ этихъ совѣтовъ и правилъ.

Гросъ-Вардейнъ, по-венгерски Надъ-Варадь, лежитъ на границѣ равнины, у подошвы южныхъ отраслей Карпатовъ, покрытыхъ, какъ вездѣ, обширными виноградниками. Городъ богатъ, довольно великъ и красивъ. Улицы узки, какъ у стариннаго города; большинство населенія — католики; католическіе храмы великолѣпны. Есть греческая православная и уніатская церкви, въ которыхъ служатъ на славянскомъ языкѣ; чтеніе духовныхъ книгъ намъ понятно, но произношеніе странное, не похожее на наше. Въ городѣ находится, какъ и въ Мишкольцѣ, много Грековъ православнаго исповѣданія. Здѣшніе Евреи принадлежатъ къ такъ называемой здѣсь арадской сектѣ, возникшей въ недавнее время, первоначально въ Арадѣ и оттуда распространившейся на весь югъ Венгріи. Эти сектаторы отказались отъ многихъ предрасудковъ и старыхъ обычаевъ Евреевъ и сближаются съ христіанами, отличаются вѣротерпимостію, посѣщаютъ христіанскіе храмы, особенно кальвинистскіе, дѣтей своихъ отдають въ христіанскія школы, одѣваются въ обыкновенное европейское платье, брѣютъ бороды, женщины не стригутъ волосъ и проч. Евреи старыхъ понятій называютъ ихъ отступниками.

Въ Гросъ-Вардейнѣ мнѣ отвели квартиру въ одной изъ крайнихъ улицъ, въ большомъ барскомъ домѣ, въ которомъ жило только семейство хозяина, богатаго венгерскаго дворянина. Меня приняли тѣмъ охотнѣе, что мой постой освобождалъ домъ отъ солдатскаго постоя. Хозяинъ, какъ увѣрялъ онъ, принадлежалъ

къ австрійской партіи, не любилъ Кошута и республиканцевъ и говорилъ, что это честолюбцы и эгоисты, которые заботились только о своихъ выгодахъ, навлекли на Венгрію много несчастій и роззорили ее. Дочь хозяина, дѣвица 18 лѣтъ, примѣчательной красоты, воспитанная въ лучшемъ пансіонѣ Песта, сказала мнѣ, что прежде она была республиканкой.

— Только не говорите этого моему отцу, прибавила она смѣясь.

— А теперь? спросилъ я.

— Теперь я не желаю республики; это время было очень скучное: постоянно война, неудовольствія, опасенія. Теперь всѣ Мадыяры желали бы принадлежать Россіи, великой націи, прославленной великими дѣлами.

Мысль и желаніе присоединиться къ Россіи въ это время высказывались многими Мадыярами и, повидимому, были очень распространены въ Венгріи. Указывали даже на кандидата на престолъ Венгерскаго королевства. Раздраженіе противъ Австрійцевъ брало верхъ надъ всѣми другими соображеніями.

Семейство моего хозяина посѣщали нѣсколько депутатовъ бывшаго временнаго республиканскаго правительства и нѣсколько офицеровъ изъ арміи Гергея. Всѣ они, повидимому, принадлежали къ партіи послѣдняго, или, можетъ-быть, мнѣнія ихъ измѣнились въ его пользу послѣ неудачнаго окончанія революціи и войны. Можетъ-быть, мнѣнія ихъ принадлежали только имъ самимъ и не есть выраженіе истиннаго положенія дѣлъ и общественнаго мнѣнія; но я, не ручаясь за ихъ правильность, считаю полезнымъ упомянуть о нихъ, потому что они во всякомъ случаѣ ука-

зываютъ на нѣкоторыя обстоятельства и на отношенія нѣкоторыхъ партій тогдашняго венгерскаго общества.

По ихъ словамъ, Кошутъ былъ благородный, честный человекъ и блестящій ораторъ, увлекавшій своимъ краснорѣчіемъ даже своихъ противниковъ, но не имѣлъ сильной воли и твердаго характера. „Чтобы спасти Венгрію, сказалъ одинъ Мадьяръ, — намъ нуженъ былъ вашъ Петръ Великій или Робеспьеръ.“ — Хотя Гергей не выказалъ сильной воли и великаго честолюбія, но было бы все-таки лучше, еслибы въ послѣднее время власть была сосредоточена въ его рукахъ. Кошутъ и все временное республиканское правительство опасались Гергея, любимца арміи и народа, раздробляли войска подъ начальство генераловъ, независимыхъ другъ отъ друга, и управляли ихъ дѣйствіями чрезъ военное министерство.

По плану, составленному по отступленіи Гергея отъ Коморна, всѣ венгерскія силы должны были сосредоточиться близъ Арада. По мнѣнію офицеровъ корпуса Гергея, планъ этотъ былъ исполненъ однимъ Гергеемъ. Дембинскій, отступавшій отъ австрійской арміи генерала Гайнау, при которой находилась наша 9-я пѣхотная дивизія, долженъ бы былъ послѣ Сегединскаго сраженія идти на Арадъ для соединенія съ Гергеемъ, но вмѣсто того направился на Темесваръ на соединеніе съ Бемомъ и другими отрядами, находившимися въ той сторонѣ. Движеніемъ этимъ, удалившимъ его отъ Арада, Дембинскій допустилъ австрійскую армію стать между нимъ и Гергеемъ. Надежды Дембинскаго не исполнились и онъ не могъ соединить-

ся съ Вемомъ, войска котораго были преслѣдуемы русскимъ корпусомъ генерала Лидерса. Преслѣдуемый настойчиво арміей Гайнау, Дембинскій долженъ былъ дать или принять 29 іюля (9 августа) отдѣльное сраженіе близъ Темесвара, въ тотъ самый день, когда передовыя части арміи Гергея прибыли къ Араду. Въ сраженіи Австрійцы напирали преимущественно на правый флангъ непріятеля, чтобъ отрѣзать и отбросить его окончательно отъ арміи Гергея. Дембинскій былъ разбитъ на-голову, войска его отступили въ разныхъ направленіяхъ, частію разсѣялись, частію сдались отдѣльными отрядами Русскимъ или Австрійцамъ; самъ Дембинскій бѣжалъ въ Турцію. Можетъ-быть противная партія обвиняетъ въ чемъ-либо Гергея, напримѣръ въ томъ, что онъ опоздалъ къ Араду, или что онъ сносился съ Русскими и не внушалъ довѣрія временному правительству. Недовѣріе было бы неосновательно. По однимъ стратегическимъ соображеніямъ, сторонники Гергея полагали, что, отступая на Арадъ, Дембинскій встрѣтилъ бы Гергея если не въ Арадѣ, то на пути къ нему отъ Гросъ-Вардейна;—что если настойчивое преслѣдованіе Австрійцами заставило его отступить на Темесваръ, то онъ и въ такомъ случаѣ не долженъ былъ давать отдѣльнаго сраженія, а продолжать отступать за Темесваръ;—что австрійская армія Гайнау не могла наступать далѣе Темесвара потому, что могла быть взята въ тылъ подходившею арміей Гергея, и тогда Австрійцы могли быть атакованы Дембинскимъ и Гергеемъ одновременно, въ чемъ и состоялъ заранѣе условленный планъ. Рѣшимость Дембинскаго дать отдѣльное сраженіе

объясняли просто нежеланіемъ его соединиться съ Гергеємъ и подчиниться ему и заносчивымъ, опрометчивымъ честолюбіемъ пріобрѣсти славу побѣды себѣ одному.

Не знаю, въ какой степени справедливы объясненія тайныхъ побужденій Дембинскаго; неудача его естественно раздражала Мадьяръ. Можетъ-быть отступление на Темесваръ и отдѣльно данное сраженіе произошли вслѣдствіе приказаній временнаго правительства, находившагося также въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Гергею;—вражда партій не одинъ разъ губила народы.—Но хотя отступление на Темесваръ и отдѣльно данное сраженіе по послѣдствіямъ кажутся ошибкою, нельзя не замѣтить, что сложный планъ соединенія отдѣльныхъ венгерскихъ корпусовъ, отступавшихъ съ противоположныхъ сторонъ длинными путями отъ преслѣдовавшихъ ихъ непріятельскихъ армій, могъ встрѣтить много препятствій и недоразумѣній, разстроивавшихъ точное исполненіе его,—и что Дембинскій могъ быть вынужденъ Австрійцами отступить на Темесваръ и принять отдѣльное сраженіе, или, по обыкновеннымъ расчетамъ, могъ ожидать, что вслѣдъ за отступающимъ Гергеємъ придетъ тотчасъ и русская армія, которая дастъ перевѣсъ силамъ союзниковъ, и это могло заставить его и временное правительство попытать счастья разбить Австрійцевъ въ отдѣльномъ сраженіи. Не берусь рѣшить эти вопросы. Несомнѣнно было то, что Дембинскій былъ разбитъ Австрійцами у Темесвара, и армія Гергея осталась одна между наступавшими на нее со всѣхъ сторонъ русскими и австрійскими силами, что могло заставить Гергея положить оружіе.

Венгерцы, съ которыми мнѣ случалось говорить въ Гросъ-Вардейнѣ, были недовольны Поляками. По ихъ мнѣнію, Поляки навлекли на Венгрію много несчастій. Они принесли ей много раздоровъ и мало матеріальной помощи, — старыя сомнительныя военныя репутаціи, раздраженное самолюбіе и новыя ошибки. Они навлекли на Венгрію вмѣшательство Россіи, а въ самой Венгріи разрушили единство военной власти, давъ опору мелкимъ побужденіямъ членовъ временнаго правительства. Вскорѣ, по сложеніи Гергеемъ оружія, примѣру его послѣдовали и другіе отдѣльные отряды венгерскихъ войскъ и толпы разбитаго корпуса Дембинскаго. Ближайшіе спѣшили окольными дорогами къ Гросъ-Вардейну, обходя австрійскія войска, а отдаленные присылали парламентеровъ. Всѣ хотѣли сложить оружіе передъ Русскими. Крѣпость Арадъ сдалась намъ. Австрійцевъ оскорбляли, насъ возвеличивали. Мадьярское населеніе было раздражено въ высшей степени прошедшими дѣйствіями австрійскаго правительства, а недавнія побѣды надъ Австрійцами, возвысившія военное самолюбіе венгерскаго войска, не позволяли послѣднему унизиться до сложенія оружія передъ Австрійцами; чувства, высказанныя въ письмѣ Гергея, одушевляли всѣхъ военныхъ Венгерцевъ. Время это было обольстительно для нашего самолюбія. Каждый Русскій чувствовалъ свое достоинство, каждый темный человѣкъ понималъ могущество и величіе своего отечества. Но торжество досталось намъ легко и могло ввести въ заблужденіе, въ самонадѣянное, превеличенное понятіе о своей силѣ и о превосходствѣ своихъ военныхъ и другихъ учрежденій.

Площади и улицы Гросъ-Вардейна были постоянно наполнены толпами русских и венгерских военных. Многие венгерские офицеры были расквартированы въ частных домахъ и гостинницахъ; солдаты размѣщались временно на бивуакѣ между нашими баталіонами до передачи Австрійцамъ и отправленія въ Арадъ, или до роспуска по домамъ. Большая часть венгерскихъ офицеровъ не имѣли никакихъ средствъ существованія, и потому, по распоряженію нашего главнокомандующаго, имъ выдавали во время пребыванія ихъ въ Гросъ-Вардейнѣ суточные деньги. Плѣнный Гергей жилъ въ частномъ домѣ противъ гостинницы, которая занималась его братьями, адъютантами и другими преданными и болѣе близкими ему офицерами. Толпа ихъ постоянно стояла въ воротахъ и у оконъ, откуда были видны окна комнаты Гергея. Гергей иногда показывался у окна, и преданные подчиненные могли видѣть своего любимаго начальника.

Въ Гросъ-Вардейнѣ всѣ отдыхали и по возможности веселились. Въ театрѣ каждый вечеръ давали пьесы на венгерскомъ языкѣ или балеты изъ національных танцевъ, изъ которыхъ одинъ, чаръ-дажъ, особенно любимъ Мадырами и имѣетъ бойкій, разгульный характеръ. Русская военная музыка каждый день играла на площади; кругомъ гарцовали русскіе и венгерскіе кавалеристы. Въ многочисленныхъ трактирахъ, съ утра до поздней ночи за длинными столами сидѣли офицеры обѣихъ только-что враждовавшихъ армій, гремѣли хоры венгерской музыки и шелъ ширъ—торой; усатые Венгерцы, въ шапкахъ на головахъ, были молчаливы и печальны; къ тому же

у нихъ не было денегъ; ихъ угощали русскіе офицеры, изъ которыхъ нѣкоторые считали какъ бы своею обязанностью выказать имъ вниманіе и симпатію и угощали широко; шампанское и венгерское лилось въ изобиліи.

Эта дружба съ Венгерцами тѣмъ болѣе бросалась въ глаза, что въ то же время между русскими и австрійскими офицерами, которыхъ было много въ Гросъ-Вардейнѣ, сближенія не было и случались ссоры. Русскіе солдаты не выказывали, однако, никакой дружбы къ венгерскимъ солдатамъ. Все это могло показаться страннымъ и заслуживало вниманія. Мы пришли помогать Австрійцамъ и помогли имъ, — и вдругъ наши симпатіи оказались, повидимому, на сторонѣ тѣхъ, во вредъ которыхъ мы дѣйствовали. — Причины этому были разнообразны: отчасти великодушіе, сожалѣніе къ побѣжденному, но выказывавшему намъ расположеніе непріятелю, котораго общественное мнѣніе какъ бы хотѣло вознаградить за наше вмѣшательство, въ несправедливости и вредѣ котораго многіе были убѣждены, — молчаливый протестъ противъ того, что сами исполнили, — отчасти заносчивость нѣкоторыхъ австрійскихъ офицеровъ, или, можетъ-быть, отчасти напускной либерализмъ, и проч.

Идеи и сочувствія всегда основаны на вещественности, на общемъ или частномъ интересѣ; только у фанатизированнаго человѣка бываютъ чужія идеи, иногда даже вредныя его личнымъ интересамъ и общимъ интересамъ его отечества; но, обыкновенно, общность и согласіе интересовъ, подобіе и однородность положеній соединяютъ людей въ партіи, производятъ между ними сочув-

ствіе. Что же могло быть общаго между русскими и венгерскими офицерами?—Вглядываясь, можно было замѣтить развѣ то, что въ русской арміи было очень много Поляковъ и польскихъ Нѣмцевъ (послѣднихъ въ Россіи болѣе, чѣмъ остзейскихъ), которые хотя исполняли честно долгъ службы и сохраняли вѣрность знамени, но не могли не сочувствовать нѣсколько Венгерцамъ, въ рядахъ которыхъ служило также много Поляковъ и Нѣмцевъ изъ всѣхъ частей старой Польши; да и вообще въ Россіи были тогда одни и тѣ же рабы, крѣпостные, что у Мадьяръ и Поляковъ, именно Славяне разныхъ племенъ и смѣшеній;—все пространство отъ Дуная до Урала представляло въ этомъ отношеніи нѣкоторое сходство. Кромѣ того, извѣстно изъ опыта, что, при умственномъ подчиненіи нашемъ западному просвѣщенію, идеи и мнѣнія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей изъ нашего образованнаго сословія бывали иногда несообразны съ общими народными интересами; большинство же слѣдуетъ модѣ, не придавая ничему особаго смысла. Въ жизни часто случается дѣлать себѣ вопросъ: чье чувство менѣе шатко, болѣе сообразно съ государственною и народною пользою, болѣе вѣрно и мудро, — образованнаго, или необразованнаго человѣка?—Сомнѣніе въ этомъ потому возможно, что необразованный человѣкъ очень рѣдко имѣетъ отдѣльное мнѣніе, а слѣдуетъ мнѣнію своей среды, массы, народа, которое есть — здравый смыслъ и мнѣніе большинства.

XI.

Общій взглядъ на войну. — Возвращеніе въ Россію.

Послѣ несчастнаго конца движенія Гергея отъ Коморна чрезъ Мишкольць къ Токаю, въ исполненіе составленнаго также впередъ плана сосредоточенія всѣхъ венгерскихъ войскъ для совокупныхъ дѣйствій противъ раздѣленныхъ русской и австрійской армій, можно съ большею вѣрностію оцѣнить здѣсь дѣйствія Гергея во время этого движенія, въ тѣхъ событіяхъ, которыя мы извѣстны. Мадыяры говорили, что свобода дѣйствій Гергея стѣснялась республиканскимъ правительствомъ; но эти стѣсненія имѣли свои границы и, безъ сомнѣнія, не руководили каждымъ шагомъ Гергея, отъ котораго, впрочемъ, зависѣло брать или не брать на себя лишнюю отвѣтственность передъ потомствомъ въ критическомъ положеніи дѣлъ, какъ онъ наконецъ былъ принужденъ взять отвѣтственность сложенія оружія. Кажется, было бы лучше, еслибъ онъ не слѣдовалъ

неуклонно заранѣе составленному плану, а дѣйствовали сообразно съ обстоятельствами.

Гергей только отступалъ. Но нигдѣ ему не представлялось, повидимому, болѣе возможности перейти въ наступленіе съ надеждою на успѣхъ, какъ подъ Мишкольцемъ, и, не воспользовавшись этимъ, онъ упустилъ благопріятный случай поправить, нѣсколько, дурное положеніе дѣлъ своего народа. Онъ стоялъ на нашихъ сообщеніяхъ восемь дней, съ 10 по 17 іюля; наши войска видѣли его батареи близъ Мишкольца шесть дней, съ 11 по 16 іюля; при удачѣ, онъ по необходимости, для пользы войны, могъ продлить это время. Въ восемь дней онъ могъ сдѣлать много, измѣнить, хотя нѣсколько, ходъ войны и тѣмъ однако же не разстроилъ бы плана соединенія венгерскихъ войскъ у Арада. Если онъ рассчитывалъ на превосходство силъ русской арміи надъ одною его арміею, то соединенныя силы всѣхъ русскихъ корпусовъ и отрядовъ съ австрійскою арміею имѣли такое же превосходство надъ соединенными у Арада всѣми венгерскими силами. Если онъ надѣялся на свое искусство разбить по частямъ Русскихъ и Австрійцевъ у Арада, то такъ же выгодно могъ примѣнить это искусство у Мишкольца, имѣя передъ собою разъединенные отряды генераловъ Чеодаева, Граббе и Сакена. Можно было предвидѣть, что соединеніе у Арада всѣхъ отдѣльно дѣйствовавшихъ венгерскихъ корпусовъ могло встрѣтить такія же затрудненія, какъ и одновременныя дѣйствія противъ нихъ, раздѣленныхъ между собою, русской и австрійской армій.

Выше было сказано, что 4-й корпусъ наступалъ 12 іюля разрозненными частями и что Гергей могъ разбить

его по частямъ. Дѣйствуя въ своемъ краѣ, Гергей могъ знать, и безъ сомнѣнія зналъ, что передъ нимъ находится на Гарсанскомъ шоссе одинъ корпусъ, а не вся русская армія, и могъ видѣть своими глазами, что этотъ корпусъ раздробился, наступалъ лѣснымъ и горнымъ дефиле, вступилъ въ дѣло одною, впереди шедшею, бригадой и послалъ кавалерію въ дальній обходъ. 16 іюля онъ отразилъ отрядъ генераль-адъютанта Граббе, и отъ него зависѣло извлечь изъ этого еще большіе результаты, или достигнуть ихъ ранѣе, собственнымъ наступленіемъ, такъ какъ отрядъ генерала Граббе прибылъ въ Мишкольцъ 14 іюля и, по отступленіи оттуда 4-го корпуса 15 іюля, оставался у Мишкольца одинъ. Еслибъ ему удалось отбросить отрядъ генераль-адъютанта барона Остенъ-Сакена, то онъ разстроилъ бы всѣ наши учрежденія и продовольственные запасы, собранные въ краѣ или шедшіе изъ Галиціи.

Еслибъ онъ не успѣлъ сдѣлать всего этого, то сдѣлалъ бы кое-что, особенно противъ 4-го корпуса, за которымъ не нужно было ходить далеко. Разбивъ этотъ корпусъ, онъ, вѣроятно, привлекъ бы на себя къ Мишкольцу всю русскую армію и тогда тѣмъ вѣрнѣе могъ не опасаться встрѣтить ее у Дебречина. Въ продолженіе его наступательныхъ дѣйствій между Мишкольцемъ, Токаемъ и Кашау, его лишніе обозы могли переправляться чрезъ Тейсу въ Токаѣ; оставшись на правомъ берегу этой рѣки съ однѣми строевыми частями арміи, онъ могъ дѣйствовать болѣе свободно и отступить за Тейсу во-время. Онъ могъ быть настигнутъ нашими главными силами, но могъ надѣяться ускользнуть отъ нихъ, какъ удалось Дембинскому

отступить отъ границъ Галиціи и ему самому отъ Вайцена. Онъ могъ уже познакомиться съ характеромъ нашихъ тогдашнихъ дѣйствій. Разбивъ 4-й корпусъ, онъ, можетъ-быть, съ большею сомоувѣренностію рѣшился бы встрѣтить атаки всей нашей арміи въ сильныхъ позиціяхъ, которыя онъ занималъ между Миш-кольцемъ и Токаемъ, приостановить ея наступленіе и отступать съ боемъ. Примѣры войнъ показываютъ, что удаются болѣе отчаянныя предпріятія. По ходу дѣлъ не видно, чтобы въ венгерскихъ войскахъ была въ то время полная безнадежность. Самое отступление къ Араду производилось съ военною цѣлью, доказывавшею надежду продолжать войну съ успѣхомъ, а энергическое противодѣйствіе Гергея наступленію 4-го корпуса и отряду генерала Граббе, да и самая продолжительность пребыванія на нашихъ сообщеніяхъ—указываютъ, что въ немъ было сознаніе своей силы для нѣкоторыхъ предпріятій.

Дѣйствуя наступательно на нашихъ сообщеніяхъ, Гергей могъ затянуть войну и однимъ этимъ ослабить русскую армію, потерявшую уже много людей отъ холеры и другихъ болѣзней, зависѣвшихъ отчасти отъ большихъ утомительныхъ переходовъ въ жаркомъ климатѣ. Наши войска всегда вставали и выступали рано, приходили на ночлеги поздно и едва успѣвали сварить пищу. Хотя мы въ важныхъ случаяхъ опаздывали, но вообще Венгерская война была для войскъ утомительна, судя по войскамъ 4-го корпуса. Въ продолженіе войны мы невольно чувствовали, что спасеніе Венгерцевъ состоитъ въ томъ, чтобы водить и

утомлять насъ, и опасались, что они примутъ такой способъ дѣйствій.

Еслибы Гергей присоединилъ къ утомленію насъ хотя нѣкоторый боевой успѣхъ, онъ возвысилъ бы духъ своего и вообще всего венгерскаго войска, безъ сомнѣнія упавшій отъ одного отступленія, походившаго иногда на бѣгство. Солдаты не знаютъ отдаленныхъ по цѣли и глубокихъ соображеній своего начальства; — надо было поддержать его нравственные силы осязательною удачей. Венгерское войско было молодо и въ немъ не могло быть крѣпкой дисциплины, замѣняющей иногда воинственное настроеніе духа. Частный успѣхъ надъ нашими отрядами нѣсколько разсѣивалъ обаяніе русскаго войска и прояснялъ будущность въ глазахъ венгерскихъ солдатъ, и если не измѣнилъ бы исхода войны, то можетъ-быть вынудилъ бы Австрійцевъ быть снисходительнѣе по окончаніи ея и оставилъ бы утѣшительныя воспоминанія славы, которая есть нетлѣнный капиталъ народовъ.

Гергей, находясь въ плѣну въ Гросъ - Вардейнѣ, по желанію князя Паскевича, изложилъ въ краткой запискѣ обзоръ военныхъ дѣйствій въ верхней Венгріи отъ времени вмѣшательства Россіи до сложенія оружія при Вилягошѣ. Эта записка тогда же, въ копіяхъ, сдѣлалась извѣстна въ нашей арміи. Въ ней Гергей, между прочимъ, высказываетъ мнѣніе, — о которомъ упоминалось выше, — что отступленію его чрезъ Токай за Тейсу могли воспрепятствовать русскія войска, находившіяся у Мишкольца (4-й пѣхотный корпусъ), т. е. считалъ возможнымъ, чтобы всю его армію остановилъ одинъ корпусъ численностію въ 20 тысячъ.

Если онъ такъ думалъ, значить это было возможно, и тѣмъ болѣе нельзя не пожалѣть, что генералъ Чоодаевъ не дѣйствовалъ болѣе искусно и рѣшительно; наши успѣхи могли быть не фантазіей, а дѣйствительностію. Но это мнѣніе любопытно болѣе тѣмъ, что показываетъ упадокъ духа, или дѣйствительное нравственное и матеріальное безсиліе и малодность венгерскаго войска, чему однако намъ трудно вѣрилось, потому что въ продолженіе войны мы смотрѣли на венгерскія войска какъ на достойныхъ противниковъ, имѣвшихъ уже славу, пріобрѣтенную побѣдами надъ Австрійцами, — и уважали ихъ. Самое письмо Гергея къ графу Ридигеру показываетъ, какъ было сильно военное самолюбіе венгерскаго войска. Если такое мнѣніе Гергея существовало до плѣна, то, кажется, оно было слишкомъ безнадежно и въ общемъ смыслѣ не можетъ быть оправдываемо ни въ какихъ войскахъ. Если вести войну, то надо вести ее какъ слѣдуетъ, не теряя надежды на успѣхъ и пробуя счастье. Искусство и отчаянная предпріимчивость иногда дѣлаютъ чудеса; въ положеніи Венгерцевъ, ихъ могли спасти только отчаянныя средства.

Впрочемъ, все это одни предположенія, основанныя на обыкновенныхъ военныхъ расчетахъ и на равнокачественности положенія народовъ. Допуская возможность частнаго успѣха Гергея на нашихъ сообщеніяхъ, трудно сомнѣваться, что венгерскія войска были бы рано или поздно подавлены русскою арміей. Критическое разсмотрѣніе дѣйствій Гергея въ общемъ военномъ смыслѣ не можетъ клониться къ осужденію его,

въ его исключительномъ положеніи. Онъ дѣйствовалъ все-таки лучше другихъ венгерскихъ генераловъ.

Можно предполагать, что, кромѣ сознанія слабости своего разноплеменнаго войска, еще одно обстоятельство, въ которомъ Мадырамъ трудно сознаться, могло заставить венгерское правительство или венгерскихъ военачальниковъ избѣгать рѣшительныхъ и сомнительныхъ столкновеній съ русскою арміею у Мишкольца, по близости Карпатовъ, точно также какъ насъ испугать этого столкновенія, — это грозный для нихъ призракъ Славянъ, населяющихъ горы. Еслибы Гергей былъ разбитъ у Мишкольца, часть его войска неизбѣжно бросилась бы въ горы; вся его армія могла быть отброшена туда и была бы тамъ преслѣдуема. При этомъ Славяне могли начать ловить и бить одиночныхъ бѣгущихъ Мадыръ, потомъ избіеніе могло принять болѣе размѣры и разгорѣться въ общее возстаніе противъ помѣщиковъ и мадырскаго господства. Карпатскіе Славяне, даже безъ немедленныхъ важныхъ политическихъ послѣдствій, могли потерять страхъ къ Мадырамъ, убѣдиться искренно въ ихъ слабости и привыкнуть къ надеждѣ и возможности вооруженнаго возстанія, — и тогда пораженіе у Мишкольца могло имѣть вліяніе на судьбу всего мадырскаго племени, — вліяніе болѣе важное, чѣмъ событіе, кончившее войну на равнинахъ, среди мадырскаго населенія. Мы нашли бы въ Славянахъ дѣятельныхъ союзниковъ, а Мадыры новыхъ враговъ, въ самую критическую минуту, — и это невольно установило бы и для насъ новыя обязательства и отношенія къ Славянамъ.

Вообще, весь походъ нашъ въ Венгрію оставлялъ

впечатлѣніе и убѣжденіе въ слабости мадьярскаго племени, — и главная, настоящая причина неудачныхъ дѣйствій Венгерцевъ заключается въ томъ же сознаніи. Въ предводителяхъ ихъ былъ умъ и мужество; но не было геройства и доблестныхъ подвиговъ, которые могутъ быть основаны на вѣрѣ въ будущность и на дѣйствительной силѣ своего народа. Положеніе мадьярскаго племени, окруженнаго многочисленными и непріязненными славянскими племенами, поддержанными могущественнымъ славянскимъ государствомъ, не могло вдохнуть ничего великаго въ дѣянія сыновъ его. Съ самаго начала вмѣшательства Россіи, у Венгерцевъ, очевидно, какъ говорится, опустились руки. Нужно было покончить борьбу на возможно лучшихъ условіяхъ, съ сохраненіемъ прежнихъ отношеній къ Славянамъ. Сложеніе оружія было самымъ выгоднымъ окончаніемъ войны. Военныя соображенія по необходимости примѣнялись къ пользамъ племени.

Говорили, будто Гергей давно желалъ положить передъ нами оружіе и искалъ только приличнаго предлога. Ничто не даетъ права даже на малѣйшее подозрѣніе его въ этомъ. Подъ Вайценомъ и Мишкольцемъ онъ хотя не предпринималъ наступательныхъ дѣйствій, но далъ намъ сильный отпоръ. Къ Дебречину онъ вовсе не пошелъ съ своими главными силами. Въ немъ могло быть сомнѣніе, даже безнадежность на успѣхъ, но онъ честно исполнилъ свой долгъ до послѣдней возможности.

Въ Венгерскую войну не было ни одного значительнаго сраженія, и ея скорое и счастливое окончаніе нами придаетъ, по наружности, нашимъ дѣйствіямъ ха-

рактёръ спокойнаго величія, будто, мы не входя въ мелкія сраженія и не проливая напрасно человѣческой крови, согнали всѣ венгерскія войска въ одно мѣсто и заставили ихъ положить оружіе, — что въ свою очередь можетъ дать предлогъ объяснять ходъ войны тѣмъ, что именно такова была цѣль нашихъ дѣйствій, и что мы достигли ее.

Нѣкоторые считаютъ обязанностью, изъ патріотизма, не выставлять нашихъ ошибокъ и непременно прославлять всѣ наши дѣйствія. Это неискренно, несправедливо и вредно. Неискренно потому, что такимъ правиломъ обыкновенно защищаютъ современныхъ или близкихъ къ намъ дѣятелей, имѣющихъ въ живыхъ много близкихъ людей. Общества любятъ приписывать успѣхъ главнымъ своимъ распорядителямъ, отдѣльнымъ личностямъ, создавать себѣ идоловъ и поклоняться имъ. О дѣлахъ давно прошедшихъ говорятъ откровенно и ошибокъ не прославляютъ. Отъ современниковъ желательна такая же справедливость, какъ и отъ исторіи. Прославляя несправедливо отдѣльныя личности, стоявшія во главѣ важныхъ событій, мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ отнимаемъ славу у русскаго народа. Наша литература была бы слишкомъ мало серьезна, еслибы занималась только самовосхваленіемъ и самообольщеніемъ, развращающими общественную нравственность. Мы испытывали неоднократно неудачи и даже бѣдствія, которыя могли достаточно научить и убѣдить насъ въ пользѣ признанія своихъ ошибокъ. Съ арміями великихъ народовъ побѣды во многихъ случаяхъ легки, и было бы странно, чтобъ общественное мнѣніе такихъ народовъ не было строго разборчиво при оцѣн-

къ своихъ собственныхъ дѣйствій и вообще, — не относя этого выраженія къ Венгерской войнѣ, сложной и имѣвшей свое значеніе по массѣ войскъ, дѣйствовавшихъ на театрѣ войны, — потѣшалось бирюльками. У Россіи много славы, и мы можемъ быть справедливы и искренны.

Въ Венгерскую войну мы могли быть увѣрены въ успѣхѣ, но все-таки наружное спокойное величіе не могло происходить отъ цѣли дѣйствовать величаво, — это было бы слишкомъ натянуто и театрально, — а истекало естественно изъ самаго величія Россіи. Наши успѣхи имѣютъ гораздо болѣе прочное и широкое основаніе, чѣмъ личныя способности полководцевъ, которыя, впрочемъ, также необходимы: неспособный человѣкъ можетъ испортить самое вѣрное дѣло. Наша армія, дѣйствительно, однимъ своимъ появленіемъ на театрѣ войны рѣшила участь Венгріи, и чѣмъ ошибочнѣе покажутся наши дѣйствія, тѣмъ величавѣе представляется могущество Россіи; но это могущество не должно покрывать частности и подробности, ослѣплять и отнимать пониманіе. Генераль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ также знаменитъ четырьмя блистательно оконченными имъ войнами, и нѣтъ никакой надобности приписывать ему излишне то, чего не было; нѣкоторыя второстепенныя неудачи, неизбѣжныя во всякой войнѣ, не унижать его. Приписывая человѣку какую-нибудь блестящую по наружности мысль, можно иногда приписать ему ошибку. Мы очевидно дѣйствовали не съ намѣреніемъ сгнать венгерскія войска въ кучу, а съ цѣлью скорѣе разбить ихъ. Для этого были предприняты: быстрое дви-

женіе отъ Галиціи до Вайцена, разъединившее венгерскія силы, атаки у Вайцена и Дебречина, и дѣлались утомительные, усиленные переходы. Не мы, а сами Венгерцы составили планъ опять сосредоточиться къ Араду; для насъ было выгодно, по разъединеніи ихъ, разбить ихъ до этого сосредоточенія. Преслѣдованіе заранѣе составленной отдаленной, значить неопредѣленной и сомнительной, хотя и величавой, цѣли, къ числу которыхъ можетъ быть отчасти причислено движеніе наше отъ Вайцена чрезъ Тисса-Фюредъ къ Дебречину, не можетъ быть общимъ правиломъ войны, потому что можетъ заставить упускать удобные и ближайшіе случаи частнаго и вѣрнаго пораженія непріятеля, можетъ подвергнуть успѣхъ войны сомнѣнію, затянуть и продлить войну и стоять дороже людьми и деньгами. Пролитіе человѣческой крови, — фраза, пугающая мирныхъ гражданъ, — менѣе опасно, чѣмъ смертность въ лазаретахъ и госпиталяхъ отъ лихорадокъ, горячекъ, тифа, холеры и другихъ болѣзней, происходящая не отъ сраженій, а отъ изнуренія и лишеній на войнѣ, увеличивающихся вмѣстѣ съ ея продолжительностію.

Князь Паскевичъ не былъ полновластнымъ распорядителемъ. Предъ нашимъ вмѣшательствомъ Венгерцы имѣли вездѣ полный перевѣсъ надъ Австрійцами. Мы помогали послѣднимъ, и отъ оцѣнки ими нашихъ дѣйствій, отъ болѣе или менѣе скорыхъ и несомнѣнныхъ успѣховъ нашихъ, отстранявшихъ отъ Австрійской имперіи очевидную и близкую опасность, могла зависѣть участь самого князя Паскевича. Удачное отступленіе Гергея отъ Вайцена, Мишкольца и Дебречина счита-

лось вездѣ, даже въ нашей арміи, нашею неудачею, въ чемъ намъ, участвовавшимъ въ этой войнѣ, нельзя было сомнѣваться, и ходили слухи, что австрійское правительство будто бы просило о смѣнѣ князя Паскевича и что онъ можетъ-быть былъ бы смѣненъ, еслибы не неожиданное пораженіе Австрійцами Дембинскаго у Темесвара и скорое сложеніе Гергеємъ оружія. На войнѣ многое зависитъ отъ случая. Венгерцы, прежде побѣждавшіе Австрійцевъ, могли разбить ихъ и подъ Темесваромъ; отъ этого, положеніе нашей арміи ничего не выиграло бы. Всѣмъ понятно, что Австрійцы не одерживали бы побѣдъ надъ Венгерцами безъ вмѣшательства Россіи; но наше вмѣшательство, вѣроятно, пособило бы имъ рано или поздно и въ такомъ даже случаѣ, еслибы наша армія стала въ срединѣ Венгріи и ничего не предпринимала.

Говорили также, что намъ не было разсчета слишкомъ ослаблять Мадьяръ и возвеличивать Австрійцевъ. — Не упоминая о пользахъ Славянъ, наше вмѣшательство возвеличивало Австрійцевъ наиболѣе именно нашими слабыми дѣйствіями, предоставляя не намъ, а Австрійцамъ одерживать побѣды, тѣмъ возрождаться духомъ и пріобрѣтать славу и дѣйствительную силу. Разсчетъ не ослаблять непріятеля противорѣчитъ самой цѣли всякой войны, и если война была уже начата, то такой разсчетъ могъ привести къ однимъ вреднымъ послѣдствіямъ, подвергая, также, успѣхъ войны сомнительнымъ случайностямъ, особенно въ тогдашнее революціонное состояніе Венгріи и всей Европы, и стоитъ намъ же большихъ и напрасныхъ жертвъ. Можетъ-быть было излишне посылать 9-ю пѣхотную дивизію

для дѣйствій въ составѣ австрійской арміи, а достаточно ограничиться дѣйствіями нашихъ войскъ отдѣльно; тогда за каждымъ осталось бы то, что кому принадлежитъ.

Въ Россіи существовало, и вѣроятно существуетъ, довольно распространенное мнѣніе, что мы сдѣлали въ 1849 году ошибку вмѣшательствомъ въ австрійскія дѣла, помощію Австрійцамъ и, можетъ-быть, спасеніемъ Австрійской имперіи. Рѣшить вѣрно вопросъ этотъ могутъ только послѣдующія поколѣнія, исторія; въ настоящее и ближайшее къ событію время могутъ быть только преходящіе случаи, не доказывающіе общей пользы или вреда вмѣшательства въ отдаленныхъ и окончательныхъ послѣдствіяхъ.

Тогдашнія обстоятельства, указанія минуты, говорили болѣе въ пользу вмѣшательства. Не придавая особаго значенія опасеніямъ и возможности распространенія въ 1849 году волненій въ нашихъ польскихъ областяхъ, — опасеніямъ, могшимъ быть основательными или преувеличенными, даже заблужденіямъ или предлогами, — казалось выгоднѣе пособить Австрійцамъ; — помощь сильному, какими были тогда Мадьяры, однимъ равнодушіемъ и безучастіемъ, могла укрѣпить ихъ еще болѣе и сдѣлать болѣе опасными; помощь слабому могла только разрушить могущество сильнаго, но не воскресить потрясенную Австрійскую имперію, и оставляла дѣла въ неопредѣленномъ, болѣе выгодномъ для насъ положеніи. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы Венгерское государство сдѣлавшись могущественнымъ было болѣе благодарно намъ и чтобъ оно послѣ переворота не сдѣлалось союзникомъ вообще

германскаго племени, въ томъ числѣ и Австрійской имперіи: интересы владычества надъ Славянами у Мадьяръ общи съ Нѣмцами.

Относительно Славянъ все, повидимому, указывало на пользу вмѣшательства. Какія бы ни были политическія побужденія и причины, заставившія окончательно рѣшиться на вмѣшательство, они совпадали, можетъ-быть случайно, съ дѣйствительными выгодами Славянъ Венгерскаго королевства, составляющихъ большинство Славянъ Австрійской имперіи. Завоеваніе дикою ордою Мадьяръ было жестоко; поработенные ими Славяне несли прежде всего мадьярское иго и желали освободиться отъ него. Покореніе Австрійцами нѣкоторыхъ славянскихъ земель въ болѣе новѣйшее время не было такъ сурово; а въ настоящее время 1848—49 г. въ Венгріи, какъ въ 1846 году въ Галиціи, австрійское правительство по необходимости и вопреки своихъ давнишнихъ наклонностей дѣлалось союзникомъ Славянъ, дѣйствуя противъ враговъ ихъ Мадьяръ. Если германизация опасна и сильна въ другихъ славянскихъ земляхъ, находящихся подъ властію Нѣмцемъ, то въ Венгріи она была теперь временнымъ противоядіемъ мадьяризации. Являясь союзникомъ австрійскаго правительства и разрушая могущество Мадьяръ, мы дѣйствовали тѣмъ въ пользу Славянъ и приобрѣтали благодарность и расположеніе ихъ; они положительно сочувствовали нашему вмѣшательству; это фактъ. Самая слабость мадьярскаго племени доказана, въ нѣкоторой степени, наглядно и осязательно для Славянъ именно только вмѣшательствомъ Россіи. Обезсиливая Мадьяръ, мы давали Славянамъ возможность достигать луч-

шей будущности, открывали новые пути къ ней и возвышали духъ ихъ, не рискуя ничѣмъ въ сомнительныхъ предпріятіяхъ для цѣлей слишкомъ отдаленныхъ. Если будущность потребуетъ другаго, то изъ этого не слѣдуетъ, что не надо было дѣлать того, что сдѣлано.

Безъ сомнѣнія, вмѣшательство наше было бы еще полезнѣе, еслибы Мадьяры были поражены сильнѣе, ослабленны матеріально и потеряли первенствующее положеніе въ государствѣ, — еслибы война велась именно съ такою, хотя скрытою, цѣлью; тогда Россія приобрѣла бы болѣе великое значеніе въ славянскомъ мірѣ.

Всѣ остальные предположенія за и противъ вмѣшательства, повидимому, принадлежатъ уже къ области фантазій и гаданій. Самыя великолѣпныя мечты могутъ быть осуществимы, но могутъ оказаться неисполнимыми и даже вредными.

Говорили, что, замедливъ нѣсколько вмѣшательство, мы могли вмѣшаться вотъ вредъ Венгерцамъ, но не для Австрійцевъ, и, пользуясь смутами Европы 1848—1849 годовъ, создать новый порядокъ вещей на пространствахъ Австрійской имперіи, новыя славянскія государства, и присоединить къ Россіи нѣкоторыя славянскія земли. Но въ исполнимости и пользѣ такихъ переворотовъ могли тогда сомнѣваться. Могли опасаться коалиціи, противъ которой мы, вѣроятно, не были готовы и достаточно сильны. Да и вообще, подъ желаніемъ сильнаго вмѣшательства въ дѣла Европы могло скрываться уже ненасытное честолюбіе, которое могло увлечь къ дальнѣйшимъ, неопредѣленнымъ попыткамъ завоеваній. Предъ такимъ широкимъ, не имѣющимъ точныхъ границъ поприщемъ могли являться со-

мнѣніе и много вопросовъ. — Должны ли мы были желать завоеваній въ Европѣ? — Была ли въ нихъ не только общая, но и наша собственная польза? — По духу современныхъ, особенно русскихъ завоеваній, такое слишкомъ тѣсное сближеніе въ одной государственной семьѣ съ народами болѣе насъ образованными не могло ли, какъ это ни странно, обратиться во вредъ намъ, давъ передъ нами, въ нашемъ же государствѣ первенство покореннымъ нами народамъ? — Готовы ли мы для первенствующей роли? — Готовы ли Славяне на всѣ могшія встрѣтиться случайности? — Не пала ли бы вся тяжесть предпріятія на однихъ насъ? — И, наконецъ, великодушная помощь Австріи не спасла ли цивилизацію Европы отъ временныхъ задержекъ и не сохранила ли правильный ходъ судебъ Россіи?

Говорили также, что было бы лучше, еслибы мы вовсе не вмѣшивались, а предоставили дѣла естественному ходу. Революція въ Австріи могла повести это государство къ распаденію, и при тогдашней общей смутѣ Европы, при борьбѣ Австрійцевъ съ Мадырами, ослаблявшими другъ друга, — для Славянъ представлялась возможность принять болѣе дѣятельное участіе въ борьбѣ, образовать у себя центральную власть, крутомъ которой могли собраться племена ихъ, — зародышъ этой власти былъ, — и тогда могли возникнуть славянскія государства сами собою, если не одно, то нѣсколько (послѣднее особенно желательно для западныхъ Славянъ), болѣе дружественныя намъ, чѣмъ нѣмецкія государства, и во всякомъ случаѣ менѣе опасныя. Для всего этого казалось достаточно одной нравственной поддержки Славянъ со стороны Россіи. Такая мечта для

ученыхъ Славянъ обольстительна и кажется осуществимою. Повидимому, очень многое говоритъ въ ея пользу. Славяне не могутъ оставаться въ своёмъ настоящемъ положеніи; судьба ихъ должна измѣниться къ лучшему, и они должны бы пріобрѣсти болѣе важное значеніе по одной своей многочисленности; въ настоящее время ничтожество ихъ кажется страннымъ. Права стараго завоеванія пошатнулись въ событіяхъ 1848—1849 годовъ; покоренные могли считать себя и узнать свою силу. Напрасно объяснять современныя отношенія народовъ въ сословіяхъ какими-нибудь обыкновенными правами и идеями политическихъ экономій;—настоящее положеніе дѣлъ въ Венгріи истекаетъ изъ давнишняго завоеванія; воспоминаніе прошедшаго и цѣль будущаго не могутъ забыться и потеряться, и рѣшеніе современныхъ вопросовъ неизбѣжно сведется къ расчету между покоренными и завоевателями. Вопросъ только во времени, способахъ и важности рѣшеній.

Все это такъ;—и чего бы лучше, какъ послѣ тысячелѣтняго порабощенія вдругъ возникнуть славянскимъ государствамъ безъ всякихъ особыхъ усилій и жертвъ. Этимъ было бы удовлетворено божеское и человѣческое правосудіе, вознаграждены вѣка страданій многочисленнаго племени. Но отвѣчала ли этому дѣйствительность и давало ли что-нибудь право надѣяться, что Славяне въ 1849 году могутъ сдѣлать что-нибудь важное?—Едва ли. Блестящія предположенія и горячія желанія не поддерживаются событіями того времени. Мадыры одерживали побѣды надъ Австрійцами. Карпатскіе Славяне, сочувствуя австрійскому правитель-

ству, не пособляли ему, не возстали противъ Мадьяръ, а покорно, хотя и неохотно, исполняли всѣ требованія послѣднихъ и служили въ ихъ войскѣ. Нельзя достигнуть того, на что не сдѣлали даже попытки, не заявили никакого энергическаго требованія, могшаго доказать дѣйствительную силу Славянъ; продолжительный гнетъ слишкомъ задавилъ ихъ. Судя по направлению мыслей нашего правительства, высказанному въ распоряженіи 1848 года, пропускать изъ Галиціи черезъ границу только спасающихся, можно догадываться, что еслибы Славяне приняли дѣятельное участіе въ борьбѣ съ Мадьярами, то не было бы и нашего вмѣшательства.

Имѣетъ также вѣсь то мнѣніе, что, для достиженія чего-либо прочнаго, западнымъ Славянамъ надо быть соединенными, руководимыми одною цѣлью и властью для борьбы съ покорившими ихъ народами, и что они разрознены не только поселившимися между ними другими племенами, преимущественно Мадьярами, но и своими нарѣчіями, своею историческою неискоренимою рознью, жаждою мелкой особности и соперничествомъ другъ съ другомъ, — рознью, зависѣвшею отъ мелкихъ интересовъ, самолюбія и родовой силы отдѣльныхъ аристократическихъ семей. Эта рознь препятствовала не только отдѣльнымъ славянскимъ племенамъ соединиться въ одно сильное государство, но даже образоваться единой сильной власти въ каждомъ племени особо: она была первоначальною причиною ихъ гибели и замѣчается до сихъ поръ.

Можетъ — быть оцѣмченіе и отуреченіе старинной славянской аристократіи вырываетъ изъ среды Сла-

вянъ одно изъ золь, препятствовавшихъ объединенію и величію ихъ въ самостоятельномъ государствѣ, и даетъ нѣкоторыя надежды на лучшую будущность. Но европейская идея о правахъ каждаго племени на самостоятельное существованіе, такъ жадно схваченная и усвоенная богатыми и учеными Славянами, свидѣтельствуешь о существованіи еще этого стариннаго чувства розни и служить новою отравой, новымъ европейскимъ средствомъ къ ослабленію Славянъ; — примененная къ себѣ каждымъ мелкимъ нарѣчіемъ, каждою особою мѣстностію, она доводитъ до нелѣпости и самоубійства, въ виду существующихъ сильныхъ государствъ другихъ племенъ. Подобныя мелкія самолюбія и интересы у всѣхъ народовъ, соединенныхъ въ сильныя государства, существовали и были задавлены внутреннею центральною властью; — у Славянъ, въ настоящемъ ихъ положеніи, трудно образоваться такой власти.

Можетъ - быть, со временемъ обстоятельства будутъ для нихъ болѣе благопріятны, положеніе ихъ созрѣетъ, нравственные силы окрѣпнутъ, судьба опредѣлится яснѣе — и болѣе вѣрно рѣшится вопросъ: могутъ ли они надѣяться на однѣ свои силы и освободиться изъ-подъ ига безъ посторонней помощи, или должны примкнуть къ существующимъ уже славянскимъ государствамъ, или должны остаться подъ властію Мадыаръ и Нѣмцевъ; но въ 1849 году могло казаться, что имъ выгоднѣе оставаться подъ болѣе союзною властію Австріи, чѣмъ подъ властію Мадыаръ, привыкшихъ давить ихъ 1000 лѣтъ.

По сдачѣ плѣнныхъ Австрійцамъ въ Арадѣ, въ нашихъ войскахъ отслужили торжественно, на площади Гросъ — Вардейна, молебенъ за счастливое окончаніе войны, и наши войска начали выступать въ Россію. Долѣе всѣхъ оставались въ Венгріи части 3-го пѣхотнаго корпуса. Кавалерія и пѣхота 4-го пѣхотнаго корпуса выступили изъ Гросъ — Вардейна въ 20-хъ числахъ августа. Я простился съ своими добрыми хозяевами, у которыхъ жилъ около трехъ недѣль; они провожали меня какъ родного.

Мы шли въ Россію на Дебречинъ и Мункачъ, по мѣстамъ еще незнакомымъ. Опять открылись передъ нами венгерскія равнины съ безпредѣльнымъ горизонтомъ, пересѣченнымъ изрѣдка тонкими и высокими шпичами колоколенъ кальвинистскихъ кирокъ; крыши у этихъ колоколенъ вогнуты внутрь, на подобіе китайскихъ бесѣдокъ, и упираются на тонкіе столбики, такъ что издали крыша и шпичъ кажутся висящими въ воздухѣ надъ остальною массою зданія. Въ Дебречинѣ я опять увидѣлся съ профессоромъ Закани. При походѣ нашихъ войскъ чрезъ города и селенія жители уже не бѣжали, а принимали насъ дружелюбно. Въ краѣ были водворены уже австрійскія власти или сохранились прежнія мадьярскія; расквартированіе и довольствіе войскъ производились правильно и исправно, и съ жителями не случилось никакихъ столкновеній; фуражъ и топливо были заготовлены на ночлегахъ въ изобиліи и отпускались войскамъ тотчасъ по приходѣ ихъ; раззорительныхъ для жителей фуражировокъ болѣе не дѣлали.

Несмотря на скорый походъ, офицеры дѣлали зна-

комства, и еслибъ имѣли болѣе времени, то можетъ-быть не одна Венгерка уѣхала бы въ Россію. Въ м. Надъ — Калло я шутя спросилъ хорошенькую дочку хозяина моей квартиры, желала ли бы она поѣхать въ Россію.

— Я непременно поѣду въ Россію, отвѣчала она.

— Съ кѣмъ?

— Съ однимъ вашимъ офицеромъ. Онъ обѣщалъ возвратиться сюда и жениться на мнѣ.

— Вы надѣетесь, что онъ воротится?

— О, непременно! Онъ хотѣлъ жениться на мнѣ теперь, но это не можетъ быть устроено такъ скоро. Надо подождать.

— Онъ вамъ нравится?

— Очень.

— И вы не боитесь поѣхать въ Россію?

— Прежде побоялась бы, а теперь не боюсь! Я выйду замужъ не иначе, какъ за русскаго офицера.

Нѣсколько Венгеровъ, какъ я слышала, ушли съ Русскими. Не знаю, что съ ними сдѣлалось послѣ. Между прочимъ рассказывали, что одна дѣвица, дочь зажиточныхъ родителей, ушла съ казакомъ, другая съ деньщикомъ. Онѣ терпѣливо и неотвязно слѣдовали за ними во весь походъ, иногда пѣшкомъ, усталыя, измученныя, едва передвигая ноги.

По мѣрѣ приближенія къ Мункачу равнина становится волнообразнѣе; песчаные холмы тянутся отдѣльными грядами. Мункачъ, хорошенькій небольшой городъ, лежитъ на равнинѣ у подошвы горъ, при самомъ выходѣ изъ нихъ одного изъ главныхъ ущелій и шоссе, пересѣкающаго Карпаты между Стрыемъ (въ

Галиціи) и Мункачемъ. Подъѣзжая къ городу, влѣво, верстахъ въ двухъ отъ него, виднѣется конусообразная гора, стоящая отдѣльно отъ массы Карпатовъ; на ея вершинѣ громадный старинный замокъ; кругомъ подошвы устроены новѣйшія укрѣпленія: это Мункачская крѣпость, считающаяся одною изъ важнѣйшихъ крѣпостей Венгріи, такъ какъ владѣеть однимъ изъ важнѣйшихъ горныхъ проходовъ. По мнѣнію простонародья, гора эта искусственная, насыпная, что невѣроятно. Мункачская крѣпость сдалась также Русскимъ и въ это время имѣла русскій гарнизонъ. Возлѣ города находится большой чугунный заводъ, которыхъ въ Карпатахъ много.

За Мункачемъ начинаются Карпатскія горы и въ нихъ сплошное населеніе Славянъ. Славяне и здѣсь бѣднѣе Мадырь; дома ихъ похожи на наши малороссійскія избы и покрыты соломой. Свою бѣдность они объясняли тѣмъ, что у нихъ нѣтъ собственности; земля, на которой они живутъ и которую обрабатываютъ, принадлежитъ прежнимъ помѣщикамъ ихъ. Отъ самаго города шоссе идетъ между горами широкою долиною, засѣяною хлѣбомъ, пересѣкая иногда текущую здѣсь горную рѣчку. Мѣстоположеніе становится разнообразно и живописно; на каждомъ шагу открываются новые великолѣпные виды. Край кажется раемъ, изъ котораго не хотѣлось бы выѣхать. На этомъ пространствѣ южная толща Карпатовъ короче, чѣмъ на протяженіи между Бартфельдомъ и Токаемъ; характеръ горъ измѣняется скорѣе. По мѣрѣ возвышенія, природа становится суровѣе, долина суживается, поля прекращаются.

Оставляя очаровательныя долины и равнины Венгріи, мы всѣ невольно часто останавливались и смотрѣли назадъ. Наконецъ, въ послѣдній разъ мы долго смотрѣли на отдаленную, безконечную степь, виднѣвшуюся узкою полосой между боками зеленыхъ горъ. Прощай, Венгрія, строитивая и укрощенная красавица, поприще нашихъ трудовъ и славы, будущее свѣтлое воспоминаніе нашей старости! Не даромъ полюбили тебя Гунны и Угры. Наша мысль будетъ часто перелетать съ нашихъ снѣжныхъ полей на твои зеленыя поля и виноградники, на твои высокія горы, покрытыя лѣсомъ и облаками, и безпредѣльныя равнины съ безоблачнымъ горячимъ небомъ. Какъ прелестная женщина, ты можешь-быть привлечешь еще когда-нибудь влюбленный, но роковой взглядъ завоевателей.

Была уже ночь, когда мы пришли на ночлегъ въ небольшую горную деревню Полѣна, населенную Славянами русскаго племени, бѣдными и робкими, живущими въ курныхъ избахъ. На другой день выступили рано. Кругомъ деревни стояли высокія, крутыя горы, покрытыя лѣсомъ. Утренній туманъ въ видѣ облаковъ стлался и уходилъ по ихъ бокамъ; будто восходящее солнце подымало понемногу широкое бѣлое покрывало и показывало намъ одинъ за другими дѣвственныя красоты здѣшней природы, полной спокойствія, тишины и уединенія.

Далѣе Карпаты становятся все выше и суровѣе, бока горъ круче. Шоссе вьется въ ущельяхъ надъ обрывами потоковъ, которые, гремя и пѣнясь, бѣгутъ по каменистому дну. На этомъ пути горы гораздо выше, чѣмъ на пути отъ Дуклы къ Кашау; ихъ вершины

даются богаче, чѣмъ въ Карпатахъ, но далеко не такъ

странной, фантастической формы; скалы торчат отвѣсно или висятъ надъ пропастями; темные гроты виднѣются у подошвы.

На предпоследнемъ переходѣ въ Венгріи, шоссе, идущее постоянно въ узкомъ дефиле, было испорчено и во многихъ мѣстахъ перерыто; отлогости горъ по бокамъ шоссе завалены на протяженіи нѣсколькихъ верстъ огромными деревьями. Трудъ былъ громадный, но не принесъ Венгерцамъ никакой пользы. Вѣроятно, они ожидали вторженія Русскихъ по этому пути и приняли всѣ мѣры къ загражденію его. На дорогѣ отъ Дуклы не было сдѣлано и десятой доли того, что здѣсь, можетъ-быть отчасти потому, что всѣ эти искусственныя средства обороны не могли принести на дорогѣ отъ Дуклы большой пользы; какъ мы видѣли, долины тамъ шире, горы отложе, и всѣ позиціи могли быть обойдены.

Вскорѣ за послѣднимъ селеніемъ Венгріи, Альзо-Верецке, въ которомъ ночевали наши войска, дорога начинаетъ подыматься на главный хребетъ Карпатовъ. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ шоссе вьется по крутизнамъ, ломается колѣнами, и утомленные кони поднимаются наконецъ на высшую точку. Мы оглянулись еще разъ на Венгрію. Подъ нашими ногами лежала глубокая долина, въ которой дома едва виднѣлись; кругомъ насъ—горы, покрытыя лѣсомъ; въ отдаленіи возвышались отдѣльныя круглыя, голыя вершины, изъ числа которыхъ нѣкоторыя, выше другихъ, скрывались въ облакахъ.

Граница между Венгріей проходитъ по высшей чертѣ хребта. Шоссе частыми изломами быстро спускаетъ

ся по сѣверной покатости и въ нѣсколько минутъ приводитъ въ первую деревню Галиціи, Климець, совершенно раззоренную и частію сожженную Венгерцами въ продолженіе послѣдней войны. Климець населенъ Славянами; ихъ курныя, черныя избы, числомъ до 15, разбросаны по горамъ, отдѣльно одна отъ другой. Копоть покрываетъ внутренность дома; дымъ ходитъ подъ потолкомъ; напуганная и оборванная семья гнѣздится на печи и по угламъ и дико смотритъ на незнакомыхъ людей. А Мадьяры—какіе они образованные, богатые, мягкіе и ласковые! Это было послѣднее впечатлѣніе, уносимое изъ Венгріи, и каждый пережевывалъ и вкушалъ его по-своему. Послѣдняя колонна войскъ 4-го пѣхотнаго корпуса перешла границу Венгріи 5 сентября.

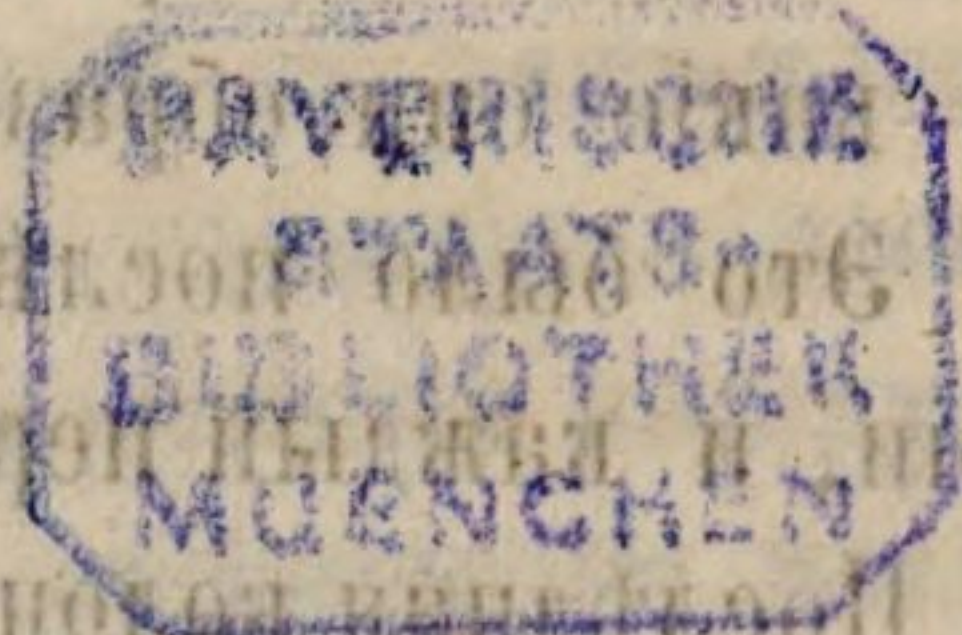
Слѣдующія славянскія селенія такъ же бѣдны и дома такъ же нечисты. Видъ Карпатовъ становится менѣе дикъ по мѣрѣ спуска съ горъ; долины расширяются; мѣстность становится опять разнообразнѣе и живописнѣе. За широкими котловинами съ обѣихъ сторонъ синѣютъ горы—однѣ освѣщенные солнцемъ, другія покрытыя тѣнью проходящихъ облаковъ. Свѣтъ и тѣнь часто мѣняются; одни пространства, мгновенно освѣщенные прорвавшимися изъ-за облаковъ лучами, выходятъ рѣзкими очерками изъ полутѣни, другія скрываются въ синевѣ отдаленія;—невидимая солнечная кисть великаго художника прихотливо рисуетъ разнообразныя великолѣпныя картины.

За переходъ до г. Стрыя горы оканчивается. Мѣстность становится сначала волнообразная, а потомъ ровная. Вездѣ видны одни засѣянные поля. Селенія дѣлаются богаче, чѣмъ въ Карпатахъ, но далеко не такъ

богаты, какъ мадыарскія. Стрый—довольно большой го-
родъ, похожій на наши Средніе губернскіе города. Въ
Галиціи начинаютъ встрѣчаться опять многолюдныя и

грязныя поселенія Евреевъ. Въ концѣ сентября войска 4-го пѣхотнаго корпуса
перешли русскую границу и стали на квартирахъ въ
Волинской и Подольской губерніяхъ.

Въ концѣ сентября войска 4-го пѣхотнаго корпуса
перешли русскую границу и стали на квартирахъ въ
Волинской и Подольской губерніяхъ. Стрый—довольно большой го-
родъ, похожій на наши Средніе губернскіе города. Въ
Галиціи начинаютъ встрѣчаться опять многолюдныя и
грязныя поселенія Евреевъ. Въ концѣ сентября войска 4-го пѣхотнаго корпуса
перешли русскую границу и стали на квартирахъ въ
Волинской и Подольской губерніяхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
I. На границѣ Галиціи	1
II. Галиція.—Карпаты.—Граница Венгріи	16
III. Вступленіе въ Венгрію.—Бартфельдъ.—Эперіесъ.—Кошау	52
IV. Равнина Тейсы.—Славяне и Мадьяры.—Токай.	82
V. Дебечинъ.—Венгерскія степи	116
VI. Движеніе Гергея отъ крѣпости Коморна и преслѣдованіе его русскою арміею	138
VII. Мишкольцскія сраженія: 11 іюля у с. Гарсанъ и 12 іюля у с. Герембели	174
VIII. Мишкольцскія сраженія. 13 іюля на р. Саю у с. Жолча	194
IX. Движеніе русской арміи къ Дебечину	211
X. Сложеніе Гергеемъ оружія.—Гросъ-Вардейнъ	231
XI. Общій взглядъ на войну.—Возвращеніе въ Россію.	249

ОТЛАВЛЕНІЕ

С. 1000.

I.	На границѣ Галиціи	1
II.	Галиція.—Карпаты.—Галицкія Вѣснѣи	16
III.	Вступленіе въ Вѣснѣи.—Вѣснѣи.—Вѣснѣи	53
IV.	Галицкія Вѣснѣи.—Галицкія Вѣснѣи.—Галицкія Вѣснѣи	82
V.	Дѣбренія.—Вѣснѣи	116
VI.	Дѣбренія.—Вѣснѣи.—Вѣснѣи.—Вѣснѣи	138
VII.	Минскіе Вѣснѣи.—Вѣснѣи.—Вѣснѣи.—Вѣснѣи	171
VIII.	Минскіе Вѣснѣи.—Вѣснѣи.—Вѣснѣи.—Вѣснѣи	191
IX.	Дѣбренія.—Вѣснѣи.—Вѣснѣи.—Вѣснѣи	211
X.	Галицкія Вѣснѣи.—Вѣснѣи.—Вѣснѣи.—Вѣснѣи	231
XI.	Общій взглядъ на войну.—Возвращеніе въ Россію	249

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
41	25	не избранное,	но избранное.
44	14	г. Стрымъ	г. Стрымъ
52	5	Карпапы	Карпаты
70	2	Доргинской	Даргинской
77	24	отступленіи	отступленіи,
95	3	нужны особенность	нужны особенность
123	29	генеру	генералу
160	1	Лозанчъ	Лозончъ
181	7	часа	часу
200	12	въ это время	и въ это время
249	4	къ Токаю	къ Араду

О П Р А Т К И

Смѣна	Смѣна	Смѣна	Смѣна
по издѣлкѣ	не издѣлкѣ	41	41
т. Стрѣла	т. Стрѣла	44	44
Крѣпость	Крѣпость	5	5
Дѣлѣнѣе	Дѣлѣнѣе	5	5
отдѣленіе	отдѣленіе	54	54
нужныя особы	нужныя особы	3	3
тѣмъ	тѣмъ	59	59
Познаніе	Познаніе	1	1
нѣтъ	нѣтъ	7	7
и въ это время	и въ это время	12	12
въ Архивѣ	въ Архивѣ	1	1

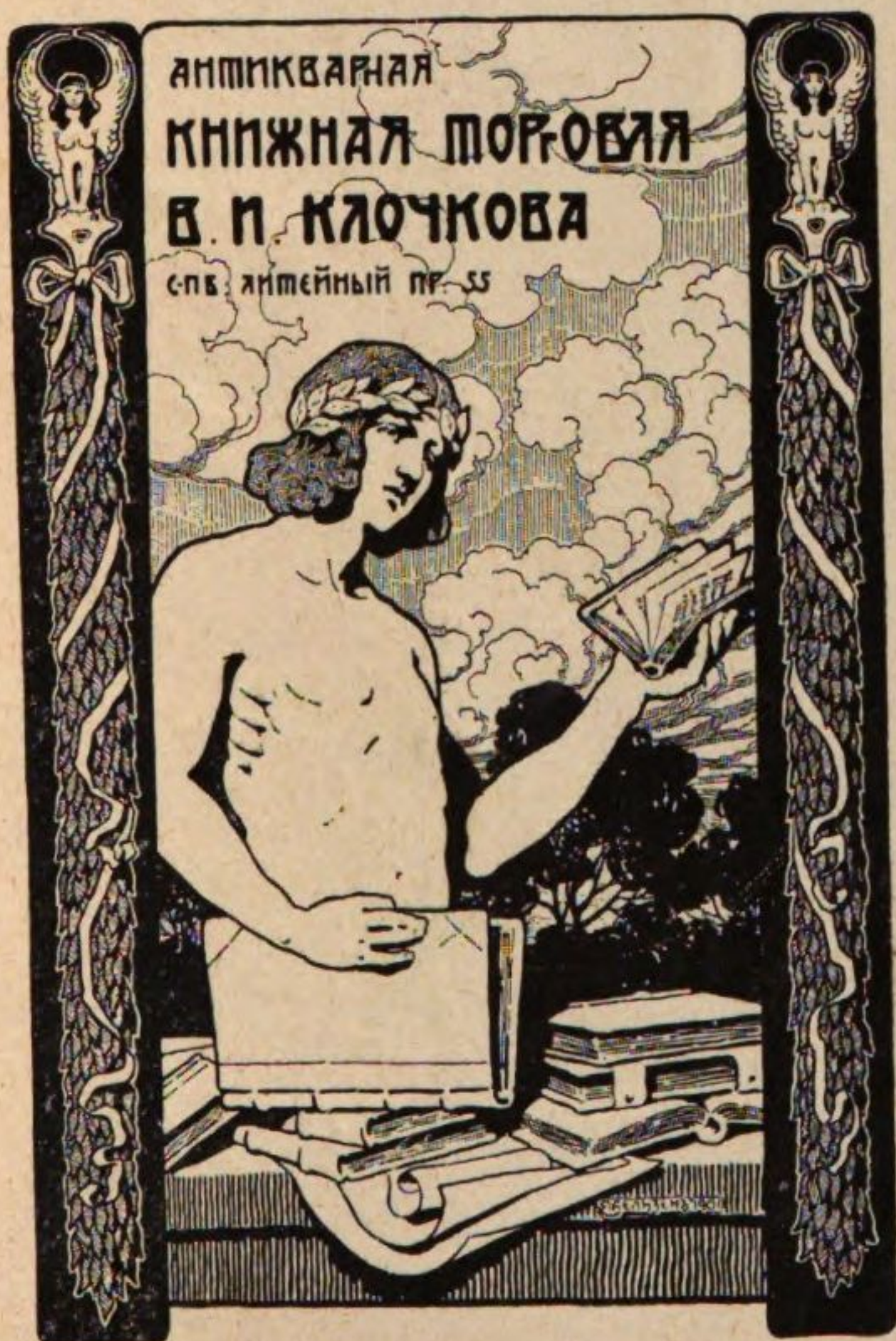

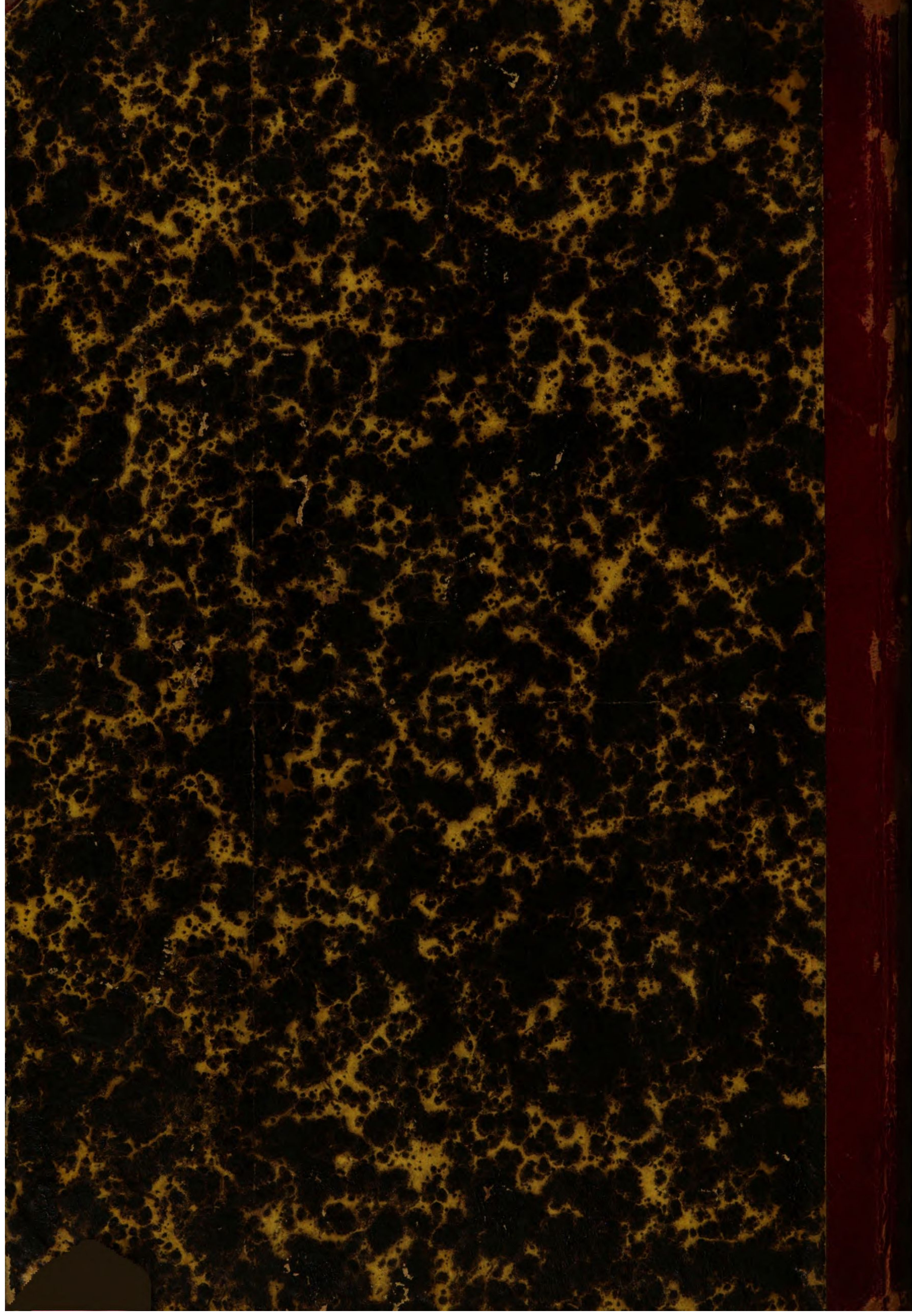

13/11 903

Lichutin, M. D.

Zapiski o pochodě v Vengriju v 1849 godu M. D. Lichutina

Moskva 1875

Eur. 914 d

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11314889-9